

A close-up, profile view of a woman with dark hair, looking down with a somber expression. She is carrying a large, heavy sack made of light-colored fabric on her back, secured with ropes. The background is a blurred, outdoor setting with a light-colored ground and some distant trees.

Непростая ноша

**Внутренне-перемещенные
лица в Грузии:
истории из Абхазии
и Южной Осетии**

Непростая ноша

**Внутренне-перемещенные
лица в Грузии:
истории из Абхазии
и Южной Осетии**

От авторов проекта

Жизненные истории, которые вы прочтете в этой книге – плод совместного труда многих людей. В первую очередь, это, конечно же, сами гонимые, которые открыли свои сердца и поведали нам свои истории. Мы им за это глубоко благодарны. Без них никогда бы не состоялась ни эта книга, ни проект «Голоса внутренне перемещенных лиц», представленный на вебсайте www.idpvoices.org.

Мы хотели бы выразить свою благодарность также неправительственным организациям, сотрудники которых оказали нам помощь и помогли наладить контакты со многими из рассказчиков.

Осуществление проекта оказалось возможным благодаря вкладу многих других людей, вовлеченных в работу с гонимыми в Грузии, включая Абхазию и Южную Осетию. Особую признательность мы выражаем:

- Местным НПО: “Атинати”, Ассоциация женщин ВПЛ «Согласие», Союз педагогов тренеров «Лампари»
- Манане Габашвили
- Маргарет Викки
- Шибхану Воррингтону
- Керен Гитис
- Грете Зендер
- Матиасу Симигу
- всему коллективу грузинского офиса НСБ

Специальная благодарность нашим донорам, поддержка которых сделала возможным публикацию этой книги: Статоил/Гидро (через НСБ-Грузию и Центр мониторинга за внутренним перемещением); Австралийскому Агентству международного развития, Канадскому Департаменту иностранных дел и международной торговли; Министерством иностранных дел Дании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Южной Африки и Швейцарии; Шведскому международному агентству развития; Датскому агентству по беженцам, Министерству международного развития Великобритании и Верховному Комиссариату по делам беженцев ООН.

ISBN: 978-9941-9021-1-6

Анна-Софи Луис

Директор проекта «Голоса ВПЛ»
Центр мониторинга за внутренним перемещением

Тамар Таварткиладзе

Координатор проекта, НСБ - Грузия

Мери Кумсиашвили
Редактор русского издания

Тина Чхеидзе
Редактор грузинского издания

Оливия Беннетт, Панос Лондон
Венди Девис, Панос Лондон
Беата Скварска, Центр мониторинга за внутренним перемещением
Эдмунд Дженнингс, Центр мониторинга за внутренним перемещением

Редакторы английского издания:

Перевод с грузинского
Майя Дарчия

Перевод с русского
Мари Манвелишвили

Компьютерная верстка
Ираклий Хуцишвили

Издательство “Сиеста”

Фото:

На фотографиях в книге изображены не герои представленных историй.

Фото на передней обложке:
Хейди Браднер, Панос

Женщина-грузинка, согнанная с места своего жительства внезапным столкновением между грузинскими партизанами и абхазскими формированиями, переносит мешок со своими вещами через так называемую границу между Абхазией и Грузией, пролегающую по пешеходному мосту на реке Ингури.

Фото на задней обложке и на стр. 18 (внизу справа), 76, 77, 96, 97:
Иола Монахов, Панос

Фото на стр. 17 (внизу справа), 19 (внизу справа), 48, 49:
Хейди Браднер, Панос

Фото на стр. 19 (слева сверху), 20 (слева сверху), 56, 68, 69:
Олег Климов, Панос

Фото на стр. 17, 20 (внизу слева), 36, 37, 44, 45, 64, 65, 82, 83:
Юлия Комиссарофф
Проект по беженцам на Кавказе

Фото на стр. 18 (внизу слева), 19 (внизу слева), 28, 29:
Ингвил Марштейн

Фото на стр. 17 (вверху слева), 22, 23:
Даро Сулакаури

Фото на стр. 17 (внизу слева), 18 (вверху слева):
Манана Габашвили

Фото на стр. 17 (вверху справа):
Тамар Таварткиладзе

Фото на стр. 20 (вверху справа):
Керен Гиттис

Фото на стр. 18 (вверху справа), 19 (внизу справа), 20 (внизу справа), 88, 89, 100, 101:
из архива НСБ

Частичное или полное воспроизведение текста разрешено только с ссылкой на источник и авторов данного издания.

Распространяется бесплатно

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Группа интервьюеров	10
Отбор и редактирование устных историй	14

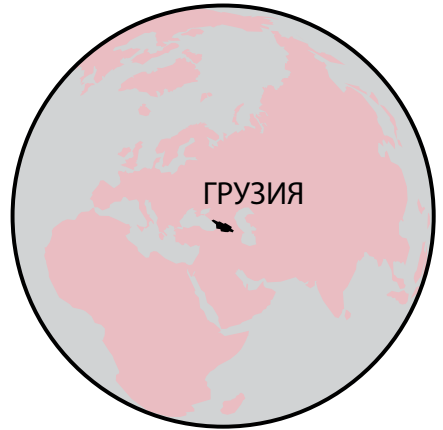
ЖИЗНЕННЫЕ ИСТОРИИ

Истории людей, живущих в изгнании

Тея.....	23
Питер.....	29
Энгурдалеули	37
Инга.....	45
Темури	49
Мзия	57
Александр.....	65
Роза	69
Элисо.....	77

Истории людей, живущих в конфликтных зонах

Зураб	83
Тамара.....	89
Екатерина.....	97
Зурико.....	101
Глоссарий	106

ПРОЛОГ

Доводилось ли вам беседовать с гонимыми? Понимаете ли вы, каковы последствия перемещения? Думали ли вы когда-нибудь, что значит потерять во время конфликта самых близких людей, потерять все свое имущество и быть с корнем вырванным, согнанным с того места, откуда ты родом? Эта книга поможет вам изучить, что происходит с личностями в ситуации затянувшегося изгнания и увидеть проблему перемещения сквозь призму личных историй. Тринадцать историй из Грузии (включая Абхазию и Южную Осетию) позволяют нам проникнуть в жестокие реалии конфликта и перемещения. Не зная преград, побеждая преудбеждения и политические программы, эти голоса доходят до нас, эти истории говорят сами за себя.

Акцент в этих историях сделан на опыте и чувствах людей, а не на специфических политических вопросах. Читая то, что сами гонимые хотят рассказать нам, мы можем выяснить, что на самом деле важно этим людям, какие проблемы беспокоят их больше всего. Специально подготовленные интервьюеры не вмешивались в ход повествования своих рассказчиков, и в результате в историях появились неожиданные факты и идеи. Изучая их, мы можем по крупицам собрать реальную картину ситуации конфликта и перемещения, порой скрытую за обобщенным их описанием. Это просто истории, описание того, что произошло – без анализа и теоретизирования. Сила этих историй в образах, голосах, ощущениях, чувствах, надеждах и мечтах. В то же время истории, которые вы здесь прочтете, являются источником богатого фактического и аналитического материала.

Эта книга - плод совместного труда Центра мониторинга за внутренним перемещением, представительства Норвежского Совета по беженцам

в Грузии и Программы «Устные истории» Панос-Лондона. Книга является частью более крупного проекта, цель которого зафиксировать голоса внутренне-перемещенных лиц по всему миру. Вы можете также услышать и прочесть эти и другие истории в рамках проекта «Голоса внутренне-перемещенных лиц» на вебсайте www.idpvoices.org.

Истории жизни гонимых были собраны 12 интервьюерами, которые являлись представителями различных групп общества, затронутых конфликтом и вынужденным переселением. Каждому из интервьюеров была хорошо знакома ситуация вынужденного перемещения: они либо столкнулись с ней лично, сами будучи гонимыми, либо им пришлось изучать эту тематику по роду занятий. Проект позволил им развить навыки сбора устных историй, а также принять участие в их переработке.

Всего собрано 59 интервью, из них 29 были выбраны и отредактированы для помещения их на вебсайте, а 13 было решено напечатать в этой книге. На воркшопах участники проекта были обучены тому, как проводить открытые интервью, слушать собеседников, как обращаться с очень личной информацией, могущей ранить людей. Их научили также тому, как управлять психологическим воздействием, которое истории оказывают на них и самих рассказчиков. Интервьюеры помогли определить темы интервью и разработали этические нормы их проведения и руководство по безопасности. На двух рабочих встречах участники имели возможность поделиться своим опытом, выслушать других и сделать необходимые коррективы, проанализировать уже записанные истории, обсудить возможные пути их распространения, а также определить, как должна быть осуществлена соответствующая работа по адвокатированию. С

помощью этого проекта голоса гонимых, которые обычно не слышат, были услышаны, и записаны на диктофон. Затем записи были расшифрованы слово в слово и прочитаны членами читательского комитета. Отобранные истории были очень осторожно отредактированы, дабы не изменить атмосферу и аромат оригинального текста (см. Отбор и редактирование устных историй).

Участие в проекте «Голоса ВПЛ» делает людей сильнее и меняет их. Для интервьюеров и рассказчиков, принявших участие в проекте, приобретенный опыт может оказаться бесценным. Состоит он в том, что люди, которые до сих пор не были услышаны, получили возможность поделиться своими думами и рассказать историю своей жизни другим заинтересованным людям, которые и сами испытали, что такое вынужденное перемещение.

Данные истории освещают темы и вопросы, которые выходят за рамки типичного представления о вынужденном переселении и связанной с ним защитой прав переселенцев. Эти истории глубже и проникновеннее, ибо они затрагивают ценности, личностные моменты, чувства и эмоции.

Большинство рассказчиков отмечало, что они чувствовали облегчение, или даже были счастливы, поскольку имели возможность рассказать историю своей жизни внимательному и чувствительному слушателю; хотя некоторые подчеркивали и то, что вспоминать болезненное прошлое было довольно трудно. Некоторые рассказчики говорили, что они не могли обсуждать то, что с ними произошло, с другими людьми из-за страха и недоверия, которые они испытывали, поэтому теперь они так высоко ценят эту вдруг появившуюся у них возможность. Один из интервьюеров отметил: *«Я понимаю их боль, поскольку я сам ВПЛ»*. Так был создан климат взаимного доверия – пространство, в котором люди могли делиться самым сокровенным, не боясь оказаться дискриминированными, непонятыми или незащищенными.

Вопросы защиты и безопасности по-прежнему ак-

туальны, особенно в конфликтных зонах. Вследствие этого настоящие имена рассказчиков были защищены и скрыты за псевдонимами. Даже некоторые интервьюеры предпочли воспользоваться псевдонимами, поскольку их участие в проекте может подвергнуть их жизни опасности. Двое из них решили не показываться, даже воспользовавшись придуманными именами.

Название книги «Непростая ноша» отражает тяжелый груз травм, который несут на своих плечах наши рассказчики. Даже теперь, спустя столько лет после перемещения, им, лишенным возможности оплакивать своих погибших согласно традициям и обычаям, хочется поведать миру о понесенных потерях и продолжающейся скорби. Как им смириться с потерями, если они не могут оказать последнюю почесть своим любимым близким людям, которых не в состоянии похоронить рядом с их предками на их родной земле, как подобает, как того требуют традиции, если не могут властью наплакаться на могилах своих детей, родителей и супругов? Очевидно, что эти и другие проблемы должны быть адресованы тем, кто в состоянии их решить. Нерешенные проблемы, связанные с перемещением, могут быть одной из причин нестабильности и подвергнуть риску усилия по установлению мира. Однако в этих историях мы сталкиваемся не только со скорбью. В них мы встречаемся с сильными людьми – женщинами и мужчинами, которые нашли в себе силы и научились, несмотря ни на что идти вперед.

Участие в этом проекте ВПЛ является решающим фактором. Одна из рассказчиц так охарактеризовала свои отношения с представителями другой стороны: *«...мы о наших трагедиях заговорили только после того, как очень хорошо узнали друг друга, полюбили друг друга. Понадобилось время, чтобы довериться друг другу. Когда мы уверовали, что поймем боль друг друга, когда этот момент наступил – мы сели и поговорили открыто – без агрессии, без обвинений»*. (Тяя)

Создавать пространство для диалога людей по

разные стороны конфликта – одно из неперемных условий заживления ран, нанесенных этим конфликтом. Ради самих гонимых, ради поддержания мира очень важно, чтобы опыт и заботы этих людей были услышаны и приняты другими, были донесены до тех, кто может что-то изменить, и были приняты во внимание местным и международным сообществами.

Мы надеемся, что у этой книги будет широкая читательская аудитория и что она станет предметом интереса правительства, государственных организаций, ООН и других международных агентств, НПО, представителей гражданского общества, исследователей и конечно, в первую очередь – самих гонимых. Книга поможет получить более полное представление об основных проблемах и заботах более чем 245,000 гонимых в Грузии. Их голоса должны быть услышаны.

Сколько еще предстоит им вынести, прежде чем государство и международное сообщество, ответственные за их будущее, сдвинут дело с мертвой точки и докажут, что долговременное решение наконец найдено?

Анна-Софи Луис,
Директор проекта “Голоса ВПЛ”
Центр мониторинга за внутренним перемещением

ГРУППА ИНТЕРВЬЕУЕРОВ

РИТА МАРГАНИЯ

48 лет, педагог, ВПЛ из Сухуми (Абхазия)

“У меня три дочери. Моя семья живет в Тбилиси, в коллективном центре для внутренне-перемещенных лиц. Мой брат и родители по-прежнему живут в Абхазии. Я работаю тренером в Норвежском Совете по беженцам (НСБ).

Самым важным для меня была возможность общаться с гонимыми, которым пришлось столкнуться с теми же проблемами, что и мне. Интересно было узнать, как они видят и оценивают эти проблемы и как находят выход их создавшейся ситуации. В процессе работы мы помогли людям открыться, рассказать о своих горестях и печалях, выразить связанные с ними эмоции. Наши герои пытались взглянуть на свою жизнь с разных сторон и оценить происшедшие в ней события. Было приятно, когда мои респонденты выражали желание общаться и по окончании интервью – им хотелось о многом рассказать, поделиться другими случаями из своей жизни. Я много отдала этой работе, но и много приобрела взамен”.

ЛЕВАН АРКАНИЯ

23 года, экономист, ВПЛ из Сухуми (Абхазия)

“Вместе с мамой я живу в Тбилиси. В качестве волонтера я работал в неправительственной организации гонимых женщин «Согласие». Получив экономическое образование, начал работать в банке.

Мне всегда интересно общаться с гонимыми, то, что они говорят, я проношу через сердце и разделяю боль, которую они перенесли. Это потому, наверное, что я и сам – гонимый, и мне не чужды эмоции, боль и страдания этих людей.

Участие в проекте дало мне возможность приобрести очень важный опыт – я даже не думал, что смогу столькому научиться. Я научился вести диалог с людьми. Мне представлялось, что я умел это делать, но как оказалось – недостаточно. Человек постоянно учится и совершенствуется, всегда, до конца жизни”.

ТАМРИКО (псевдоним)

47 лет, юрист, жительница Южной Осетии

«Я работаю в неправительственной организации в городе Цхинвали. Горжусь тем, что меня отобрали для участия в этом проекте. Проект оказал на меня большое влияние. Я познакомилась и научилась общаться с умными, добрыми, ранимыми, много перенесшими людьми разных возрастов, не потерявшими чувства юмора. Пообщавшись со своими респондентами, мне кажется, я прожила вместе с ними их жизни. Истории этих людей мне снятся.

Участие в проекте многое привнесло и в мою профессиональную деятельность. Я стала с большим пониманием относиться к проблемам людей, которые обращаются ко мне за помощью.

Один из рассказчиков поделился со мной историей о том, как его отец перед смертью посадил дерево в каждом соседском дворе - и теперь его помнят повсюду. Услышав эти слова, я спросила себя: «А что ты сделала?» Подумав, я собрала вместе всех своих друзей и предложила встретиться с мэром города. Мы обратились к мэру с предложением начать ремонт домов – крыши, подъезды, фасады. При этом ему нужно было только снабдить нас строительными материалами. Все остальное, включая рабочую силу, менеджмент и мелкие поставки, мы брали на себя. У меня было только одно условие: бригады рабочих должны быть смешанными: осетины, грузины, армяне, представители других национальностей должны работать вместе. Вот какое влияние оказало на меня участие в проекте».

ИРАКЛИЙ ТАБАГУА

24 года, студент, ВПЛ из Гали (Абхазия)

«Я живу в коллективном центре в Зугдиди. Учусь на факультете международных отношений и работаю тренером в проекте Норвежского Совета по беженцам «Ровесник – ровеснику». Получив возможность принять участие в проекте, я понял, что не только помню наше трудное прошлое, не только переживаю о нашей непростой жизни сегодня, но и верю в наше светлое будущее. Общаясь с гонимыми, я несколько раз повторял себе, что человек сделан из самого прочного материала на земле, но в то же время именно человеку больше всего требуются помощь и поддержка. Особенно трудно было начинать интервью, непросто было и расшифровывать записи. А самым приятным было видеть надежду в глазах рассказчиков, повествующих о своей жизни».

ХАТУНА ГАДЕЛИА

34 года, сотрудница НПО, жительница Зугдиди

«Я работаю в Зугдиди, в неправительственной организации «Атинати». А раньше я работала тренером в Норвежском Совете по беженцам.

Участие в проекте было чрезвычайно интересным. Однако было совсем непросто разговаривать людей, непросто было и слушать их. Проект позволил мне развить в себе эти магические навыки. Мне довелось встретиться с пятью внутренне-перемещенными. Одна из них рассказывала историю своей жизни с гордостью, другая плакала, третий представлял хронологию своих горестей и печалей, четвертый говорил и улыбался...

Мне было важно, что могу кому-то помочь, просто выслушав и дав тем самым облегчение. Я счастлива, что в моей жизни появилось пять человек, которые доверяют мне и которые обсуждали со мной темы, до сих пор никогда не обсуждавшиеся с кем-либо еще. Все эти люди стали частью моей жизни, моими друзьями. Разве это не волшебное ощущение?»

ТЕА ГОГИА

30 лет, тренер НСБ, ВПЛ из Гали (Абхазия)

«Вместе с отцом я живу в Поти, в коллективном центре, и работаю тренером в Норвежском Совете по беженцам.

Проект, в котором мне довелось участвовать, важен для многих: для участников, организаторов, рассказчиков – для всех, кто думает и заботится о людях. Очень важно, что мы могли сказать своим собеседникам, что их жизнь и переживания интересны кому-то еще. Первой их реакцией бывало удивление, но потом люди убеждались, что это правда и начинали рассказывать о своей жизни с удовольствием. Они не чувствовали себя одинокими, наоборот, они чувствовали исходящее от нас сочувствие.

Проект пролил свет на очень важные, скрытые, невидимые глазу стороны конфликта. Слушая своих рассказчиков, я как будто снова прошла через годы конфликта. У меня возникает ощущение, что мои собеседники и их истории стали неотъемлемой частью моей жизни.

Благодаря проекту я стала более спокойной, толерантной и великодушной. По окончании интервью рассказчики высказывали удовлетворение и чувствовали собственную значимость. Было приятно, что я была к этому причастна».

НАТИЯ (псевдоним)

29 лет, безработная, вернулась на место жительства в Гали (Абхазия)

«Я живу в Гальском районе вместе со своей бабушкой. Школу я закончила в Гали, образование юриста получила в Кутаиси. Сейчас я безработная.

Начиная участие в проекте, я не думала, что он может привнести в мою жизнь что-то особенное. Воркшоп по методологии создания устных историй потряс меня. Мне хотелось начать работу, но в то же время я боялась пользоваться диктофоном в зоне конфликта, поскольку это было рискованно для меня и моих близких. Одна из моих собеседниц сказала мне: «Пожалуйста, не пользуйся этой техникой, и я расскажу тебе все что хочешь». Так что мне приходилось выслушивать истории, не имея возможности их записать. Слушать было трудно, поскольку в годы конфликта я сама прошла через то же самое. Чувства, эмоции и слезы, которыми сопровождалась истории, были для меня не новы, но переживать их заново все равно было очень непросто. Я переживала вместе с рассказчиками каждое сказанное ими слово, все истории от начала до конца.

Очень важно, что люди желали говорить о лишениях, которые они перенесли. Несмотря на эти лишения, все они остались оптимистами и верят в будущее. Я была удивлена тем, что мои собеседники, пережившие столько огромных трагедий, все равно не разделяют людей по национальному признаку. Это дает мне надежду».

ГЕОРГИЙ (псевдоним)

19 лет, вернулся на место жительства в Гальский район

«Я вернулся в Гальский район, где живу сейчас вместе со своей семьей. Мне нравится учиться. Во время участия в проекте у меня была возможность общаться с внутренне-перемещенными лицами. От общения с ними, соприкосновения с историями их жизнью у меня осталось очень много впечатлений. Я также узнал много новой информации. И у меня появились новые друзья.

Мне жаль, что проект закончился, и члены группы больше не соберутся вместе. Отношения в группе были простыми и приятными. Я приобрел огромный опыт и услышал много нового. Все это делает меня счастливым».

НАНА САБАНАДЗЕ

43 года, ВПЛ из Южной Осетии

«Я работаю в отделе по делам беженцев и расселению Шида Картли и Самцхе-Джавахети. Являюсь членом НПО «Цхинвали».

Для меня самым важным в этом проекте было видеть, как люди, имеющие за плечами горький опыт изгнания и перемещения, оценивали свои жизни заново, рассказывая свои непростые истории. Труднее всего было работать с детьми. Я думала, что дети более открыты, и им нечего скрывать, но оказалась неправа. Они могли рассказать больше о перемещении, чем о конфликте. Но мне было трудно говорить с ними о жизни в коллективном центре и об условиях, в которых они там находятся. Мне казалось – если они об этом сами не задумывались, мне не стоило их беспокоить своими вопросами. Я не хотела их ранить. Один ребенок был из смешанной грузинско-осетинской семьи, и я не смогла ему задать вопросы на эту тему. «Я грузин», - сказал он, и больше мы об этом не говорили. Я думала, что с молодыми говорить будет легче, но на деле это оказалось не так».

ВАХТАНГ ХУЦИШВИЛИ

37 лет, журналист, житель Гори

«Я работаю журналистом в местном издании «Народная газета», а также педагогом истории в средней школе.

Участие в проекте было моим первым опытом работы с НСБ. Во время воркшопов и рабочих встреч самым важным для меня было обеспечить подготовку материала, который мог бы быть задействован в ходе проекта.

По окончании проекта я осознал, что мое отношение к перемещению и конфликту изменилось – и это было следствием впечатления, которое произвело на меня участие в проекте. Я говорил с простыми людьми и видел, как они мечтают снова жить вместе в мире и согласии. Они с большим удовольствием вспоминают положительные вещи о представителях «той стороны».

ОТБОР И РЕДАКТИРОВАНИЕ УСТНЫХ ИСТОРИЙ

Обладание невероятно богатым материалом превратило отбор историй и редактирование интервью в довольно сложный процесс. Тем, кто был в этот процесс вовлечен, надлежало найти баланс между различным описанием конфликта и перемещения. Перед ними стояла цель отобрать материал, который наиболее полно отобразит весь спектр информации, опыта, переживаний и ощущений, связанных с конфликтом, изгнанием и перемещением, и передать его сторонней аудитории. Ниже следует краткое описание многоэтапного процесса, осуществление которого потребовало применения целого ряда различных навыков, знаний и приемов.

Вначале был создан перечень всех устных историй – т.н. «мастер-лист». Группа интервьюеров подготовила следующую информацию: краткие сведения о каждом рассказчике (пол, возраст, семейное положение, место жительства до и после перемещения). «Мастер-лист» содержал также указание на язык, на котором происходило общение с рассказчиком, и темы, о которых шла речь в интервью.

Чтобы процесс отбора историй носил всесторонний характер, был создан читательский комитет – семь его членов были выбраны из числа сотрудников различных проектов НСБ (среди них были как внутренне перемещенные лица, так и местные). Члены комитета были ознакомлены с критериями отбора, в основе которого лежал принцип наиболее полного освещения проблемы конфликта и перемещения: условия жизни и место жительства, различное видение конфликта и перемещения, влияние конфликта и перемещения на жизни отдельных людей, эпизоды, описывающие военную ситуацию, возвращение домой и связанные с этим темы, жизнь после перемещения, средства к существованию, стигма, интеграция, здоровье и об-

разование. Другими важными критериями отбора являлись возрастное, гендерное и этническое разнообразие, отображенное в представленных историях. После того, как каждый сделал свой выбор, была организована общая дискуссия, во время которой члены комитета обосновали свое решение. В конечном итоге из 59 интервью, записанных на диктофон, 29 историй было отобрано для вебсайта, а 13 для опубликования.

Следующим шагом было редактирование выбранных интервью – процесс, в основе которого лежали принципы редактирования, разработанные Центром мониторинга за внутренним перемещением и Паносом. Поскольку проблема языка являлась основополагающей, было выбрано два редактора, которые параллельно работали над грузинскими и русскими устными историями. В дополнение к этому, все истории, которые были записаны на мегрельском языке, были переведены на грузинский во время расшифровки записей. Хотя оба редактора были высокопрофессиональными специалистами, они в первый раз работали над записями устных историй – а данный процесс, как известно, отличается от обычного редактирования письменных текстов. Принципы редактирования, с которыми были ознакомлены редакторы, содержали указания относительно того, как выбирать наиболее интересный и соответствующий теме материал, учитывая обговоренные ранее критерии; как определять имена, слова, выражения, исторические события на местном языке, отображающие культурную или национальную самобытность, вместе с тем имеющие отношение к конфликту, в связи с чем они должны быть объяснены в словаре; как структурно подразделять текст и находить подзаголовки для отдельных его частей, часто пользуясь цитатами из самого тек-

та; как не менять духа первоначального текста, как можно полнее сохраняя его «аромат» и как можно точнее передавая точку зрения рассказчика. Первоначальной целью редактирования было внесение необходимых пояснений¹. Координатор проекта проводил регулярные встречи с редакторами с целью оказания общего руководства и контроля за ходом работы. Регулярная поддержка процессу оказывалась и директором проекта «Устные Истории». Одновременно с редактированием происходила работа над детальным словарем.

На следующей стадии все интервью были переведены на английский, русский и грузинские языки. Английская версия затем была отправлена в Панос, где над текстами работали Оливия Беннетт и Венди Девис. В их задачу входило улучшить качество английского перевода, удостовериться в том, что все культурологические, политические, географические и исторические данные представленные в текстах, понятны, а необходимые разъяснения имеют общепринятые форму и стиль. Переводчики очень старались придерживаться «духа и буквы» оригинальных текстов, но поскольку они не являлись носителями английского языка, переведенные тексты иногда были лишены аромата и особенностей разговорного английского; некоторые тексты, к тому же были переведены дважды (с мегрельского на грузинский, затем с грузинского на английский), что увеличивало риск появления неточностей. Редактирование текстов также производилось с учетом всех встречающихся местных терминов, понимания того, что каждая история несет в себе отпечаток особенностей и сложностей политических и этнических конфликтов.

Первая групп редакторов – Тамар Таварткиладзе (координатор проекта в Тбилиси), Беата Скварска (Центр мониторинга за внутренним перемещением) и директор проекта «Жизненные истории» – очертила в текстах ряд двусмысленных или неясных вопросов и трактовок и постаралась внести в них ясность и необходимые поправки. Работая над

комментариями и детальным словарем, команда Паноса, в свою очередь, постоянно работала над всеми 29 интервью, улучшая качество и точность перевода этих впечатляющих историй.

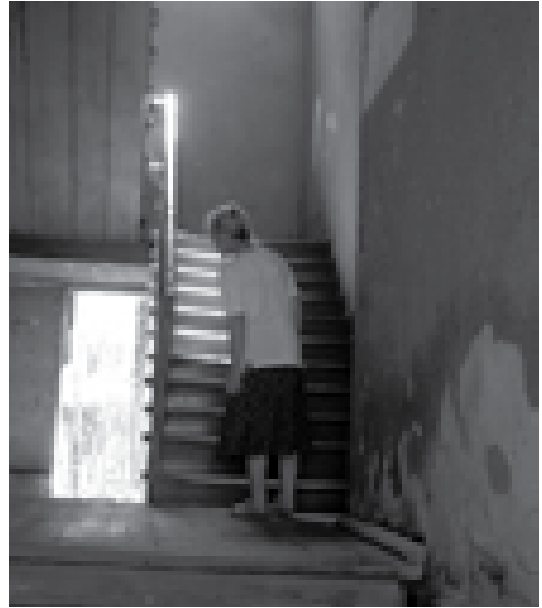
«Мы надеемся, что окончательный результат говорит сам за себя. Работа над этими интервью была непростой: четыре языка, сложная политическая подоплека событий, нескончаемое принудительное передвижение героев историй и обширная география этих передвижений. Все это осложняло понимание некоторых текстов с первого раза. Но чем больше мы погружались в материал, тем больше мы узнавали о конфликтах, о которых подчас так много и жестоко умалчивается. О конфликтах, которые меняют и часто ломают так много судеб. Поняв все это, мы почувствовали свою ответственность за то, чтобы донести эти истории до широкой аудитории и убедить других в том, как на самом деле все это важно» (Оливия Беннетт)

«Работа над отбором и редактированием историй была очень вдохновляющей. Взяв на себя большую ответственность, мы дали возможность людям, пострадавшим в результате конфликта и перемещения, высказаться и быть услышанными. Я ощущаю свою привилегированность, поскольку имела счастье участвовать в этом проекте. Нам многое довелось услышать, мы отобрали истории, с которыми ознакомится широкая общественность. И теперь мы хотим, чтобы эти голоса услышали и вы, услышали и узнали больше об этих судьбах. Я верю, что при участии самих гонимых мы можем убедить мир сделать что-то, что изменит их судьбы к лучшему» (Тамар Таварткиладзе)

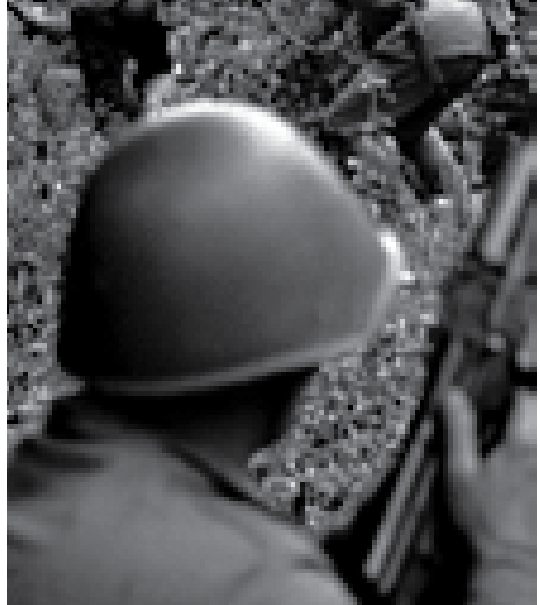
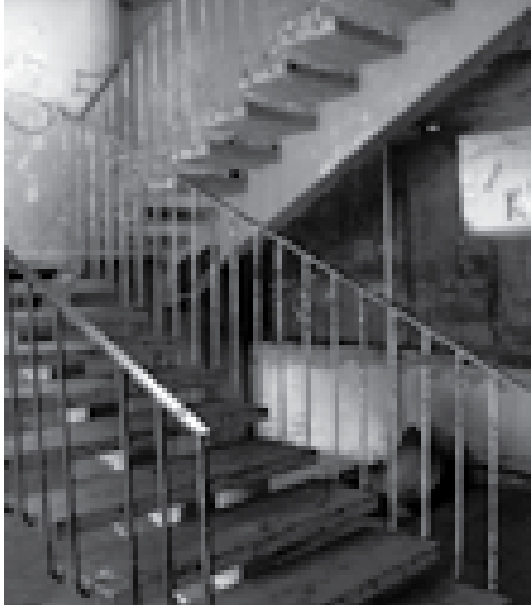
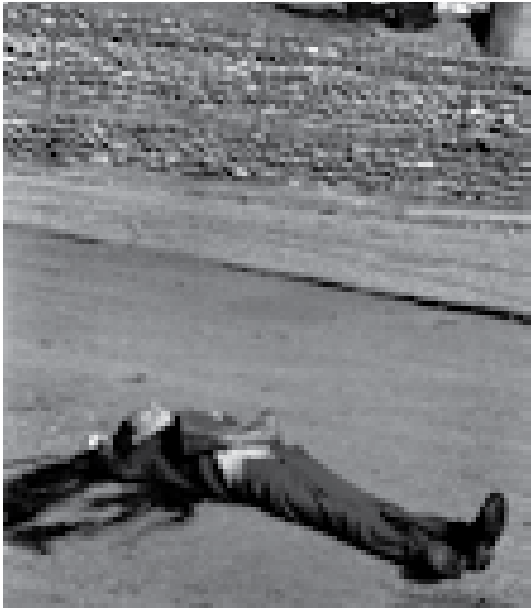
Тамар Таварткиладзе и Оливия Беннетт

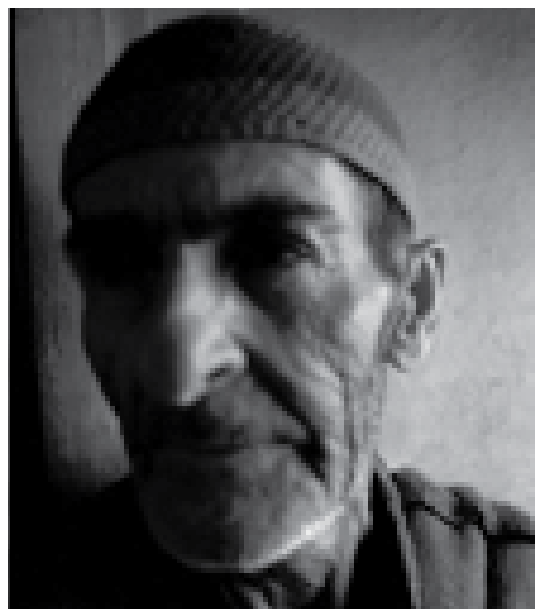
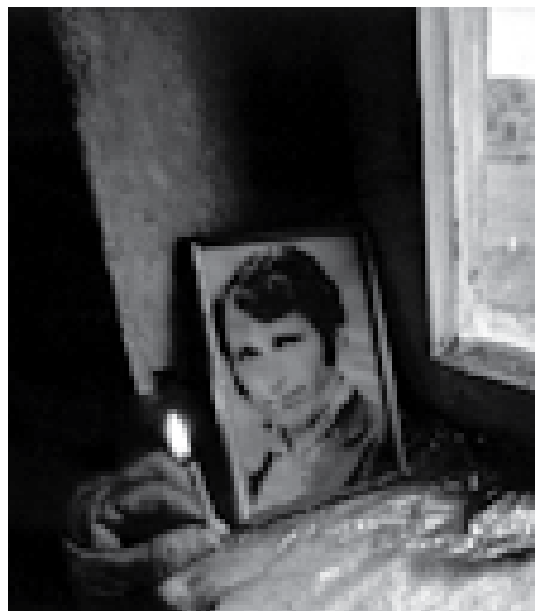
1 В последней редакции в квадратных скобках содержится «поясняющий» текст; в круглых скобках – перевод слов; а слова или фразы, обозначенные жирным шрифтом, объяснены в словаре.

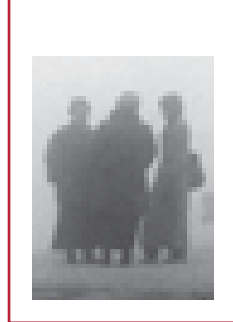

*Жизненные
истории*

Тяя

30 лет. Тяя родом из **Гальского района** Абхазии. Она рано лишилась мамы, а война отняла у нее и бабушку с дедушкой, воспитавших ее. Тяя повзрослела в тот день, когда поняла: **конфликт в Абхазии** – это трагедия, боль и слезы обоих народов. Сейчас она, как **внутренне перемещенное лицо**, живет в Поты, **в коллективном центре**. В поисках работы и спокойствия она побывала во множестве городов бывшего Советского Союза.

А потом – вернулась в Грузию, по которой тосковала все это время. Она мечтает о достойной жизни для грузин и абхазцев, которые, по мнению Тяи, должны простить друг другу все, что произошло между ними»

История была записана на русском языке.

«...когда я приезжаю туда, у меня болит сердце»

Я родилась в Абхазии, в Гальском районе, селе Хумушкури – есть такое маленькое село. Там люди жили очень дружно, очень любили друг друга и каждый раз, когда я сейчас приезжаю туда, у меня болит сердце. Не столько от того, что там много разрушений, сколько от того, что там очень изменились отношения между людьми.

Можно сказать, что наше село пустует. Там очень мало людей, но даже те, кто остались, почему-то враждебно, агрессивно настроены друг к другу. Не знаю, почему. Господствуют недоверие и страх. Они даже боятся вечером выйти из дома. Там вечером страшно. Они боятся соседей. Друг друга. В большинстве случаев, друг друга. Грузины боятся, что кто-то может застать их с абхазцами и обвинить в дружбе или родстве с ними. Того же боятся абхазцы...

«Мы уехали из деревни в сентябре 1993 года...»

Мы уехали из деревни в сентябре 1993 года, потому что началась война. Уехали, потому что абхазцы взяли Сухуми, через три дня – Гали. Мы ушли с самого начала. Я помню тот день, как будто это вчера было, несмотря на то, что уже прошло 14 лет... Мне было 16 лет. Мы все уехали - я, мой отец, дядя, тетя и двоюродные брат и сестра. В деревне остались только бабушка с дедушкой.

Мамы моей тогда уже не было в живых, она умерла, когда мне было 11 лет. Меня воспитывали бабушка с дедушкой, и я жила у них.

Дедушка был инвалидом, помню, он сидел на балконе и плакал... Помню нашу собачку, которая бегала вокруг нас, как будто чувствовала, что мы сейчас уедем и не вернемся, долго не вернемся... Еще рядом с нами были соседи

наши, грузины, очень близкие люди, мы были в прекрасных отношениях с ними... Я плачу, а Зури, сосед, крестник моей матери, говорит: «Тея, почему ты плачешь, мы дня через три вернемся». Я посмотрела на него и увидела, что он сам плакал, и не верил тому, что говорил мне.

«...все думали, что мы скоро вернемся...»

Помню, собралось все село, все вместе уезжали на большой машине моего двоюродного брата. Никто ничего не брал с собой, ничего, только документы и все! Почему-то все думали, что мы скоро вернемся. Люди не понимали, что это война...

Мы переехали через Ингури и отправились к дальнему родственнику. Больше у нас на той стороне не было никого из близких, совсем никого.

И вот мы всей родней поехали к этому человеку, нас было человек шестьдесят. Вся машина поехала к этому родственнику. Вы можете себе представить, что это такое, когда шестьдесят человек живет в одном доме, среди них и дети маленькие, и беременная женщина, и больные... Это была катастрофа...

«...наш путь оказался длиннее, чем мы предполагали»

Потом отец решил, что нам надо уехать на Западную Украину. Но тогда в Грузии была еще и гражданская война. Шла борьба между сторонниками Звиада Гамсахурдиа – первым президентом Грузии и сторонниками Шеварднадзе, который стал президентом впоследствии. Так что наш путь оказался гораздо длиннее, чем мы предполагали. Из

Зугдиди до Абаши мы ехали поездом, дальше поезд не шел, считалось, что из-за военных действий между противоборствующими сторонами путь продолжать опасно. Мы на время позабыли о нашем конфликте, конфликте в Абхазии, потому что оказались рядом с другим конфликтом.

Мой отец решил, что надо уезжать отсюда, чтобы уберечь детей. Я благодарна ему за то, что мы вовремя уехали и не видели всех страшных вещей, которые тогда происходили... Из Абаши до Самтредиа мы шли пешком. Это достаточно большое расстояние, и был страшный ветер, холод, с нами шли дети, беременная женщина, причем у нее была тяжелая беременность, и она не могла ходить. Это было ужасно. Шли мы не центральной дорогой, нам сказали, что это опасно, мы шли через какие-то села... Из Самтредиа до Тбилиси мы доехали поездом. Из Тбилиси, опять же поездом, добрались до Киева, потом из Киева до Черновцов.

В Тбилиси мы остановились только на ночь, пока ждали свой поезд. Я помню, ночь мы провели на вокзале, и было море людей, море беженцев, таких же, как мы. Еще помню, как тбилисцы, простые люди, с которыми мы совсем не были знакомы, приходили, приносили еду, одежду, некоторые предлагали пойти к ним домой, переночевать.

Я до сих пор чувствую то тепло, которое нам тогда подарили...

«...когда я...услышала грузинское слово, я чуть с ума не сошла!»

Вскоре мы оказались в маленьком городе Старожинец¹. Это на границе с Польшей. Там жили наши дальние родственники. В этом городе не было ни одного грузина, вообще никого с Кавказа, и для меня это была страшная пытка – жить

там. В свои 16 лет я никогда никуда не выезжала, и вдруг оказалась оторванной от своего родного места...

Я помню, когда я в том городе в первый раз услышала грузинское слово, я чуть с ума не сошла! Я шла по улице, и вдруг услышала, как какой-то парень чертыхнулся по-грузински. Я к нему: «ქართველი ხარ?»² Мы потом с ним очень долго дружили... На Украине нас приняли очень тепло. Я не имею в виду родственников, я говорю о людях, которые совершенно нас не знали. Помогли детей в школу устроить, часто звонили: «Вы ведь из Абхазии, может быть вам что-то нужно, мы хотим принести вам яблоки, виноград». На Украине мы прожили месяцев восемь...

«Их убили ... потому, что они были грузинами»

Через некоторое время мы решили уехать. Папе надо было работать, нам нужно было как-то встать на ноги. Мы решили переехать в Краснодарский край. Оттуда можно было всего за два дня доехать до Грузии... Мы надеялись, что оттуда нам будет легче навещать бабушку и дедушку. Но... больше мы их не увидели...

Их... убили, там, в Абхазии. Мы даже похоронить их по-человечески не смогли... Обоим было по шестьдесят лет. Их убили ни за что. Просто потому, что они были грузинами. В тот день в нашей деревне убили несколько человек, сожгли в собственных домах. Их похоронили соседи, в тот же день...

Года через два моя тетя стала часто ездить в Грузию. В очередной раз, когда она собиралась в Грузию, я закатила истерику: «Хочу ехать с тобой!», и меня взяли с собой. Когда мы приехали в Зугдиди, естественно, я не осталась там, а захотела ехать дальше, в Абхазию. Я готова была

идти туда даже пешком! Когда мы наконец оказались в автобусе, идущем в Абхазию, я была безумно счастлива, что еду домой... Я знала, там все сожжено, я знала, что бабушку и дедушку убили, я знала, что там все будет по-другому. Но все-таки, наверное, я не представляла себе, насколько тяжелая встреча с родным краем меня ожидает.

«...все разрушено...»

Когда автобус переехал через Ингури, я смотрю: все разрушено, дома стоят сожженные, или то, что от них осталось... Жуткая картина... Когда мы доехали до школы, где я училась (в селе Земо Баргеби), там оказался пост миротворцев. А школа... Школа была совсем разрушена. Для меня это был первый шок... Я ведь была в одиннадцатом классе, когда война началась, и школу закончить не успела. Эту школу... Теперь же ее больше не было.

Потом я пошла на нашу улицу. Улицу, где я выросла, где жила, где провела лучшие годы своей жизни. Она была совершенно неузнаваемой. Все не то, все не так... Я шла домой, убыстряя шаг и верила, что меня встретит моя бабушка, на том же самом месте, откуда она нас проводила. Но все, конечно, оказалось не так, как я представляла. И тогда... К моему большому стыду, я должна признаться, что я тогда возненавидела всех, кто участвовал в этой войне – и абхазцев, и грузин.

Я возненавидела всех и была жутко агрессивной. Дома я пробыла всего лишь один день, на второй день опять уехала в Зугдиди, а потом уже в Россию, в Краснодар.

«...это трагедия абхазцев и грузин»

Где-то через год мне довелось побывать в Сочи. Абхазцы туда часто ездят. Я встретила очень много абхазцев, и они все были в черном, у всех

на груди по 3-4 фотографии. И знаете, меня как будто осенило в тот момент. Да, у меня большая трагедия, потому что бабушка была в моей жизни главным человеком, потому что она меня воспитывала, но, оказывается, горе не только у меня, оказывается, и у других горе, даже еще побольше, потому что у кого-то сына убили, у кого-то дочь, у кого-то брата...

«...я стараюсь говорить и грузинам, и абхазцам»

В тот момент я решила окончательно, что это горе и трагедия – не только моя и грузин, это трагедия абхазцев и грузин. Тогда мне было 18 лет. Тогда я повзрослела... И именно с тех пор я стараюсь говорить и грузинам, и абхазцам: нельзя ненавидеть друг друга, мы и без того сделали очень много ошибок! Нам надо простить друг друга, нам надо простить и себя, надо простить и самих себя тоже. И еще: чтобы появилось доверие, что-то изменилось во взаимоотношениях, необходимо желание обеих сторон. Одна сторона тут ничего решить не сможет.

Я думаю, так называемые границы надо открыть, чтобы люди могли общаться друг с другом. Общение – это первое, что может привести к доверию...

В коллективе, где я работаю, есть абхазцы. У нас прекрасные взаимоотношения. Они знают о моей трагедии, я знаю о трагедии, которую пережили они. Правда, мы о наших трагедиях заговорили только после того, как очень хорошо узнали друг друга, полюбили друг друга. Понадобилось время, чтобы довериться друг другу. Когда мы уверовали, что поймем боль друг друга, когда этот момент наступил – мы сели и поговорили открыто – без агрессии, без обвинений.

Сейчас я живу в Поты, а работаю в Абхазии, в Гальском районе. У меня есть разрешение, фор-

ма №9. Поэтому проблем с передвижением у меня нет.

«Мы этой войны не хотим»

Я работаю в Норвежском Совете по беженцам. Вместе с группой других молодых тренеров провожу тренинги для молодежи по вопросам гендера, превенции СПИДа и наркомании. В Гальском районе сейчас много молодежи. Несмотря на это на первые тренинги нам было трудно собрать группу. После войны, пережив немало трагедий, люди привыкли жить тихо, «ниже травы, тише воды». А тут мы появляемся, приглашаем на тренинги. Они даже не знают, что это такое. Но трудно было только вначале. Теперь от желающих участвовать в наших тренингах нет отбоя, сами просятся. Два тренинга мы провели и в Ткварчели. Участниками нашего тренинга были местные жители, абхазцы. Я боялась, что нас, тренеров – грузин, не примут, что будет некоторая скованность, но, к удивлению и к счастью, работать было легко, очень легко. Тренинги удались на славу. Мы провели вместе два прекрасных дня. А вечером, после тренинга, мы сидели, беседовали, и абхазцы сами затронули тему отношений грузин и абхазцев: «Как мы от этого всего устали! Мы этой войны не хотим».

Я приезжаю в Гальский район, провожу тренинги и возвращаюсь в Потти. Мы с отцом живем в коллективном центре для вынужденно перемещенных лиц. Обустроивались в Потти с трудом. Потому что очень долго трудно было найти работу. В Грузии это всеобщая проблема, не только наша. Когда мы приехали в Потти, не было никакой работы, ну совсем никакой. Отец там что ни пробовал, бедный, как ни крутился, как ни мучался – ничего не получалось. Я на год уехала опять в Россию, жила с тетей. От ничего-деланья решила изучить компьютер. И вдруг, в один прекрасный день, звонят из Потти: «Тея,

если ты умеешь работать на компьютере, у нас есть для тебя работа».

«Давайте простим друг друга и пожмем друг другу руки»

Я тут же бросилась в Грузию. Начала работать в неправительственной организации, сначала обучала компьютеру своих ровесников, позже стала координатором программы, потом уже исполнительным директором этой организации.

Сейчас и отец нашел работу, работает в порту. Можно сказать, что мы наконец-то вздохнули. Столько искали... Столько ездили... Трудно даже сосчитать, сколько раз я меняла место жительства: и в России жила - в Армавире, Ростове, Краснодаре, Астрахани, и на Украине, потом вернулась в Грузию - Зугдиди, Тбилиси, Потти... А думала и мечтала всегда о своей деревне.

Мечтаю и сейчас о том, о чем, наверное, мечтают все гонимые на свете – вернуться в свой родной край, в свою деревню, и чтобы моя деревня снова была такой же, какой мы когда-то ее оставили. А самая сокровенная мечта - чтобы люди жили достойно, чтоб уважали друг друга, чтобы у всех была работа - в общем, я мечтаю о таком идеальном крае, где все люди счастливы.

Я хочу сказать всем – любите друг друга! Давайте простим друг друга и пожмем друг другу руки. Если мы хотим жить достойно, с чистой совестью – нам необходимо это сделать!

Питер

Питеру¹* 21 год. Он гонимый из Абхазии. Во время **конфликта в Абхазии** дом его семьи в **Гали** сгорел. Поэтому семья переехала в Зугдиди. Питер тогда был маленьким, поэтому он плохо помнит годы, проведенные в Гали. Сейчас Питер студент. Вместе с братом он живет в одном из **коллективных центров** в Зугдиди. Его родители вернулись в деревню, в Гальский район. Сам Питер старается не ездить в Гали. Боится, как бы не возникла проблема с призывом в абхазскую армию. В истории Питера рассказывается о проблемах молодежи, тяжелых условиях жизни в коллективном центре, о переживаниях и чувствах молодого человека.

Часть истории была записана на **грузинском**, другая часть – на **мегрельском**. С мегрельского на грузинский запись была переведена во время расшифровки.

“Мой дом в Гали сгорел”

Я родился и жил в Гали. Сейчас живу в Зугдиди. Мой дом в Гали сгорел. Воспоминания о детстве сохранились в качестве отрывочных фрагментов. Я не знаю никого с моей улицы. Да, я там родился, но я не рос в Гали. Я вырос здесь.

Детские годы я не помню, хотя что-то вспоминаю. Вспоминаю, как я играл, что делал. Помню, были пасхальные праздники. Соседка покрасила яйца цесарки². Так я за ней целый день бегал, все хотел их разбить. Вот это я помню. Новый год и какие-то еще вещи не помню...

Самые лучшие воспоминания связаны с моими соседями и близкими... Одно из моих воспоминаний связано с моей улицей, моими ровесниками...

У меня есть мама, отец, один брат, бабушка и тетя. В Зугдиди сейчас живем мы с братом. Родители навещают нас. То мама приезжает, то бабушка, а иногда мы остаемся одни. Отец все время живет в деревне. Он выращивает кукурузу, еще другие дела у него, поэтому он живет в деревне.

Я связываюсь с нашими по телефону. В детстве я учился там в школе. После **майских событий** 1998 года (произошла новая эскалация конфликта) мы перешли в Зугдиди. Пока я учился в школе, я каждую неделю ездил в деревню [в Гальский район]. Но с тех пор, как там стали призывать в армию, у меня не получается часто там бывать. Если там что-то случается, кто-то умирает из родственников или близких, и если период безопасный, тогда я туда езжу.

“Недавно я был в Абхазии на свадьбе...”

Недавно я был в Абхазии на свадьбе – сосед женился. Когда мы туда переходили, мы оставили документы, удостоверения личности на **Ингуриском мосту** (административная граница). Нам сказали, мол, за этими документами можете не возвращаться, мы их вам не отдадим.

Нас никто не встретил на мосту, и они разозлились: если свадьба, почему хозяева не встречают своих гостей. Поэтому и сказали нам: за документами не возвращайтесь, считайте, что ваши документы потеряны. Но когда мы приехали в

1 имя изменено рассказчиком

2 семейство птиц отряда куриных

Гали, нам сказали: когда будете возвращаться, на мосту будет дежурить другая смена. На второй день на мосту и вправду была другая смена. Мы сказали, что наши документы тут остались. Они отдали документы и отпустили нас, не было никаких проблем.

На свадьбе было довольно много абхазцев. Никакой напряженности между двумя сторонами не чувствовалось. Было нормальное пиршество, такое, какое бывает в любом другом уголке Грузии. Все прошло мирно, и на второй день мы поехали по домам.

Знаю один такой случай. Одного человека родственники пригласили в Абхазию. На мосту никто не был предупрежден. Этот человек был грузин, гонимый из Очамчире. На границе он оставил машину. Два дня машина стояла на границе. Потом они [абхазцы] пришли и стали интересоваться,

чья это машина. У этого человека нашли грузинское удостоверение личности, и его поймали. Потом абхазские силовики докопались, что этот человек был из Очамчире, что он житель Абхазии, внутренне перемещенное лицо. Тогда его обвинили в незаконном пересечении границы. Этому человеку пришлось провести там четыре или пять месяцев. Потом его выпустили. Вообще так происходит: если кто-то отсюда переходит на ту сторону, ему могут приписать незаконное пересечение границы и задержать за это. Но если кто-то предупреждает, что, мол, у меня свадьба и я хочу перевести сюда гостей, тогда ничего... Абхазцы объявляют, мол, это государственная граница. А если кто-то просит перевести гостей, тогда эта государственная граница как бы не существует. По чьей-то просьбе можно привезти любого гостя. Но если переходишь мост без уведомления, могут поймать и посадить в тюрьму.

“Страх существует”

Когда человек находится здесь [в Зугдиди], он чувствует себя очень свободно, нормально, не испытывает страха. Когда человек находится там... К примеру, был такой случай. Во время застолья был произнесен тост: да здравствует наш край. Тот, кто был тамадой, сказал: да здравствует Абхазия. Кто-то спросил: а почему ты не говоришь – да здравствует Грузия? Тамада не смог сказать: да здравствует Грузия. Он сказал: пусть здравствует эта Абхазия вместе с Грузией. Есть страх. Страх существует.

Лично у меня, когда побывал на свадьбе в Абхазии [это был первый случай], было очень приятное ощущение, что я нахожусь на своей родной земле, да еще на свадьбе. Это было приятно, но я не чувствовал себя так, как обычно, так, как,

например, в Зугдиди. Это совсем другое, все равно не чувствуешь себя свободно, хотя знаешь, что ничего такого не произойдет.

В определенной степени ты не можешь говорить, делать, действовать так, как тебе хочется. Здесь ты можешь встать на свадьбе и сказать что-то по-грузински, или спеть. А там [в Абхазии] не все осмелятся это сделать...

“До тех пор не было у меня в волосах седины...”

Был май 1998 года, 24 мая. Занятия в школе заканчивались. Я тогда заканчивал четвертый класс. 24-го произошло первое столкновение на границе деревень. Ну так вот, было шесть часов утра, мы услышали какой-то страшный стук в дверь. Мой отец встал. Ему по-русски сказали: открывай. К нам ввалились абхазцы, человек 15-20, все осмотрели. Спросили, нет ли у нас оружия? Мой отец – инвалид. Не тот он человек, чтобы воевать. Когда они это увидели, больше не стали спрашивать про оружие. Они не вели себя плохо, никому не угрожали... Они и во всех других домах на нашей улице побывали... Когда они от нас уходили, сказали отцу: никуда не уходите, не прячьтесь, если мы вас найдем, уьем главу семьи. Но как только они ушли и как только у нас появилась возможность бежать, мы тут же убежали. Неподалеку раньше был дом соседа. Это место заросло деревьями. Туда бы и шкал не пробрался. Вот в такое место мы забрались. Там была какая-то старая канава. В ней мы пролежали с шести утра до четырех часов дня.

Была такая стрельба, что невозможно было поднять голову. Не знаю, это ли так на меня подействовало, но с тех пор у меня стали появляться седые волосы. До тех пор не было у меня в волосах седины. Может, это генетическое. У моего отца светлые волосы. А может, одним из факторов был

страх. Страх подействовал на меня. Я был в четвертом классе, ребенком, и испугался... Я дрожал и не мог контролировать себя. Я боялся.

В 4 часа стрельба прекратилась, абхазцы отступили. У нас появилась возможность выбраться. Люди массово уходили. Мы тоже ушли. С тех пор живем тут. Из нашей деревни до другой мы пошли пешком, а оттуда – на автобусе.

В деревнях **нижней зоны** находились партизаны. Они создали некую полосу, за которую абхазцы фактически не переступали. Люди успели перебежать за эту полосу. Когда мы перешли сюда, тут уже были наши, никто нас не остановил, мы были в своей зоне...

“Мы стали гонимыми во второй раз”

О первом нашем переходе на эту сторону [в 1995 году] я помню не много. Помню, что выбрались мы на тракторе. Знаю, что мы поехали в Россию, потом вернулись оттуда. В 1995 снова вернулись в Абхазию, жили там до 1998 года, наладили жизнь. Там мы жили до 1998, потом снова все потеряли. Мы стали гонимыми во второй раз. Тогда [в 1995] люди фактически вернулись... Во время сезона орехов абхазцы приезжали на машинах, покупали орехи, привозили продукты на продажу, все как обычно. Это просто сейчас они признали себя республикой и что-то делают как государство. А тогда каждый был сам себе хозяином. Приходили, никому не мешали, но свои дела делали. Сейчас ситуация немного другая. Ввели налоги: те, у кого один участок земли, должны платить 100 килограмм орехов. В нашей деревне земля не такая доходная, чтобы с 200 кустов собрать 800 килограмм или тонну орех. У нас обычный урожай - 350 или 400 килограмм. Отсюда абхазцам нужно отдать 100 или 120 килограмм. А у кого два участка, то и 200 килограмм платят.

“Там я дышу совсем по-другому”

До того, как я достиг призывного возраста, у меня фактически не было проблем с переходом на ту сторону. Потом стало сложнее. Сейчас с этим очень строго. Они [абхазцы] приходят и носятся по деревне. Если знают, что где-то живет парень призывного возраста, врываются к нему домой. Меня, например, они не знают, ко мне не придут. Но я не хочу туда часто ездить – если они меня заметят раз-другой, я не застрахован от того, что кто-то придет к моему отцу и спросит: где твой сын, почему он не идет в армию и почему ты здесь живешь... Поэтому я и сторонюсь поездок сюда. А так и мне хочется жить в своей родной деревне. Там все-таки другая природа, лес. Там, где лес, другой воздух, там приятно..... Там я дышу совсем по-другому.

“У нас довольно сложные условия жизни”

У нас довольно сложные условия жизни. Мои родители живут в деревне, у них есть крупный рогатый скот, орехи, кукуруза, это основной источник дохода для нас. Еще 11 лари в качестве помощи как внутренне перемещенному лицу, и пенсия бабушки и отца. На это и живем. Мы должны экономить на себе, ограничивать себя. Например, что касается еды. Очень хочется каждый день поесть мясное блюдо, что-нибудь вкусное, хорошие салаты. Вкус у нас всех хороший. Но не получается... Очень редко выпадает такая возможность. Обычно у нас бывает крестьянская еда – *гоми*³, сыр, лобио⁴ и т.д.

Что касается жилищных условий, здание [коллективного центра] находится в аварийном состоянии. Это очень старое, непрочное здание. Пол прогнил. У одной женщины провалилась нога. Мы стараемся укрепить здание своими силами. Оно в аварийном состоянии. Когда идет

дождь, у фундамента собирается вода. В здании страшная сырость, водятся скорпионы. Здесь хорошие условия для скорпионов, вот они и размножаются. Еще электропроводка в очень плохом состоянии. Неделю назад проводка загорелась, и сгорело здание, расположенное за нами. Иногда, когда сильный ветер, мы ночью гасим свет, чтобы не случился пожар. Так и проводим ночь без света.

Лестница находится в очень плохом состоянии. У лестницы ведь есть ступеньки. Эти ступеньки сделаны из дерева, и дерево это давно сгнило. Мы пытаемся каждый день ее починить. Между ступенями и перилами лестницы большой зазор. Трехлетний ребенок бежал по лестнице в дождливый день, поскользнулся, провалился в зазор и упал со второго этажа. Ребенку вырезали селезенку. Ребенок остался в живых, но селезенку вырезали.

Антисанитария. Пока не было случаев каких-либо заболеваний, но никто от них не застрахован. Устраиваем субботники, убираем мусор. Несколько раз мы обращались в *гамгеоба*⁵, чтобы этот мусор увезли, но нет. Собаки и свиньи снова разбрасывают этот мусор и снова всюду грязь.

“...здешняя жизнь всегда одинаковая”

Один день не особенно отличается от другого, потому что здешняя жизнь всегда одинаковая, один день похож на другой. Мой обычный день выглядит так: встаю рано утром, иду в университет, потом возвращаюсь... Если соседи ведут себя тихо, если вокруг спокойно – мне удастся позаниматься. Все равно это общежитие, условия тяжелые. Нужно иметь хорошие нервы, чтобы каждый день это выдерживать... Потом наступает обычный вечер, потом приходит обычная ночь. Вот это моя каждодневная жизнь. Не

3 блюдо из отрубей и кукурузной муки
4 фасоль

5 орган местного самоуправления

происходит ничего необычного. Если иногда проводятся какие-то тренинги, я с радостью готов принять участие в чем-то таком.

Иногда молодежь собирается вместе. Или день рождения у кого-то, или праздник какой. Развлекаемся, как можем.

Однажды у нас был интересный Новый год. До наступления Нового года нам выключили свет за неуплату. Оказывается, они подсчитали сумму, взяв за основу показания счетчиков за последние четыре дня. И все – выключили свет. Мы не смогли заплатить, и Новый год вошел к нам при свете свечей...

“У молодых нет никаких возможностей”

Что касается жизни грузин в Абхазии [в Гали], то они там живут только чтобы себя прокормить. Если что-то их беспокоит или что-то им не нравится, или кто-то с ними плохо обращается, например, в связи с урожаем орехов, они не имеют права что-то сказать, боятся. Фактически их угнетают, у них нет прав. Здесь, на этой стороне, если человек чем-то недоволен, он может проявить протест. Там такое невозможно...

В нашей деревне [в Гали] молодежь есть, но молодые люди ничего не делают. Дело у них есть только весной, когда надо работать в поле. В другое время им заниматься нечем. Фактически они или пьют или развлекаются какой-то дрянью [наркотиками]. Они живут в плохих условиях. У них нет никаких развлечений. Их ущемляют, они безвылазно находятся в одном и том же месте, и их ровесников не так уж много. Сядут, поиграют в карты, но не будешь же делать это все время. Потом они должны выпить или развлечься планом⁶ или другой гадостью... Потом появляются проблемы с желудком или печенью. У одного от злоупотребления спиртным лопнул

желудок, у других печень в ужасном состоянии. Каждый день их жизнь ухудшается.

Разница в том, что большинство из здешних молодых [живущих в Зугдиди] пытается или трудоустроиться, или учиться где-то, или элементарно проявить свои физические или умственные способности. Что-то пытаются делать, да и возможностей у них больше. Молодежь на той стороне лишена всего. Что сегодня поесть, чем буду питаться завтра – вот и все заботы. У них есть и проблемы, связанные с армией. Хотя если они идут в армию, там с ними обращаются неплохо, не ущемляют. Наоборот, если один раз пойдешь в армию, никто тебя там больше не беспокоит...

Я не хотел идти служить в абхазскую армию просто потому, что в одном государстве должна существовать одна армия. Но Абхазия называет себя республикой. Служишь им – тебя не признает грузинское законодательство. Пройдешь службу на этой стороне – тебя не признает абхазская сторона и т.д. Я грузин и предпочитаю быть на грузинской стороне. Это лучше, чем служить в абхазской армии и не быть признанным ни грузинским законодательством, ни грузинами. Поэтому я не хочу служить в абхазской армии.

“Невзгоды научили нас, что такое жизнь”

Мои родители говорят, мол, хоть бы вам увидеть то, что довелось повидать нам. Фактически, наши родители знают вкус хорошей жизни. Они знают, как важно жить в мирное время. А мы с детства знаем только невзгоды и страдания, и жизнь в этих тяжелых условиях. Большинство гонимых, фактически, связаны с такими компактными центрами. Сейчас родители молодых людей, находящихся в изгнании, трудятся больше, чтобы хоть немного помочь своим детям. Но когда наши родители были в нашем возрасте,

они видели гораздо больше, чем мы теперь. Мы же знаем, что такое нужда и трудности. Невзгоды научили нас, что такое трудности. Но может, пройдя столько невзгод, вытенировав себя в борьбе с трудностями, мы лучше знаем, что и как делать. Мы по другому планируем наше будущее. Но вкуса хорошей жизни мы все-таки не знаем...

Если бы я был там [в Гали], и если были бы хорошие условия [*не было бы войны*], из меня, возможно, получилась бы совсем другая личность. У меня были способности к рисованию, пению. Просто у меня не было средств, чтобы ходить на курсы рисования, пения или брать уроки игры на гитаре. У меня не было условий. У меня был довольно большой талант, но он во мне погиб, потому что у меня не было условий для занятий...

„... постараюсь изменить жизнь к лучшему“

Наверное, каждый человек старается жить в лучших условиях. Чем больше времени проходит, тем больше я думаю о том, что могло бы изменить мою жизнь к лучшему? Что нужно сделать, что нужно изменить? Не хочу всю жизнь провести в тех условиях, в каких живу сейчас. Я тоже хочу жить в хороших условиях, хотя бы ездить на машине, хотя бы жениться, задуматься о будущем.....

Что бы я изменил? В первую очередь, уехал бы отсюда. Поселился бы там, где смог бы жить нормально. Существовал бы в нормальных условиях. Нервы бы успокоились вдали от этого [от коллективного центра]. Чтобы жить спокойно и нормально, нужны нервы, а у меня нервы расстроены. Я много раз говорил, хоть бы меня здесь не было. Хоть бы был я где-нибудь в другом месте, в тишине и спокойствии. Потому что мы живем в общегитии, и хочешь ты того или

нет, здесь все равно шумно. Очень хочу жить в другом месте, где у меня будет рабочее место, где я буду жить нормально. Но пока я не могу требовать от себя слишком многого. Будущее у меня впереди, и я постараюсь изменить жизнь к лучшему.

У меня есть обязательства перед самим собой и перед членами моей семьи. Мои ежедневные обязанности – это, во-первых, пойти на занятия в вуз, потом еще принести воду, 20 ведер в день... Это я делаю. Вообще в большинстве семей обеспечением семьи занимается женщина. Конечно, кормильцами являются и мужчины также, но в большинстве своем эту роль взяли на себя женщины. Те, кто не работают, выполняют роль домохозяйек: ухаживают за детьми, одевают, отправляют в школу. Те, кто кормят семью, в основном, работают на рынке... Бывало и такое, что дома я оставался один, и все домашние дела были на мне. Я должен был убрать дом, помыть посуду после обеда, постирать, принести воды, постирать брюки...

„...подавлены и стеснены средой и условиями“

Здесь нет никаких развлечений. Я из-за этого очень нервничаю. Здесь есть дети – семиклассники и восьмиклассники. Они, в основном, выросли в городе, но у них рождаются какие-то садистские мысли: один сделал лук и стрелы, и на острие стрелы закрепил гвоздь. Стою и вижу, что он выстрелил в щенка и попал ему в спину. Этот мальчик – семиклассник. Я чуть с ума не сошел – как ребенок может так поступить? Эти дети выросли в городе, но их поведение никак не отличается от поведения детей, выросших лесу или в горах. Я им говорю: в вашем возрасте я красовался, на девочек заглядывался, а вы ничего такого не понимаете. Увидят девочку, начинают обзывать, вопят, орут. У детей нет

никаких развлечений. Будь у них хотя бы спортивная площадка, они бы развивались совсем по-другому. Здесь они фактически заперты в одном дворе и чем больше времени проходит, тем больше дичают.

Если бы у них [у детей] были лучшие условия, если бы они куда-то отсюда выбирались: ездили бы заниматься в город или на спорт ходили, общались бы с другими детьми, может, они бы и развивались по-другому. Здесь они не видят никого, кроме друг друга. Они заперты в этом дворе. Идут в школу и возвращаются обратно. Многие и в школу не ходят и сидят взаперти. У них нет элементарного мяча для игр, поэтому и делают стрелы из палок и растут как папуасы. Хотя не только дети виноваты, они подавлены и стеснены средой и условиями...

„... дети... хотят изучать историю Грузии“

С учебной дела там [в Гали] обстоят еще хуже. Взять хотя бы программу. Наши дети ходят в консультационный центр. Туда же приходят дети, которые учатся в Абхазии. Они говорят, что не знают историю Грузии. Когда приходят из Министерства образования, спрашивают детей, что им нравится, что не нравится, эти дети говорят, что хотят изучать историю Грузии. Их спросили, какие бы книги они хотели. Они ответили: любые, из которых мы могли бы узнать что-нибудь об истории Грузии. Мы же, говорят, грузины, несмотря на то, что живем в Абхазии, и не знаем элементарных вещей из истории Грузии. Мы хотели бы иметь хоть какое-то представление.

В смысле общения здешние дети более развиты. А там [в Абхазии] они идут из дома в школу, из школы- домой, и все. Они фактически находятся в тех же условиях, что и наши дети с «луком и стрелами», о которых я рассказывал. Здесь

школы и ученики больше развиты, а там у детей нет даже навыка самостоятельного мышления. Здешние дети попадут то туда, то сюда, то на тренинг. У них больше шансов развиваться умственно, независимо мыслить, а там школьная программа полна стереотипов. Поэтому детям там очень трудно мыслить независимо, принимать участие в каких-то дискуссиях. Они в этом смысле угнетены и подавлены.

“Во мне больше грусти”

Я сам в детстве все время соприкасался с войной, с Абхазией, и однажды я нарисовал солдата. Был случай, когда в деревню ворвались абхазцы, наверное, чтобы что-то украсть или забрать. Мы были в доме соседа. В это время они зашли к нам домой и что-то вынесли. На стене висел мой рисунок – солдат. Они что-то на нем приписали по-абхазски. Я до сих пор не знаю, что эти слова означают...

Весь этот период – с детства до сих пор, все эти события повлияли на меня. Когда мы, молодые, собираемся, я становлюсь веселым. Очень дружелюбным. Но когда я остаюсь один, во мне какая-то излишняя серьезность. Меня что-то гнетет, и мне кажется, я слишком серьезен для своего возраста. Во мне больше грусти...

Наверное, я потерял беззаботное детство, и это стало горьким воспоминанием в моей жизни...

Энгурдалеули

23 года. *Энгурдалеули¹ внутренне перемещенное лицо из Абхазии, сейчас живет в Зугдиди, снимает квартиру. Его родители в данный момент живут в одной из деревень Гальского района. В истории рассказывается о жизни семьи, вернувшейся в зону конфликта, приводятся факты нарушения прав человека, угнетения людей, описывается криминальная ситуация в регионе. Рассказчик повествует о том, как трудно жить в разделенной семье.*

Часть истории была записана на мегрельском языке. На грузинский язык история была переведена во время расшифровки записи.

“Для меня это было разрушение всего”

Конфликт и связанное с ним перемещение сыграли в моей жизни очень большое значение. Еще до начала абхазского конфликта мои родители разошлись на почве конфликта семейного. Я их единственный сын. Это ведь такая трагедия для ребенка! А потом к этому добавился другой конфликт и связанное с ним перемещение. Для меня это было разрушение всего. Это была катастрофа.

Я не знал, что результаты будут такими. Я понимал, что какая-то опасность во всем этом кроется, но до конца не осознавал того, что происходит. Мне тогда было 10 лет. Помню, что шла война. Помню, как потом люди массово переходили сюда, в зону за пределами конфликта.

„Процесс перехода“

Процесс перехода... На машине мы доехали до границы на **Ингурском мосту**. Граница была закрыта. Оставались объездные пути - там стояли большие тракторы, которые перевозили людей. Помню, на одном из тракторов мы перебрались в Зугдиди. Здесь некоторые направлялись к

родственникам, другие же занимали пустующие здания. Мы, например, пошли к родственникам. Родственники относились к нам, как к членам семьи. Они приняли нас очень тепло и делились всем, что у них было.

Вспоминаю, как мы обедали. За столом у наших родственников собиралось ровно 40 человек. Стол накрывали в поле, поскольку места в доме не хватало. Хозяева делили все, что у них было, на всех. Представьте, 40 человек жили в одном доме, в одной семье, и хозяева принимали нас на высшем уровне.

“...мое будущее здесь, там нет никакой перспективы”

В семье нас трое: я, отец и мама. Я живу здесь, в Зугдиди. Они живут в Абхазии. Иногда я туда езжу. Причина того, что мы живем порознь (мои родители там, а я – тут) в том, что мое будущее здесь, там я не вижу для себя никакой перспективы. Есть и другой фактор: я в призывном возрасте, поэтому абхазцы могут поймать меня и забрать в абхазскую армию. Причина еще и в том, что я с детства живу здесь, здесь учился, привык к здешней жизни.

1 Имя изменено рассказчиком. В дословном переводе этот псевдоним означает «перешедший воды реки Ингури»(в грузинской транскрипции – Энгури)

Я езжу в Абхазию. Если ситуация не обострена и там относительно спокойно, езжу довольно часто.

„Первый переход...“

Помню наш первый переход из Зугдиди в Абхазию. Я шел с отцом и бабушкой. Тогда я был в восьмом классе. Мы шли обходными путями, и с нами случилась такая история. Идем мы вверх по склону, отец обнял меня, и я его спрашиваю: «А если сейчас появится абхазец, что ты будешь делать?» Отец мне в шутку отвечает: «Что буду делать? Отрежу ему ухо и положу в карман».

Не успели мы и двух шагов сделать, как подъем вдруг закончился, и мы увидели абхазцев на двух машинах. Какая у нас могла быть реакция? Мы обмерли, стояли как заледенелые, будто кто-то облил нас холодной водой. Но, видно, они наш разговор не слышали. Просто поздоровались, спросили, куда идем.

Отец сказал, и мы продолжили

путь. Когда пришли домой, там все было разгромлено, все украдено. Помню, в тот же день мы вернулись назад, в Зугдиди.

„...чуть не утонул...“

Переход на ту сторону, в Абхазию, всегда связан с риском. Если меня поймают те, кто сейчас у власти в Абхазии, то заберут в армию, и тогда мне придется провести тут два года. Если я оттуда сбегу, дезертирую, они переполошат мою семью.

Однажды со мной произошел такой случай. Я шел обходными путями, собирался перейти реку Ингури, но было половодье. Это было весной, в горах таял снег, уровень воды в реке поднялся. Я был один. От этого места до трассы три километра. Уровень воды был очень высок, но назад возвращаться мне было лень. Смотрел я на воду, смотрел, и подумал: будь что будет...

Представьте себе: вы прошли такой путь, уже видите свой дом на другом берегу – как тут вернуться назад? Решил, буду переходить. Зашел я в воду, но поплыть не смог. Высота воды была примерно три метра... Вода проволочка меня метров триста. Потом я заметил что-то вроде островка и еле добрался до него. Поднялся и стал кричать: помогите. Соседи услышали, и собралась вся деревня. Четыре часа я провел на этом островке в мокрой одежде. Шел снег. Точно помню: это было шестое марта. Я спасся, не утонул, но теперь стал замерзать. Те, кто меня увидели, бегали, хотели помочь, но никто не осмеливался войти в воду. У абхазцев наверху был штаб. Соседи позвонили начальнику штаба, и тот абхазец прислал большой трактор, на котором меня вывезли.

“Отец вернулся... для того, чтобы хоть что-то сохранить”

Где-то через три месяца после того, как Абхазия была потеряна, отец вернулся туда, домой. Вернулся, чтобы дом не пострадал и для того, чтобы хоть что-то сохранить.

Два раза были случаи, когда приходили абхазцы и хотели его убить. Подвели к стене. Но потом между самими же абхазцами произошел спор. Один другому сказал: не убивай его, и они стали спорить. След от пули, вылетевшей тогда из их оружия, до сих пор виден на стене моего дома. Эта пуля предназначалась моему отцу. Но Божьей милостью, другой абхазец ударил по оружию, и пуля пролетела поверху, попала в стену второго этажа. Таких примеров множество.

Потихоньку абхазцы стали обживать в нашей деревне... Был такой случай. Пришли они к моему отцу, и мой отец сказал им: я не меньше вашего умею воевать и не меньше вашего умею стрелять. Тогда абхазцы дали отцу автомат и сказали: а ну-ка выстрели в какую-нибудь цель, поглядим, какой ты стрелок. Во дворе у ворот у нас были сложены листы железа. По ним и выстрелил отец. Потом сказал: следующая пуля будет удалена от первой на расстоянии спичечного коробка. Абхазцы не поверили, сказали: ты не сможешь это сделать, ты ведь автомата никогда в руках не держал. Отец взял у них снова автомат и выстрелил. Пуля попала точно в то место, какое он назвал. Расстояние между двумя пулями было не больше пяти сантиметров. Эти две пулевые отметины видны и сейчас.

„Там время остановилось...“

Я очень скучаю по своей деревне, всегда скучаю. Но если мне предложат жить там постоянно, я не соглашусь. Там фактически нет никаких условий, чтобы устроить свое будущее.

Там время остановилось. Идет регресс, не видно никакого прогресса. Молодые люди боятся выйти за ворота, чтобы кто-нибудь их не поймал. Финансов нет, начать бизнес невозможно, условий для образования никаких. Одним словом, там ничего нет.

„Самое большое счастье...“

Для меня счастье – это чтобы моим родителям и близким было хорошо. Еще – чтобы я смог достичь поставленные цели. А самое большое счастье – чтобы целостность нашей страны восстановилась, и чтобы все в нашей стране жили счастливо. Вот тогда и я буду счастлив. И еще – если смогу наладить отношения со своей девушкой так, как задумал.

Мы с ума сходим друг по другу. Но жизнь не позволяет нам быть вместе, и для нас обоих это большая трагедия...

Я познакомился со своей девушкой здесь, уже будучи гонимым. Родители моей девушки дали понять, что я не очень желанный зять, поскольку я гонимый, а их дочка – местная. Хотя прямо они об этом не говорили... Все-таки существуют стереотипы, что менталитет гонимых из Абхазии отличается от менталитета местных. Мне кажется, это неверно.

“Мне приходилось адаптироваться то к одному, то к другому месту”

Я довольно хорошо помню свое детство. Помню, как ездил в Сухуми, Очамчире, помню, как родители возили меня на море. Помню своих одноклассников. Немного, наверное, найдется людей, которые, как я, так часто переходили из одной школы в другую. Я лично поменял семь школ. Не думаю, чтобы кто-то снял мой «рекордин».

Меня травмировало, что в период внутреннего

перемещения мы часто меняли место жительства. Мне приходилось каждый раз адаптироваться к новому месту, каждый раз привыкать к новой школе. С моей точки зрения, адаптация – всегда негативный процесс. Он в определенной степени смешал все в моей жизни. Разве можно наметить себе хоть какую-то мало-мальски четкую цель, если у тебя нет даже постоянного места жительства и каждый день ты думаешь о том, что тебе придется снова собираться и переходить куда-то еще?

“Сейчас у меня иммунитет на депрессию”

Мой обычный день начинается как день любого другого человека. Утром встаю, завтракаю, иду в город. Если есть какая-нибудь работа – работаю, если нет – иду погулять, или встречаюсь со своей девушкой. Так проходит время до вечера. Потом возвращаюсь домой, вот и все, ничего особенного.

Когда я учился в университете, мне почему-то казалось, вот закончу учебу – и меня ждет беззаботное будущее и гарантированная карьера. Но когда закончил учебу, я вдруг оказался у пропасти. Как будто закончился определенный период. Передо мной встал большой знак вопроса: что дальше? Один период мною завладела депрессия. Я думал, что теперь со мной будет? Эти вопросы очень меня беспокоили. Потом я привык, и сейчас у меня иммунитет на депрессию.

“Я потерял очень много всего”

В результате войны и внутреннего перемещения я потерял очень много всего. Например, я не могу ездить домой, в деревню, тогда, когда этого хочу. Я потерял перспективу лучшего будущего. Если бы не перемещение, может, я был бы более успешным. Я уверен, что мог бы достичь в жизни гораздо большего.

Мне трудно свыкнуться с тем, что мы оказались гонимыми в своей собственной стране.

Не могу сказать, что я со всем этим справился. Иногда мое душевное состояние бывает и таким, что я подумываю, хоть бы меня не было в живых. Причиной тому бесперспективная жизнь.

Перемещение оказалось губительным для многих людей. Представьте себе семьи, где никто не работает. Нет никаких экономических условий для того, чтобы обеспечить свое будущее. Целыми днями приходится думать о том, что делать, где заработать, чтобы что-то принести детям и не оставить их голодными.

„Я считаю абхазцев членами моего общества“

Я считаю абхазцев членами нашего общества. Мы принадлежим одной стране и одному обществу. Это общество разделилось на две части, которые превратились в два противоборствующих лагеря. Мы находимся в таком состоянии уже пятнадцать лет, разрушили страну. Если бы не было **конфликта**, мы жили бы гораздо лучше и у нас было бы несоизмеримо больше возможностей для развития в будущем.

Последнюю Пасху мы отметили в Абхазии. Собирались все вместе – мои родственники и соседи, которые сейчас живут здесь и тамшние соседи, которые живут в Абхазии. Призывной сезон был позади, поэтому находиться в Абхазии было не так страшно. Собрались мы, вместе накрыли стол, как смогли, повеселились на славу. Таким образом хоть как-то удовлетворили свои ностальгические настроения.

„...мир, который лучше войны“

Члены моей семьи общаются с абхазцами. Но это общение напоминает отношения господина и его крепостных. Чтобы спастись, чтобы вы-

жить, чтобы они не обошлись с нами плохо, мы вынуждены юлить перед ними. В Абхазии нет никаких законов, никаких структур, которые могли бы защищать закон. Каждый делает, что хочет. Одним словом, система мафиозная.

Хотя раньше ситуация была обострена еще больше. Сейчас людей хотя бы не убивают массово, как раньше. Это все-таки мир, который лучше войны.

“Это два разных мира”

Когда мы отсюда переходим в Абхазию, тамошние молодые говорят: зугдидцы пришли. Когда мы находимся на этой стороне, нас, наоборот, называют гальскими. Возникает какое-то ощущение раздвоенности... Это часто происходит, я от многих слышал об этом.

В связи с этим у меня и моего родственника произошел конфликт. Мы сидели за столом, и кто-то сказал про нас: зугдидцы. Мы воспротивились, мол, мы же родились здесь, в Абхазии, мы же местные, почему нас называют зугдидцами? Наверное, тому есть какая-то причина, но я не знаю, какая.

Взаимоотношения между теми, кто вернулся в зону конфликта и гонимыми напоминают взаимоотношения двух миров. Те, кто вернулись в Абхазию, свыклись с тамошними правилами. Их отношение к жизни носит в целом рабский характер. В это же время те, кто живут здесь, вне зоны конфликта, имеют более бунтарский дух, исходя из того, что здесь больше свободы.

«Там людей различают по этническому признаку»

Мне еще не приходилось слышать, чтобы в Гали кто-нибудь защищал права человека. Там просто нет для этого никаких условий. Здесь, на этой

стороне, могут незаконно задержать, но здесь хотя бы можно обратиться к адвокату, он разберется в ситуации и как-то поможет. В Гали же адвоката не найти. Да и сами жители не думают о защите собственных прав.

Хотя даже если бы там и был адвокат, не думаю, что он стал бы защищать права грузин. Я таких примеров не знаю. Там людей различают по этническому признаку. Грузинское население считается низшим слоем. Там, грубо говоря, происходит деление на касты. Считается, что абхазцы стоят на более высокой ступени, чем грузины.

Очень много фактов угнетения людей. Знаю по собственному опыту, что происходит в масштабах Гали. Взять хотя бы то, как они обращаются с людьми, которые переходят через Ингурский мост: ведут себя как хотят и говорят людям, что хотят.

В связи с этим вспоминается один случай. Я возвращался из Абхазии. Ситуация в тот момент была обострена. А я к тому же в призывном возрасте – к таким абхазцы обычно относятся особенно агрессивно. Из документов у меня с собой было только свидетельство о рождении. Когда на Ингурском мосту меня попросили показать документы, я достал свидетельство. Абхазец смотрит на меня косо и спрашивает: кто ты по национальности? Я задумался. Скажешь, что грузин – и они стопроцентно найдут причину прицепиться, а могут и задержать. Я подумал и решил, лучше сказать, что я мегрел. К мегрелам абхазцы относятся более толерантно. Абхазец посмотрел на меня, отдал мне мое свидетельство о рождении и сказал: ладно, ладно. Иронично засмеялся и отпустил меня.

Я чувствовал себя как трус, но в той ситуации у меня не было выбора. Хотя совесть мне подсказывала, что я был не прав.

“Еще одна история, связанная с угнетением”

Вспоминаю еще одну историю, связанную с угнетением. Был один обычный вечер. Мы все сидели дома, в Абхазии. Смотрели телевизор. Вдруг услышали, что кто-то стучит в заднюю дверь. Отец встал и открыл дверь. Я был в передней комнате и не видел, что происходило в комнате сзади. Мне послышался какой-то шум, я открыл дверь между комнатами и вижу, что отца ударили прикладом по голове. Я не сразу понял, что случилось. Оказывается, пришли нас грабить. Когда отца ударили, он, несчастный, упал. Потом я увидел, что они ему и зубы выбили. Вдруг открылась и передняя дверь, и в дом вошли люди в масках. Они бросились к маме. Потом они заглянули в комнату, где находился я, и я как-то инстинктивно поднял руки. Один из них подошел и пнул меня: я согнулся пополам...

Грабители потребовали отдать им деньги, золото и ценные вещи. Они подняли несчастную мою маму, потом один из них принес из задней комнаты плоскогубцы и сказал, что выдернет ей золотой зуб. Это только рассказывать легко, но представьте, что это говорят вашей матери... Представьте, каково было моему отцу и мне видеть это. Это был ужасный шок. Нас с отцом связали и бросили на тахту.

Этих в масках было четверо. Четверо было внутри, сколько снаружи – не знаю. Один из них оказался нормальным человеком, я не знаю, как выразить ему свою благодарность. Он забрал плоскогубцы у того, второго, из рук. Он вообще обращался с нами мягко. В то время у нас находилась моя двоюродная сестра. Ей было 12 лет, и у нее был порок сердца. Через какое-то время (не во время этого нападения) она скончалась. Но тогда, представьте, что стало с двенадцатилетним ребенком, да еще больным пороком сердца, когда она увидела людей в масках. У нее

начался сердечный приступ. К тому времени она уже перенесла три операции.

Моя мама сказала тому, кто отобрал плоскогубцы, что ребенку плохо, что у нее сердечный приступ, объяснила, что у девочки порок сердца. Тот человек встал, принес стакан с водой и стал ласкать ребенка, приговаривать: все будет хорошо, мы скоро уйдем. Ребенок как-то успокоился.

Мы сказали им, что у нас нет денег и ценных вещей. Представьте себе – они требуют то, чего у нас нет. За то, что денег нет, они могут убить. Они думали, что мы прячем деньги и что нас надо заставить их отдать. Поэтому они на глазах у моих родителей подняли меня, сняли с меня майку и уложили на стол. В это время другой бандит вынес из комнаты уют, включил его и хотел меня проутюжить.

Я не знаю, они, наверное, таким образом хотели заставить родителей отдать им деньги. Потом они удостоверились, что у нас правда не было денег, и сказали: мы, мол будем тут на улице стоять полчаса, а вы не смейте выходить на улицу. Иначе всех перебьем. После этого они ушли. Что-то взяли с собой: совсем немного денег, одно золотое кольцо, телевизор, одежду, еще что-то такое – и ушли.

В ту ночь мы и правда на улицу не высовывались. Утром узнали, что от нас они пошли в другую деревню, там тоже ограбили кого-то. Тот, кого они пришли грабить, грузин, почувствовал, что к нему подбираются, и успел закрыть дверь. У него дома было ружье. Как только первый бандит ворвался в дом, тот человек выстрелил ему прямо в глаза. Потом и абхазцы сделали ответный выстрел. Пуля попала хозяину дома в челюсть. Но он выжил.

После этого, не знаю, как это случилось, вме-

шалась полиция Гали... На это они уже не могли закрыть глаза. Одного раненого повезли в больницу, второго поймали. Всего их было четверо. Эта была чистая формальность. Тот, которого поймали, посидел одну неделю, и его выпустили. Телевизор, что они украли из нашего дома, поставили в гальском отделении милиции. Потом нам сказали абхазцы, что были у нас в штабе, мол, пойдите и заберите телевизор. Но отец воздержался, как бы они из-за этого не рассердились, и мы оставили им свой телевизор.

То, что нападавшие были абхазцами, выяснилось после того, как их поймали. Случаев грабежа местного населения, да не по одному разу, очень много. Некоторые семьи грабили по три-четыре раза.

“Человек живет надеждой”

Я бы исключил категоричный тон в общении с абхазцами. Нужно установить прямой контакт со средним слоем, установить диалог с этими людьми. При этом никто не должен вмешиваться. Сюда не должны быть вовлечены цели и задачи политиков и горе-политиков. Я бы установил контакт с простыми людьми, простые люди поймут друг друга. Моя мечта, чтобы Грузия была целостной, и чтобы все жили в Грузии счастливо.

Что бы не случилось в будущем, я все равно оптимист. Несмотря на все, что я перенес в жизни, я надеюсь, что у нас начнут ценить талантливых людей и создадут условия, при которых они смогут достичь успеха своим трудом. Я надеюсь, что смогу реализовать себя в этой стране. Человек всегда живет надеждой.

Я обратился бы к обществу и сказал, чтобы они заинтересовались нашими проблемами и помогли, чем могут. Мы талантливые люди с довольно сильным потенциалом. Пусть с нами сотрудничают.

Инга

Инге 38 лет. Она абхазка, а муж у нее грузин. В семье четверо детей. Уже 15 лет семья, которая до войны жила в Очамчирском районе Абхазии, находится в изгнании. История жизни Инги и ее семьи повествует о трудностях и проблемах военного периода, о том, как непросто было добывать кусок хлеба и обустроиваться на новом месте. Инга рассказывает о ностальгии по родному дому, о тоске по пожилым родителям, которые остались в Абхазии и с которыми она видится очень редко. О каждодневных проблемах многодетной семьи – вечные поиски работы, нехватка денег, боязнь потерять жилье...

История была записана на русском языке.

«Это все война...»

Я родилась в Абхазии. В Абхазии жила в Очамчирском районе, в селе Гвада. Детство у меня было очень счастливым - ни проблем, ни забот. Проблемы возникли позже, когда началась война.

Своего мужа, судьбу свою я встретила в своем же районе. Хотя он был из другого, соседнего села Когара. Я сама абхазка, а замуж вышла за грузина. Никто не противился нашему браку. Никаких проблем в связи с тем, что будущий муж – грузин – у меня не возникло. Тогда это никого не волновало. Это все потом... Это все война...

Мы полюбили друг друга и поженились. У мужа была большая и хорошая семья – трое братьев, две сестры, мать и отец. Во время войны его отца убили. В 1992 году, в декабре месяце. Вот...

Сейчас я воспитываю четырех детей. Трех девочек я родила в Абхазии, а мальчика – здесь, в Тбилиси.

Во время войны нам с мужем и тремя детьми пришлось покинуть свой дом. Каждые полгода приходилось менять пристанище – мы жили то

у одних родственников, то у других. Было очень трудно.

Своего у нас ничего не было. Родственники наши тоже не имели большого дохода и жили за счет собственного хозяйства. А тут мы как снег на голову... с маленькими детьми - им тогда было два, три и четыре года... Сначала мы попали в Мартвили. Это родина моего свекра. Раз в неделю приходилось выезжать в Поты, чтобы купить хлеб: без хлеба было невозможно обойтись, больше же ведь детей кормить было нечем. Но и хлеб был большим дефицитом. Его было очень трудно достать. И тогда мы с мужем решили купить пшеничное зерно. Купили, принесли это зерно, сели, начистили как рис, перебирая пальцами, отнесли на мельницу и помололи. Я как вспомню, какое это было зерно - черное как смола! То что мы пекли из полученной муки - только горячим и можно было есть, сразу, как вытащишь из печи. Чуть поостыв, выпечка становилась такой крепкой, что есть ее было невозможно. Зерно ведь было очень некачественное, но мы были рады, что хотя бы такое удалось достать. Целый месяц мои дети ели этот хлеб. У старшей девочки, которой было

четыре годика, разболелся живот – детскому организму трудно было переваривать такую пищу. Потом мы достали кукурузную муку и смешивали с пшеничной, экономили, тянули время, старались, чтобы муки хватило подольше. А потом я стала торговать сыром...

«...чтобы хлеб купить, нужно было не спать всю ночь...»

В деревне Бандза раз в неделю был базарный день. Нужно было за два часа успеть купить товар, потом повезти его на рынок в другую деревню, чтобы перепродать подороже и купить что-то своим детям. Вот я и покупала 50 килограммов сыра, перепродавала его, а на выручку покупала своим хлеб. А чтобы хлеб купить, нужно было не спать всю ночь, простаивая в очереди у хлебозавода в Поты. Однажды я нашла родственника свекра, который работал на хлебозаводе – он стал пускать меня через черный ход. Я покупала буханок 30-40. Одна везла 40 буханок, да таскала всё это на плече. Что было делать? Трое детей, невестка, деверь, хозяйка дома, в котором мы на-

шли приют – всего 12 человек – ждали этот самый хлеб. Мы держали его в мешке, пропаривали над кипятком и так давали есть детям...

«Живется нам непросто»

Сейчас мы живем в Вашлиджвари, в **коллективном центре**. Нас, **внутренне перемещенных**, здесь не меньше 200-250 семей. Здание большое. Соседи все хорошие, добрые, помогают друг другу. Ни во время войны, ни после войны мне не дали почувствовать, что я абхазка. Может, мне просто повезло, что соседи хорошие?

Живется нам непросто. Почти все – безработные, живем в постоянном напряжении, боимся, что нас отсюда выселят, не знаем, что будет дальше. Видите, что происходит в других местах, везде выселяют. У нас официальные лица пока не появлялись, хотя разговор о приватизации идет. Люди боятся, что их обманут, документы неправильные дадут и все такое. Инвестор тоже пока не появлялся. Если появится инвестор, может, в конце-то концов что-то прояснится. А так – мы не знаем, выселят нас отсюда или оставят, или компенсацию дадут? Главное, успеть купить что-то на те деньги, которые дадут. Я помню, когда мы только переехали в Тбилиси, квартиру можно было купить за 3-4 тысячи долларов.

А сейчас цены так поднялись, что даже за 7 тысяч, которые обычно предлагают инвесторы, ничего купить невозможно. Я мать четверых детей, в доме нас шестеро, как же нам жить вшестером в однокомнатной квартире? Да и вообще: удастся ли за 7 тысяч купить квартиру?

«...потеря за потерей...»

Я нигде не работаю, муж работает 15 дней в месяц, через день, на его зарплату мы все и живем. Пытались начать свое дело. Откроем торговую точку, поработаем 3-4 месяца, нас закрывают, мол, здесь нельзя торговать...Каждый раз муж ходит убитый, расстроенный, всегда нам что-то мешают. Так потеря за потерей, без надежды на стабильный заработок.

«...все мечты о том, как вернуться»

Я единственная дочь, мои родители остались в Абхазии одни... Вот я живу в Тбилиси, а все время мысленно там нахожусь, все время меня туда тянет, все время кажется: вот- вот начнется процесс возвращения, и я снова буду дома. Днем у меня много дел, мечтать некогда, а ночью – все мысли только о прошлом, все мечты о том, как вернуться... Летом, когда есть возможность, иногда езжу к ним, то на несколько дней, то на месяц, когда как. Дети мои тоже любят ездить со мной. Они прекрасно ладят со своими сверстниками в Абхазии. Нет никакой скованности в общении с родственниками, только тепло и любовь. Наши абхазские родственники все время говорят: приезжайте, оставайтесь. Но пока мы не можем туда переехать и жить. Хотя я очень рада, что мои дети понемногу сближаются с моими родственниками, отношения между ними улучшаются, они переписываются, звонят друг другу.

«Я держусь ради детей»

Мои дети пошли в школу в Тбилиси. Старшая закончила школу, поступила в вуз, уже на втором курсе. Вторая дочь закончила школу, тоже должна поступать в вуз, третья дочь перешла в одиннадцатый класс. А младший, мальчик, маленький пока, ему 3 годика, он в садик ходит.

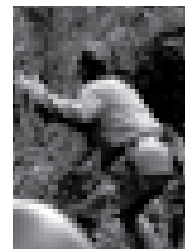
Дети подросли, им нужно все больше и больше. За все надо платить – обучение, например, очень дорого обходится. А ведь еще нужно содержать, прокормить четверых детей, одевать, обувать их – не знаю, сколько мы вот так продержимся. Вначале, когда мы приехали в Тбилиси, нам конечно очень трудно было, но как-то собравшись с силами, удалось встать на ноги. Я много чего успевала. Но потом, со временем, снова все рушилось – я теряла работу, семейный бизнес не удавался... Снова все приходилось начинать сначала. Я и сегодня нахожусь в той же ситуации, что и сразу после войны – у меня нет ничего! Иногда не выдерживают нервы, кажется, что сил больше нет. Но я держусь ради детей.

«Я о многом мечтаю»

Я о многом мечтаю: главное, чтоб мои дети были здоровыми, счастливыми и имели лучшее будущее. Это мечта каждой женщины – видеть свою семью счастливой и благополучной. Еще я мечтаю найти работу, постоянную, стабильную, чтобы каждый день не начинался с забот о том, куда идти, где искать работу. Мне кажется, если это случится, все проблемы понемногу решатся. А самое важное – это добрый мир, чтобы не было войны, чтобы женщины-матери никогда не страдали, чтобы им никогда не приходилось провожать своих сыновей на войну и не приходилось видеть горя своих детей. Я желаю, чтобы эта мечта сбылась у женщин всего мира. Тогда все трудности можно будет перенести. Мы вот – сколько всего перенесли. Я еще много чего не рассказала. Не могу больше, очень нервничаю....

Темури

55-летний Темури¹ **внутренне перемещенное лицо** из Абхазии, из села Земо Баргеби. Сейчас Темури живет в городе Потчи, в **коллективном центре** для внутренне-перемещенных лиц. Его история полна воспоминаний о довоенной жизни в условиях советского режима, а также непосредственно о самом **конфликте**. Темури воевал. В истории Темури рассказывается о жизни в изгнании и о сопутствующих ей проблемах.

История была записана на **грузинском** языке.

“Этнических проблем во взаимоотношениях тогда не было”

Родился я в 1952 году в деревне Земо Баргеби, в семье крестьянина. В десять лет я потерял маму, а когда вернулся из армии, не застал в живых и отца... Были у меня братья, невестки, я рос в семье, но материнского тепла мне не хватало. Жили мы в той же атмосфере, что и остальные - в атмосфере периода Советского Союза. Кажется, никто или почти никто не был недоволен, у всех были условия для нормальной жизни... Этнических проблем во взаимоотношениях тогда не было. Тогда так было, мол, все мы братья, все мы сестры, все мы дети одной семьи, все мы служим одному делу... Мы в это верили. Так и жили.

“...народами, выросшим на одной идеологии, оказалось легко управлять”

Сегодня же мы видим, как противопоставили представителей одной нации друг другу. Как противопоставили людей разного этнического происхождения. Все это было сделано нам во вред...

Я имею в виду конфликты. Все этнические конфликты в масштабе Советского Союза: в Молдавии, странах Прибалтики, в Украине, Грузии, Армении и Азербайджане... Оказалось, что народами, выросшими на одной идеологии, довольно легко управлять. Одной капли достаточно, чтобы произошло противостояние на этнической почве...

Поначалу мы не воспринимали начинавшиеся конфликты всерьез, поскольку были воспитаны на идеологии, согласно которой все мы братья, друзья... Когда мы поняли, что все очень серьезно, что мы не должны были так поступать друг с другом, уже оказалось поздно...

“Это была братоубийственная война”

Это была братоубийственная война... Об этом трудно говорить, даже вспоминать трудно... Об этом люди должны говорить не перед лицом людей, а перед Господом... Господь милостив, он прощает людям и такое поведение, которое люди не прощают друг другу... Человек должен говорить с Господом об этом и просить прощения.

Помню, как Мераб Костава приехал в Илори, выступил и сказал: «Мы ни в коем случае не должны включаться в этот процесс, потому что это начало братоубийственной войны». Он стоял на «КРАЗе» и обращался к людям. Я был тому очевидцем...

Когда появилась возможность, я отправился в Очамчире... У меня там были родственники. В их семье я увидел, как два абхазца, мегрел и русский сидели вместе и играли в нарды... Это происходило приблизительно в трех-четырех километрах от моста Галидзга, в отдалении от центра города... То место называли тогда в городе Очамчире девятым районом. Пришел я к ним и говорю Тарзану, земля ему пухом (он скончался), мол, как вы? А он мне: а что происходит? Я говорю: там люди друг друга убивают. А он: да оставь, это глупцы убивают друг друга, какое им до нас дело! Такой вот был ответ...

“... ошиблись, наверное...”

Происходило это в восемьдесят четвертом. У каждого тогда было свое мнение и каждый понял и оценил ситуацию по-своему... Патриотизм и воодушевление грузин, всех грузин - женщин, мужчин, девочек, мальчиков, пожилых, молодых – приостановил развитие событий до девяносто второго года. Абхазцы потребовали отделения, но мы тогда показали такое упорство и такую взаимную поддержку, что огромная империя, империя, владеющая мировой масс-медией, испугалась грузин, их единства, и приостановила свои действия.

Но только приостановила. Мы все тогда ошиблись. Под «мы» я, этнический грузин, подразумеваю тех же абхазцев, осетин, мегрелов, аджарцев, рачинцев, кахетинцев... Ошиблись и попались на провокацию. Если бы все жители Грузии стали вместе, абхазец рядом с мегрелом, абхазец и мегрел – рядом с имеретинцем, имеретинец, абхазец и мегрел - рядом с карталинцем... Это была бы реальная сила, опасная для тогдашней империи – Советского Союза... И империя сделала все, чтобы этого не допустить. Нас раскромсали, в нас посеяли такое враждебное отношение друг к другу, что на восстановление прежнего положения потребуется время. Даже если все восстановится, оно не будет таким же устойчивым, как прежде.

“... не все воспользовались оружием по назначению...”

В 1998 году я служил в военном формировании. За четыре месяца до **майских событий 1998 года**, когда произошла эскалация вооруженного конфликта, мы находились в Анаклиа и контролировали так называемую приингурскую

границу между Абхазией и Грузией. Однажды мы ехали на машине из Анаклиа. Одна пожилая женщина попросила ее подвезти... Тогда с транспортом было очень трудно, транспорт не ходил. Нас в машине было всего двое: я да водитель, поэтому мы решили посадить ее в машину. Когда она увидела, что мы вооружены, она стала с нами беседовать... Я дал ей возможность высказаться... Она стала проповедовать, что оружие ни к чему, что оружие это средство убийства... Я спросил ее, знает ли она и вправду, для чего предназначено это оружие? Она отвечает: да, для убийства. Я сказал ей, что у этого оружия есть и еще одно предназначение – оно подойдет для защиты... И что мы используем его для защиты...

Я это к тому, что некоторые использовали оружие по одному назначению, другие – по совершенно другому... Причина конфликта была также в том, что не все воспользовались оружием по тому назначению, по которому должны были...

“Все пострадали от войны в достаточной степени”

Пусть никто не думает, что абхазцы были рады конфликту. Они не меньше нашего подавлены и не меньше нашего пострадали... Все пострадали от войны в достаточной степени. Все зависит от того, кто как думает, как воспринимает, кто умеет прощать, у кого хватит интеллекта и воли, чтобы простить то преступление, которое было совершено по отношению к абхазцам, к грузинам, проживающим в Абхазии, и к русским тоже в некоторой степени.

В Абхазии была одна деревня, ее называли Эстонкой, потому что там жили, в основном, эстонцы. Они в чем виноваты? Что, разве они воевали против абхазцев или против грузин? Ведь нет?

Тогда почему они выгнаны из Абхазии? Спросил кто-нибудь?...

„Я не мог себе представить, как взять в руки оружие и воевать“

Я находился в Усть-Каменогорске, когда по телевизору объявили, что началась война между Грузией и Абхазией. Я себе даже представить не мог, что это возможно. И связаться ни с кем не мог, чтобы узнать, что и как... Вернулся я домой. Объявили мобилизацию, но тогда такая ситуация была – кто-то пошел, кто-то нет. Мой племянник получил повестку, он должен был воевать в Сухуми в составе грузинской армии. Но вместо племянника поехал мой брат, он не хотел рисковать сыном. Сначала я не решался пойти на войну из-за тех отношений и любви, которые связывали абхазцев и грузин... Я не мог себе представить, как взять в руки оружие и воевать. Поэтому я некоторое время выжидал.

Вышел я как-то в город, вдруг появился человек и просит: срочно нужна кровь, пойдете в больницу. Кто может отказаться дать кровь? Особенно когда идет война и люди умирают. Я пошел в больницу... Там были 14-15-летние девочки. Их привезли из Река. 14-15-летние изнасилованные и беременные девочки, которые не могли рожать. Кровь требовалась им... Не знаю... Со мной что-то произошло. И я решил пойти на войну...

Тогда и в **Гали**, и в Очамчире, и в Ткварчели были сформированы соединения. Но я решил пойти туда, где был мой брат. Нас с ним прозвали «Гали».

„Хочу рассказать о встрече с убийцами“

Хочу рассказать о встрече с убийцами. Во время войны различные соединения, выполнявшие операции, были удалены друг от друга на два

три километра... Одна из групп просила о помощи... У них были раненые, погибшие, пленные... Группа просила вывести ее. Наше соединение было ближе всех, и мы подключились к ситуации... Вскоре наши товарищи оказались в двухстах метрах от нас. Они вели с собой пленных. Один из них был повинен в смерти моих близких родственников. Пленных поставили около того самого двора, где убили моих близких, их убили, втащили в дом и сожгли вместе с домом. Остановились мы у тех ворот и мне по-человечески стало жалко пленного - того самого... Он был избит. Я протянул ему воду и спирт - чтобы обработать раны.

Мы разговорились. Я сказал ему: чего вы хотите, зачем приходите сюда, знаете ведь, что ничего, кроме несчастья, не будет... А он: что делать, у меня семья с голоду умирает. Я говорю: парень, и у меня семья умирает с голоду, но мы живем, как живется, а не грабим других. Тот парень вместе со своими попался, когда вез награбленные орехи...

Продолжили мы разговор, я ему и говорю: парень, нас-то, положим, надо было отсюда выгнать, бессильными мы оказались, вот нас и выгнали, ладно. Но зачем вы дома-то жгли? Он говорит: я не сжигал, вон тот парень, что мертвый лежит, это он... Ладно, говорю, черт с тобой, ты не сжигал. А зачем убили двоих пожилых людей в этом дворе? Он говорит: их русский убил. Короче, там выяснилось, что не он их убил.

Не знаю, если бы я был мстителем, выстрелил бы в него... Наши парни, когда узнали, что этот человек подозревался в убийстве, сказали: разберись с ним. Но я не смог, не смог этого сделать. Его потом государство судило, тогдашний военный суд Грузии. Его расстреляли. Между прочим, перед расстрелом он спрашивал обо мне. Это мне сказали в том штабе, где его рас-

стреляли. Мне стало его жаль.

„Пусть закончится этот конфликт, мы все те же люди...“

Во время войны я несколько раз я встречался с воевавшими абхазскими парнями по их же инициативе. Я хорошо помню, как они говорили: «Пусть закончится этот конфликт. Мы все те же люди, что были до войны. Я снова буду работать на такси, а он за руль своей машины сядет, а тот вот по своей специальности будет работать. Мы снова найдем общее». Были такие разговоры. Потом эти люди, которые приходили к нам на переговоры, погибли...

Эти воспоминания дают мне надежду думать и верить, что нет другого пути – мы помиримся. Не хочу ни на секунду думать, что это случится, но даже если Абхазия отделится от Грузии, я не хочу, чтобы она присоединилась к России. Пусть станет независимым государством, если ей не суждено быть с Грузией, дай Бог, пусть станет независимой. Даже если Абхазия станет независимой, во что я мало верю, все равно самые близкие соседские и родственные отношения у нее будут с Грузией.

„...трудно, когда не можешь пойти на могилы“

Быть гонимым плохо. Трудно, когда не можешь оплакать своих покойных, трудно, когда не можешь пойти на могилы... Только теперь я постиг, в чем смысл слова ностальгия... Не дай Бог кому-то еще в Грузии это испытать... Ностальгия – это когда ты тоскуешь даже по грязи из своего двора, даже по грязи...

Наверное, еще хуже гонимым, которые живут за пределами Грузии. Если я скучаю за своим двором, своей землей, своему уголку по ту сторону Ингури, то каково же человеку, оказавшемуся

за Кавказским хребтом, на другой стороне Черного моря. Я скучаю по Абхазии – он скучает по своему очагу, своей Абхазии и по Грузии. Плохо ли, хорошо ли, я все-таки в Грузии... Я все-таки в Грузии и говорю на своем языке. Когда говорю – меня слушают, потому что понимают. Когда говорят – я слушаю, потому что понимаю. Сколько людей уехало отсюда! Люди уехали в Россию, не зная русского языка...

„...люди чувствуют себя будто бы в своем родном краю...“

Как и все, мы, гонимые, живем надеждой. Живем мы в компактном поселении. Здесь люди чувствуют себя будто бы в своем родном краю. Все-таки все близки друг другу, все – бывшие соседи, у всех общие нравы и обычаи – в Грузии ведь в каждом уголке свои нравы и обычаи... Если в семье радость – соседи помогут все организовать, если невзгоды какие – можно всегда рассчитывать на их сочувствие и поддержку. Таким образом легче переносить проблемы...

Грузия сейчас в процессе становления, нашему государству трудно... Но мне кажется, городской или районный бюджет все-таки учитывает гонимых. Иногда на гонимых тратится больше, чем на местных. Мне кажется, гонимые все-таки приоритет. Во всяком случае там, где я живу, это так.

„Прилепили ко всем слово «беженец»

Как могут все триста тысяч человек, внутренне перемещенных лиц, быть одинаковыми? Триста тысяч человек добирались сюда – кто по горам, кто по равнинам, кто через Зугдиди, кто через Сванети (по горам), кто морем, кто воздухом. Прилепили ко всем слово «беженец», и всех большая часть грузинского общества восприняла одинаково. Вроде ничего плохого в слове

«беженец» нет. Но относились к нам не как к равным. И это можно понять.

Мы появились здесь, когда у местного населения и своих проблем было предостаточно. Когда голодный человек стоит у твоих дверей, а ты и сам голоден, очень трудно быть хорошим. Усилия и воля необходимы, чтобы голод не пересилил твой интеллект.

Когда у большинства населения не было средств к существованию, государство помогало гонимым. Эта помощь вызвала недовольство местного населения: ты гонимый, и тебе помогают, а мне в это время еще хуже, чем тебе, несмотря на то, что у меня есть дом, крыша над головой. Настрой местного населения был такой: тебе помогают, а ты еще ноешь. Гонимый ноет из-за того, что у него нет дома, а местный ноет, потому что у него есть дом, но нечего есть. Сложно это все, каждый оценивает ситуацию с высоты собственных проблем. Каждому его проблемы кажутся самыми сложными и первостепенными...

Дать гонимому убежище не означает только пустить под крышу своего дома. Это значит отломить кусок от хлеба, предназначавшегося твоему ребенку, отломить – и отдать.

„Зугдиди это убежище для гонимых“

Зугдиди стал городом-убежищем для гонимых. Триста тысяч человек прошли Зугдиди. Затоптали так, что там десять лет трава не росла...

Хочу рассказать одну историю: в девяносто седьмом году меня послали в командировку из Тбилиси в Зугдиди. Там такая ситуация тогда была! Гонимые проклинали зугдидцев, зугдидцы проклинали гонимых. Приехал я в город. Мой брат жил там, будучи гонимым. В город я шел пешком, транспорт тогда работал не так отлаженно. Клянусь памятью матери, увидел я чело-

века, который в своем дворе собирал с дерева инжир, совсем еще неспелый... В Тбилиси парни спросили, как там, в Зугдиди. Я говорю: съели гонимые Зугдиди. Почему? А потому, что шел я по дороге, вижу, стоит человек и ест неспелый инжир. Соседка увидала и говорит: нельзя есть этот инжир, он совсем еще неспелый. Человек тот ей в ответ: да как поспеет этот инжир, его потом не вырвешь у гонимых изо рта. Это потом передавали из уст в уста как шутку...

Шутка-шуткой, а ведь это правда: в первые два года зугдидцы, как и все, кто принял поток гонимых, не успевали собирать урожай в собственных фруктовых садах. Обеспокоены были местные люди, обеспокоено было местное общество. Обеспокоены были мы. Ведь когда чувствуешь, что кого-то беспокоишь, тебе и самому неловко... Тебе кажется, что ты нормальный, полноправный член общества, а тебе дают понять, что это не так. Кто-то тебя не принимает, для кого-то твое присутствие невыносимо... Нас выгнали из Абхазии потому, что мы были грузины, а не потому, что мы были лишние... Куда нам бежать – в Россию? Или в Турцию? В Грузию. Когда становишься чужим в собственной стране – с этим трудно мириться. Понять это можно, только испытав на себе.

„Хорошо было бы, если бы у нас была возможность диалога...“

Было бы хорошо, если бы у грузин и абхазцев была возможность наладить диалог друг с другом. Для этого необходимо, чтобы люди могли свободно передвигаться. А не так, как сейчас: здесь дорогу откроют, а там закроют, или отсюда откроют, а здесь закроют. Тот, кто хочет, пусть идет туда и остается в Абхазии. Ну и что с того, я не понимаю. Тот, кто хочет, пусть уйдет отсюда и останется здесь. Людям не должны мешать устанавливать отношения. Не должны мешать

абхазцам, грузинам, тем, кто живет в Грузии, тем, кто живет в Абхазии. Хотя я не представляю себе Грузию без Абхазии. Несмотря на то, что сегодня Абхазию и Грузию упоминают по отдельности...

Надо дать людям по ту и эту сторону возможность говорить друг с другом. Пусть они сами установят новые отношения. Они уже больше не будут говорить на языке оружия. Просто пустите человека к человеку, женщину к женщине, а бизнесмена к бизнесмену. Если человек правильно ведет бизнес в Абхазии, дайте ему эту возможность, не мешайте. Бывают случаи, что грузы переносят ночью, контрабандно... Переносят откуда-то с помощью трактора и буксира. Надо, чтобы все это происходило открыто, без страха. И чтобы те, кто занимается бизнесом, платили налоги.

Оттуда (из Абхазии) сюда перейти легче. Сам я не знаю, не пробовал, я знаю это со слов того, кто ходит...

Когда идешь отсюда туда, тебя спрашивают: что нужно?

Что нужно? У меня там могилы... Родственник у меня там. Родственник у меня умер, я иду на его панихиду. Свадьба у родственника, и я иду на свадьбу. Можно пройти? Почему вы мне мешаете?

Или говорят тому, кто был у нас и возвращается обратно: где ты был, не боишься? Это я должен бояться, человек, идущий себе с миром или ты, вооруженный человек, стоящий тут в двухстах метрах от нас? Не знаю, не понимаю, что это происходит? Так и умру, не поняв.

„...могли же мы в чем-то уступить...“

Человеку нужно быть уступчивым. Не податливым. Нет, это в моем понимании совсем другое. Уступчивым. Надо уступать человеку, но нельзя

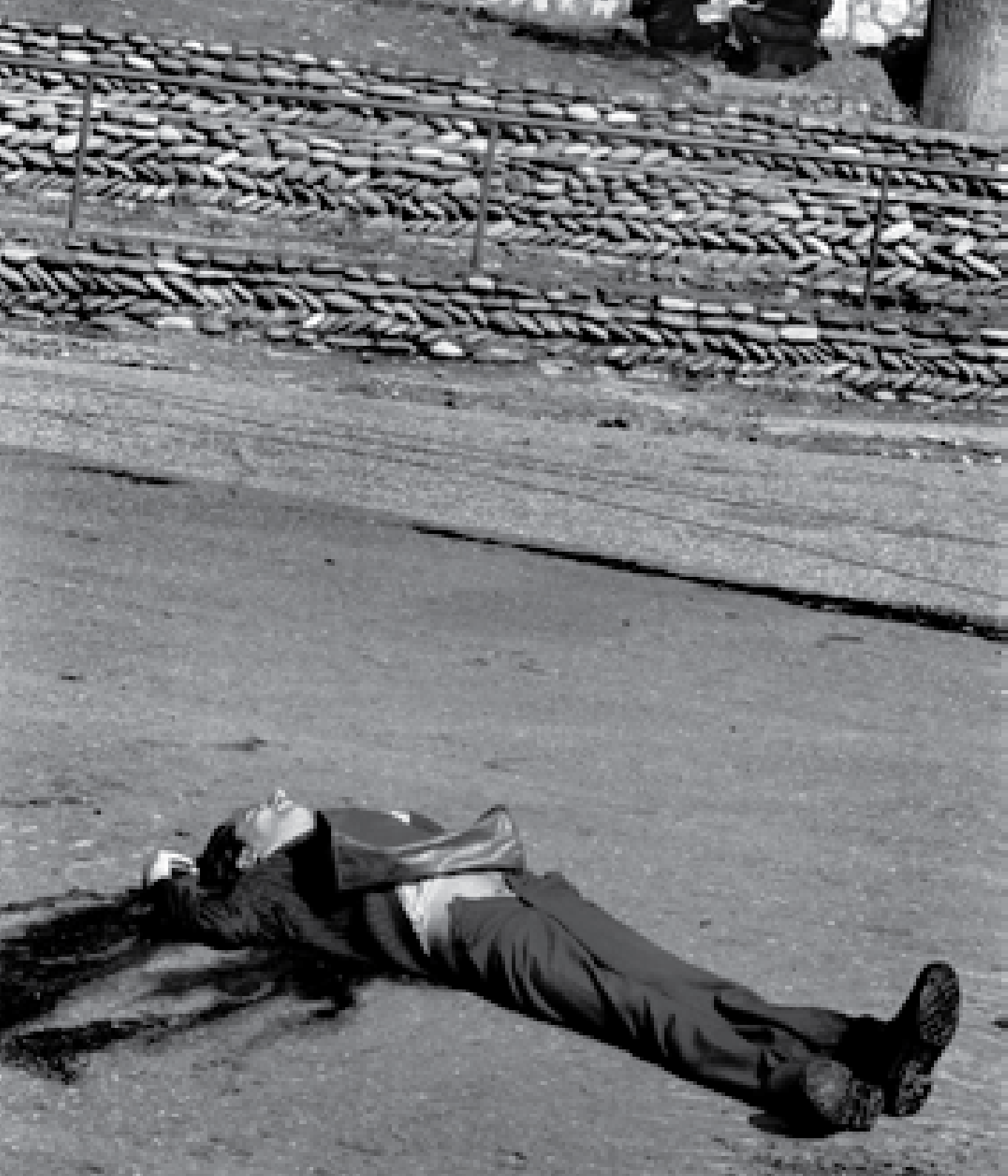
уступать родину, нельзя уступать все. Я уступил и по сей день не могу себе этого простить. Прежде, чем уступить то, чего уступать нельзя, уступи то, что можешь уступить, что допустимо уступить.

Мы могли в чем-то уступить. Не так, как это сделала грузинская депутация абхазского парламента– уступила, вышла из зала... а оставшиеся в зале объявили независимость Абхазии. Они должны были бороться до конца, должны были сказать свое слово. Были они в большинстве или в меньшинстве – это не имеет значения... Почему они уступили? Я не о таких уступках говорю. Я считаю, что лучше уступить малое, чтобы потом не пришлось уступать самое главное.

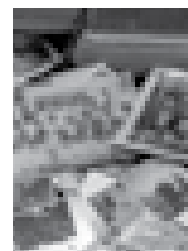
У меня внук растет, сирота. Он растет – и это для меня самая большая радость... Сын женился, создал семью и через каких-то пять месяцев погиб. Осталась беременная жена, она не захотела возвращаться к родителям, осталась в нашей семье, родила ребенка, мальчика и назвала его именем моего погибшего племянника. Умный мальчик, такой, что его отец был бы счастливейшим человеком, если бы был жив. Это согревает мне душу.

„Мечтаю вернуться“

Я слышал от своих предков, не далеких, а тех, кого я застал, мол, на том месте, где сгорел дом, минуй всех Господь, хорошо растет тыква... Не знаю... Если я вернусь на родную землю, наверное, целый год смогу прожить на одной тыкке, столько там сожженных мест. Мечтаю вернуться. Одна у меня мечта. Пока неисполненная...

Мзия

53 года. Мзия¹ – педагог, гонимая из **Гали**. Сейчас она вместе со своей сестрой проживает в **коллективном центре** в Зугдиди. Мзия переехала в Зугдиди после **майских событий**. Она рассказывает о трагических событиях того времени, происшедших в Абхазии. В течение пяти лет Мзия жила в зоне конфликта, в Гали, в постоянном напряжении и невыносимых условиях. По собственной инициативе она умудрялась ежедневно проходить двенадцать километров только для того, чтобы обучать детей, оставшихся в Абхазии, грамоте. Обучать почти подпольно, в домах учеников. Населению в конфликтной зоне пригодилась и ее вторая профессия – профессия медсестры. В отсутствие врачей и медперсонала Мзия оказывала населению первую медицинскую помощь. За эти заслуги и за самоотверженность Мзию прозвали героиней.

История была записана на **грузинском** языке.

“Мне ... больно, что ... я не живу на своей земле...”

В жизни тех **внутренне перемещенных лиц**, кто родом из Гали, этот город занимает особое место, поскольку с ним многое связано и многое вспоминается. Вспоминая Гали, мне становится больно, что сейчас я не живу на своей земле и в большинстве случаев у меня нет возможности туда поехать.

Самые трагические события произошли на моих глазах. Я жила в Гали с 1993 по 1998 год включительно.

Сейчас, когда я смотрю на эти события издали, кажется, рассказывать о них просто. Пока не вспомню, как мы с 6 утра до 12 ночи находились в лесу, а потом, словно летучие мыши, выходили оттуда и собирались все в одной какой-нибудь семье. Все, целая деревня, 13-14 человек.

Вспоминаю страх, который постоянно присутствовал в жизни тех, кто остался. Это приводит меня в отчаяние. Больше всего мне вспоминать

27, 28, 29 сентября, когда пал Сухуми, когда люди и колонны машин перебирались на эту сторону. Все это происходило на моих глазах. Люди и машины тянулись к **Ингурскому мосту**.

“Я осталась”

Я осталась. Я рассуждала тогда совершенно наивно. Думала – я ведь никому ничего плохого сделать не могу, я не воевала – кто меня тронет? Да и как мне расстаться со всем этим? В Гали у меня были родители, и дом я не могла оставить. К тому же я здесь училась, и у меня было очень много друзей и знакомых – абхазцев. Так я думала, но по правде сказать, жестоко обманулась. Тот, кто навязал нам войну, задумал разрушить эти отношения, чтобы самому нагреть руки на наших страданиях.

Я обманулась - на наших глазах случилось страшное. Но я не жалею, что осталась, хотя бы потому, что сумела кому-то открыть глаза, кого-то спасти, не дать расстрелять партизанам. И абхазским, и грузинским, с обеих сторон.

“Мой дом грабили пятьдесят восемь раз”

Если скажу, что виновна была только одна сторона – это будет неправда. С обеих сторон убивали, с обеих сторон не уступали друг другу. Я сторонилась обозленных людей, которые приходили и не скрывая своих намерений, не таясь, занимались грабежом и разбоем. Вместо того, чтобы защищать родную землю, они целиком были заняты грабежом. Мой дом грабили пятьдесят восемь раз, и каждый раз это были новые группы.

“Мы прятались...”

Во время налетов грабителей, мы, разумеется, не показывались. Мы прятались, издали наблюдали за разбоем. Искать, где спрятаться, не приходилось: вокруг все заросло, образовался лес... Вокруг домов тоже все заросло, так что убежищ было много.

Не хочу, чтобы сочли за хвастовство, но жили мы

очень хорошо, зажиточно. У нас была трудолюбивая семья, и все у нас было свое. Ни в чем мы не нуждались. Зайдут абхазцы, перевернут все верх дном, мы уберем, все разложим по местам. Они перевернут – мы снова уберем. Оказывается, их и самих интересовало, кто такой в этом доме живет.

У нас такое отношение ко всему этому было: унесли что-то, ограбили? Что ж делать – сидим в лесу и вяжем. Полку унесли – мы своими руками соорудим что-то новое и покроем связанной вещицей, украсим дом. И огород, и бахча – все у нас ухоженное было. Однажды грабители подкараулили нас. Сказали: нам, мол, было интересно, кто в этом доме живет, где все так красиво и уютно, несмотря на то, что в дом несколько раз заходили чужие люди и переворачивали все верх дном.

У нас было два родовых дома. В одном из них группировка «Скорпионов» сделала погреб. Один из членов группировки облюбовал этот дом и надписал на нем: «Скорпионы».

“...«Скорпионы» пришли?”

Это была абхазская группировка – «Скорпионы». Наверное, это был какой-то батальон, название было написано в кавычках. Может, это было чье-то прозвище. Точно не знаю, кем они были, но они так себя называли. Мы когда вставали, спрашивали друг друга: «Скорпионы пришли?»

У них были красные ленты. Как-то до нас дошли слухи, что кто-то взорвал «Скорпионов», когда те шли с награбленным в центре деревни Ачигвара. После этого они сторонились нас полгода.

У нас дома была Грузинская энциклопедия в двенадцати томах. Во время очередного налета грабители перевернули весь дом. Они унесли все тома Всемирной литературы. Большую советскую энциклопедию на грузинском языке тоже унесли.

А Грузинскую энциклопедию оставили и подчеркнули в ней те места в тексте, где речь шла об Абхазии. Красным подчеркнули. Кто-то, видно, сел, тщательно изучил текст и подчеркнул. Подчеркнул, а не перечеркнул. Книгу оставил на столе раскрытой. Словно хотел дать понять, что делает замечания нам, хозяевам такой богатой библиотеки. Замечание о том, что написанное в энциклопедии не соответствует действительности.

“Кровь кровью не смывается...”

Однажды, помню, бандиты пришли в очередной раз. Стали выдирать зубы у соседки. Она была ровесницей моей мамы. Когда она стала кричать, мы с сестрой бросились бежать. Муж соседки тоже прятался, и мы побежали к нему. Бежали через заросли и колючки, все в крови... Муж соседки пришел к бандитам и говорит: не выдирайте ей зубы, я подарю вам быка. Они сначала сказали, что им нужно золото, но потом согласились на быка.

Я и похуже видела, но никогда об этом не рассказу. Я никогда не расскажу о самом ужасном, что я видела. Если об этом узнают, примирения никогда не будет. Поэтому я и книгу никогда не напишу. Я пять лет была там, могу написать, но не напишу. Поколения не должны прочитать это. Кое-кто может поспорить, мол, пусть читают, пусть знают. А зачем? Кровь кровью не смывается.

Однажды я попросила своих учеников, отцы которых погибли на войне, написать «Письмо сыну убийцы моего отца».

Дети написали необыкновенные вещи. Они писали о том, что не знают друг друга, и что ни один из них не виноват в случившемся. В этих работах я увидела, что молодое поколение заново переоценивает события тех лет. Время лечит.

В Абхазии редко интересуются подобными вещами. Одна школа, которая сейчас находится в

изгнании в Зугдиди, стала зачинателем отличного проекта «Абхазская литература». Ученики разместили на вебсайте такие письма! Дети так просят откликнуться своих ровесников! Но ни один абхазский ребенок им не ответил, не откликнулся. На сайте опубликованы отсканированные варианты абхазских произведений на абхазском языке и на грузинском. Приведены примеры хороших отношений с Грузией. Я удивляюсь, почему никто не откликнулся. Был объявлен конкурс писем ровесников, но и к нему абхазская сторона осталась равнодушной.

Абхазцы, у которых есть доступ к Интернету, стоят перед одной проблемой: они не знают грузинского, не умеют по-грузински читать. Мои ученики поделились со мной очень хорошей идеей. Они обратились к руководству школы с просьбой ввести в программу абхазскую словесность, чтобы самим общаться с абхазскими ровесниками.

“... мы должны были хоть немного знать абхазский язык”

Я думаю, мы должны были хоть немного знать **абхазский язык**. Живя в Абхазии, я с удовольствием смотрела уроки абхазского, которые передавали по абхазскому телевидению в вечерние часы. У многих не было возможности смотреть, у многих не было даже телевизора. А я смотрела. И кое-что выучила. Иногда демонстрирую свои знания здесь, в изгнании. Чем больше языков знаешь, тем лучше...

Когда мы, грузины, жили в там, в Абхазии, нам говорили, не учите детей абхазскому. А ведь это было неправильно.

“Это было разрушение моста во второй раз...”

Я перешла на эту сторону в 1998. Перешла потому, что оставаться на той стороне было равносильно смерти, это точно. Говорят, семь раз отмерь, один

раз отрежь. В 1998 году, видно, наше правительство что-то не так отмерило, и поэтому в почти возвращенном Гали не осталось населения... В деревне, где я жила, было 550 детей. 240 ходило в школу. Школа функционировала. С нас взяли пример другие деревни. Это был хороший путь. Мы могли вернуть Гали фактически без войны. Начался бы процесс интеграции молодежи, что очень хорошо, на мой взгляд. Но из-за того, что произошло впоследствии, действующие школы сожгли.

Вошла наша армия. Люди были в восхищении. К армии присоединились резервисты, говорили, будет поддержка. По правде говоря, мы, там живущие, были очень обеспокоены, поскольку знали, что все закончится так, как на самом деле закончилось. Это было разрушение моста во второй раз, произошло новое обострение отношений.

“...приходилось... проходить по двенадцать километров, чтобы помочь кому-то”

Когда я жила там, в Абхазии, ко мне приходило много людей за помощью – и я никогда никому в помощи не отказывала. Бывало, приходилось вставать рано утром и проходить по двенадцать километров, чтобы помочь кому-то, сделать доброе дело.

Помню такой случай. Я заметила вооруженных людей в совершенно безлюдном месте. Не знаю, кто они были, грузины или кто. Я уже прошла 6 км, оставалось пройти еще 6. В том числе 3 км нужно было пройти в таком месте, где не было ни одного жителя. Местность там наполовину превратилась в лес и поля, заросшие травой. Вот там-то я и столкнулась с вооруженным отрядом, группой. Эти люди хорошо говорили и по-русски, и по-мегрельски. Они собирались пересечь дорогу, один из них взглянул на меня – а на мне лица, наверное, не было. Он и говорит мне по-русски: «Ничего не бойся. Ты ведь на этой дороге нам не первый раз

попадаешься, нам до тебя никакого дела нет. Иди своей дорогой, мы знаем, что ты на доброе дело идешь». Видно, это группа то ли тут была размещена, то ли часто сюда заходила, и видела меня уже не раз.

Они, наверное, знали, что я продолжала работать педагогом. Это было хорошее дело – бесплатно обучать детей, которые остались в семьях. В течение двух лет 26 детей оставалось без образования. Их надо было научить читать и писать, иначе их и в школу бы не приняли. В то опасное время я не могла их пригласить на занятия к себе домой, поэтому и ходила к ним сама.

Вспоминаю я и то, как иной раз шла на подобное доброе дело, а в это время в меня целились, стреляли в воздух, и хохотали. Я бежала, а они издевались. Но что поделаешь, война есть война.

“Не жалею, что не перешла на эту сторону...”

У меня есть и вторая профессия – я медсестра, и поэтому могу помочь людям в случае необходимости. Я счастлива, что имела возможность это делать в Абхазии. Например, у кого-то был почечный приступ, и нужна была помощь – но где найдешь врача в такое время. И тут я прохожу 7-8 км и оказываю эту помощь. Даже если применить простые способы, например, вскипятить воду и в теплую воду посадить больного, этим можно снять боль. Человек будет молиться на тебя, его молитвы будут беречь тебя, когда утром, после бессонной ночи, ты отправишься домой. Ничего не сравнится с этим счастьем.

В деревне распространилась болезнь Боткина. Никто не в состоянии был что-то сделать. Я вспомнила, что в домовый книге моей бабушки был описан способ, как можно помочь больным в сельских условиях, применяя мед, подорожник и еще кое-какие травы. Во всяком случае, этот способ позволял продержаться до появления врача.

Иногда врач появлялся не раньше чем через неделю.

Подобных случаев было множество, и я совсем не жалею, что я не сразу перешла на эту сторону. Наоборот, я счастлива, что осталась, потому что там я сделала столько добрых дел! Как это у норвежского писателя? Если во время прилива спасти хотя бы одну морскую звезду, выброшенную прибоем на сушу, это может оказаться очень важно.

“Ты - героиня”

Три года назад я поехала в Абхазию на панихиду. Я боялась, всех сторонилась, знала, что встречу абхазцев. Деревня встретила меня так, что абхазцы приняли меня за национальную героиню. Один абхаз (у него еще было какое-то звание) мне сказал: «Моя мама вашего возраста. В моих глазах вы героиня». Потом он встал и поцеловал меня. Вокруг меня собралось столько людей! Тот молодой абхаз сказал, что обязательно расскажет матери обо мне.

“Война разрушила семью”

В моей деревне абхазцы не проживали. Но у меня невестки - абхазки. Эти невестки сделали все для своих детей, их родственников, сделали все для грузин. Поскольку они были женами грузин. Таких женщин было немало.

Одно время с нами жили три женщины-абхазки, жены грузин. Я до сих пор вспоминаю о них с болью в сердце. Их не ценили ни абхазцы, ни грузины, и обращались с ними плохо. Если и выпали мне неприятности, то только потому, что я заняла стойкую позицию по отношению к ним. Защищала этих женщин, когда порой их, совершенно невиновных, несправедливо обижали. Это делал сброд. Двоих из них выгнали из Абхазии. А в моих глазах они навсегда останутся символами настоящих абхазских и грузинских матерей.

Гонениям на одну из них способствовал абхаз, а другую выгнал грузин. Первой сказали: мол, у тебя шестеро детей от мегрела, и мы не дадим тебе жить спокойно. Она пришла ко мне за помощью. Ее мужа избили, и он остался лежать там же, избили и ее саму. Она была вся в крови. В то время такие женщины не могли найти поддержки ни у кого: ни у абхазцев, ни у наших. Война разрушила семью.

“Много было случаев, когда отнимали тела покойных”

Много мы от них натерпелись. У женщины одной зубы выдернули, дом подожгли. Вышли мужчины, хотели потушить огонь – а тут второй отряд ворвался и расстрелял всех восьмерых, что тушили огонь. Это вечером случилось. Мы уложили на тачки специально подготовленные доски, на них устанавливали по два гроба и ночью вывозили на кладбище, чтобы у нас не отняли тела покойных. Много было случаев, когда отнимали тела покойных. Однажды со мной в лесу спрятались мать и отец. Тело их сына вытащили из дома и отволокли в штаб Набакеви?. Лучше бы они убили этих несчастных родителей. Какая трагедия может сравниться с этой? У них сына убили и тело покойного отняли.

Кстати, в возвращении того тела большую роль сыграл Руслан Кишмария (не знаю, является ли он еще гамгбелли). Отчаявшаяся мать бросилась к нему, и он вернул ей также и второго сына, который был арестован. Сам его к ней привел.

Когда дело касалось возвращения заложников или тел погибших, отцы оставались дома, а матери были особенно активны. Женщины не пускали своих мужей, боялись, что абхазцы могли их убить. Хотя и женщины ни от чего не были застрахованы. Однажды абхазцы въехали на танке во двор к

моему бывшему ученику. В это время его мать вышла, подумала, может, они есть хотят. Она подняла руку, чтобы перекрестить их, да так и осталась с поднятой рукой – они расстреляли ее на месте.

“... он пятился к двери спиной, а оружие держал в руках”

Много было таких случаев. Но были и другие. Однажды в дом ко мне забрался абхаз – он собирался меня ограбить. Сначала мне показалось, что это плохой человек, он грубо со мной разговаривал. Но я с ним поговорила откровенно, сказала, что мне эта война не нравится, что в этой войне повинны не мы, а те, кого это устраивало. Никогда не могла бы себе представить, но он вдруг перешел на мою сторону. Он сказал: «Как хорошо вы говорите по-русски! А я с вами буду говорить по-мегрельски». Он очень хорошо говорил по-мегрельски. А по-русски - с сильным абхазским акцентом. Он сказал, что абсолютно со мной согласен. Я сказала ему: «Как ты, потомок Камачич, можешь говорить с женщиной на языке оружия?». А он ответил: «Твои слова заставили меня положить оружие в угол». Моя сестра вдруг встала перед ним на колени и стала просить, чтобы он не убивал нас, беззащитных женщин, ведь мы ничего плохого не сделали. Тогда в доме у нас находилась 84-летняя больная женщина. Она была бездомная, мы за ней ухаживали, и стали просить этого человека не пугать ее. Он тут же встал и говорит: «Разговор окончен. Мне не нравится, что вас беспокоят. Может, сегодня вам стоит уйти из дому, я не отвечаю за тех, кто придет после нас. Тут ведь ходят и такие группы, которые даже нам неподвластны. Сошлитесь на мои имя и фамилию, и вам помогут, чтобы больше вас никто не беспокоил. И справку дадут, что вы не воевали и живете тут». Я не назову его имени, боюсь, как бы ему не навредить. Никогда в жизни не забуду, как он пятился к двери спиной, а оружие держал в руках. Я спросила: «Чего вы бои-

тесь?» Он ответил: «Я тут с такими умными женщинами встретился, что не доверяю вам полностью, с вами надо быть осторожным». Так он и пятился до самого центра деревни, а я тогда подумала, что они испытывают такой же страх, как и мы, и что кто-то затуманил им мозги.

“...прошу прощения от имени своего народа”

Когда я сказала тому абхазцу, мол, как себя ведешь, ты, потомок Камачич, он ответил, что мечтает, чтобы мы жили вместе. Он мне сказал, что мы обязательно будем жить вместе, и у нас будет паспорт, который не будет ни абхазским, ни грузинским. Может, говорит, хоть наши потомки этого достигнут? «Может, наши потомки получают такие паспорта – это будет идеальное общество», - сказал он. «Эту войну не вы придумали, и не я. Я очень сожалею о том, что происходит, и прошу прощения от имени своего народа». Тогда для меня это был светлый лучик.

“Когда пишется закон о гонимых, их мнение должно быть учтено”

Я все-таки думаю, что правительство управляет неправительственными организациями. Например, документ об интеграции гонимых готовился без участия самих гонимых. Закон был написан для них без их участия. Когда пишется закон о гонимых, их мнение должно быть учтено. А все было сделано так, как хотелось правительству.

Я участвовала в одной встрече, где работали над таким документом. Представитель неправительственной организации прямо сказал: делай что хочешь, все равно все будет так, как хочет правительство. Я сказала: ну и оставайся со своим правительством и своей неправительственной организацией. Мне кажется, что неправительственные организации являются больше препятствием к улучшению обстановки, а правительство – тем более.

“Они слушают наши информационные программы”

Там, в Абхазии, положение обостряется соответственно тому, какую информацию они получают из наших информационных программ. Чья-то необдуманная фраза может очень плохо подействовать. Они слушают наши информационные программы, не пропускают ни одну информацию. Здесь кто-то выступает с необдуманными речами, мол то сделаю, это сделаю – а там рождается агрессия.

Кто-то думает, что можно чего-то добиться, прибегнув к агрессии. Когда агрессивные речи доходят до Абхазии, там сразу перекрывают дороги, врываются в семьи и пугают людей. А люди, бедные, на нашу сторону перейти не могут, и там остаются им неважно.

Вот, к примеру, объявляют, что открыли лагерь патриотов в самом сердце Абхазии. Во-первых, Ганмухури – не центр Абхазии. Во-вторых, как только это объявили, в Абхазии начали задерживать парней, забирать в абхазскую армию, и ни одного не пустили в лагерь. Можно же все это делать без лишнего шума. В такой период необдуманные действия только обостряют и накаляют ситуацию.

Говорят, сейчас ситуация в Гали улучшилась. Я была в Абхазии, на территории, удаленной на 50 км от Ингурского моста, в направлении Гали. Так там я не видела ни одного дома, молодежи очень мало. Все больше пожилых, и всем живется очень трудно.

“...явное разделение”

Сейчас еще появилась тенденция к разделению на здешних гонимых и тамошних гонимых, на тех кто живет по эту и по ту сторону **Ингурского** моста.

В последнее время на здешних (гонимых, живущих в Зугдиди) не обращают внимания. Живущие

на той стороне тоже особенно не избалованы, но когда речь идет о летнем лагере, об отдыхе или какой-нибудь экскурсии, налицо явное разделение. Я все-таки думаю, что все должно делаться одинаково. Надо показать, что они наши братья, нам с ними предстоит встретиться. Говорим об интеграции, а сами осуществляя наши проекты, все больше отдаляем детей, живущих по ту и эту сторону, друг от друга. Так отдаляем, что даже не знаю, как они встретятся друг с другом там, в Абхазии. Мне кажется, об этом стоит подумать. Вот, например, провели тренинги для врачей, живущих по ту сторону Ингури, в Гали. Да, это очень хорошо, но ведь педагогам и врачам, живущим по эту сторону, тоже нужна переподготовка. Разве не нужно и на них обратить внимание? Разве это не ресурс?

На нас тоже нужно обратить внимание. Я думаю, если мое пристанище увидят члены правительства (хоть того, хоть этого) - у них сердце разорвется: все развалено, стены без штукатурки, условий - никаких. Вчера скончался один из наших, гонимых. Так его, несчастного, выносили из чужого дома. У его семьи не было комнаты, чтобы положить покойного там. Так и живем...

Но несмотря ни на что, после того, как я провела пять лет, прячась в лесу, каждый день кажется мне прекрасным. День, в котором нет войны. Поверьте, каждый день – это радость, это веселый гомон фиалок, это счастье. Я была ребенком, когда скончался мой отец – тогда мне казалось, что жизнь на том закончилась. Но после того, как я узнала, что такое война, каждый день без войны показался мне особенно красивым.

Я хотела бы, чтобы очень скоро наступило время, когда я не вспомню ни один день войны.

Александр

83 года. Александр¹ – гонимый из Цхинвали. Сейчас он живет один, в Гори, в **коллективном центре** для **внутренне перемещенных лиц**. Дети Александра вместе со своими семьями живут в другом регионе Грузии. Они тоже внутренне перемещенные лица и не могут помочь отцу, сами находясь в тяжелом положении. Александр трудился всю свою жизнь. Теперь он оскорблен тем безвыходным положением, в котором оказался в старости.

*История была записана на **грузинском** языке.*

“Я никому не смотрел в руки”

Жена моя скончалась там, в Цхинвали, в 1965 году. Дети выросли. Выдал дочку замуж, сын живет вместе со своей семьей в Боржоми, в коллективном центре для внутренне перемещенных лиц.

До войны я был вполне доволен жизнью. У меня все было – еда и питье, одежда – всего достаточно. У меня было все, что нужно нормальному гражданину со средним достатком.

У меня был собственный двухэтажный дом, обустроенный на среднем уровне. Я никому не смотрел в руки. По мере возможностей помогал своим родным, соседям и добрым друзьям. В 1949 году закончил Цхинвальский педагогический институт. Стал работать в институте, лаборантом на химико-биологическом факультете... Несколько лет усердно трудился. Зарплата была очень низкая... Поэтому я ушел из института и начал работать в одной государственной организации Южно-Осетинской автономной области.

“Я ушел, не взяв с собой даже ключи...”

Вначале этот **конфликт** казался мне смешным. Никак не мог себе представить, что мы окажем-

ся в такой тяжелой ситуации. Я даже смеялся, как могут обостриться наши отношения с осетинами. Но мне пришлось уйти оттуда... За ночь осетины приходили по три-четыре раза... Забирали все, что у нас было: вино, хлеб, еду – все требовали отдать им. Мы вынуждены были оставить дом, двор и уйти. Я ушел, не взяв с собой даже ключи... Думал, вернемся через два-три дня и приступим к нормальной жизни. Взял с собой детей, семью, супругу (я женился во второй раз). У меня уже были внуки.

Приехав сюда, в Гори, мы нашли пристанище в этой гостинице... Мы ничего не взяли с собой... Все, что у нас было, осталось в Цхинвали.

С тех пор я живу здесь, а супруга скончалась 11 июля прошлого года от нервного перевозбуждения. Так я остался один, никчемный...

“Мы снова должны быть вместе!”

Я все время думаю, что это не должно было произойти между нами и осетинами. Это прямо убивает меня: не могу понять, почему это случилось с людьми, которые как родные друг другу... С народами – побратимами... Мы всю жизнь провели вместе, а потом такое вот случилось.

Не знаю, что будет в будущем... У меня нет надежды, что лично я доживу до возвращения. А вообще, наши отношения с осетинами обязательно восстановятся – это как пить дать. Мы снова должны быть вместе! Мы должны простить друг друга, протянуть друг другу руку. Потому что они не унесут ведь с собой на тот свет наше имущество, наши дома, которыми пользуются сейчас! Они тут должны быть. Они должны быть вместе с нами. Вместе с нами должны умереть, вместе с нами им надлежит быть похороненными...

"Остался с этой пенсией..."

Все мои мысли, все мои чувства и сегодня связаны с моим домом, который я оставил там, в Цхинвали. Дом довели до такого состояния, что в нем, кроме досок, ничего не осталось. Все вы-

несли, все разрушили. Одни стены стоят, стены и больше ничего... Это положение нанесло мне такую душевную травму, что и жить не хочется. Мне 83 года, так может скоро наступит мой конец... Нет больше моих сил выносить этот ужас и несчастье... Жизнь моя полна страданий... Сижу взаперти. И заняться мне нечем.

Получаю пенсию, 38 лари. Очень нуждаюсь и нахожусь в очень, очень большом отчаянии. Назначили мне пенсию как человеку, находящемуся за чертой бедности... Но давали ее только несколько месяцев. Никакого другого дохода у меня нет. У моих детей своих забот полон рот, чего уж тут скрывать. Сын вон в Боржоме. Там у него жена, и детей они растят. От них помощи ждать не приходится... Дочка моя в Ахалгори живет, у нее тоже своя семья... Мне она помочь не может. Приедут в тысячу лет один раз, посмотрят, как я тут, вот и все.

Я так нуждаюсь, а мне сняли пенсию. Пришли проверить, как я тут живу, что у меня есть – и сняли помощь. Иногда проснусь ночью и думаю: что я натворил такого. Мне сказали, мол, у тебя телевизор есть, и холодильник тоже.

Телевизор у меня с тех пор, как родился внук. Сын купил... Да он и не работает.

Совсем испорчен, ни на что не годен. И деть некуда. На улицу выбросишь – других раздражает, здесь стоит –меня раздражает. А этот холодильник кто-то выбросил... Старый холодильник – я его подобрал, починил – тогда у меня была возможность это сделать. Здесь, в Гори, мне его починили, мне обошлось это в 60 лари.

А эти проверяющие пришли и говорят, ты не нуждаешься, у тебя холодильник есть. Бог с ними, да мне в этот холодильник и положить нечего. Чтобы продуктами запастись, деньги нужны... Телевизор тоже меня не поит и не кормит.

Еще проверяющие мне сказали: после смерти жены тебе просторнее здесь жить стало, жил-площадь прибавилась. Как не стыдно это говорить! У меня всего двенадцать квадратных метров, не больше.

Я собирался поехать в Тбилиси жаловаться. Мне сказали, не стоит, все равно ничего не получится – что записали, то и будет, и все тут. От всего этого я совсем пал духом. Вместо того, чтобы дать мне какой-то стимул, они наоборот, пинают меня и с землей сравнивают. Сейчас получаю пенсию, 38 лари и одиннадцать лари как беженец. Вот и вся помощь, больше никакой другой... На эти деньги жить невозможно... Каждая копейка на учете. В месяце тридцать – тридцать один день – посчитайте, сколько приходится на день... Да и в коллективном центре мне очень сложно жить. Шум... Плохие условия...

“Спокойствия хочу”

Часто думаю, хоть бы жить мне где-то, где нет ни единой души. Тогда бы я делал, что мне хочется – когда хочу – лягу, когда хочу – встану или прияду, отдохну...

Может я сам виноват, мой возраст виноват. Мне скоро 83 года, а я не переносу, когда женщины ругаются... Особенно когда соседи сцепятся друг с другом, или дети. Спокойствия хочу. Хочу, чтобы у меня было что-то свое, и я жил сам по себе.

Хочу, чтобы все пришло в порядок. Люди устали от стольких несчастий и невзгод.

Зимой у нас света не бывает... Платим, платим, когда не хватает, мы собираем всегда, дополнительно. Несем, платим, и они дают свет. Только тяжело все это. Они мучают нас, как хотят. Очень плохи наши дела, зимой – особенно. О воде и говорить не приходится... Воду тоже не дают...

“.. мы беспомощны”

Мы, гонимые, беспомощны. Не можем достучаться до кого надо... У нас очень много нерешенных проблем, больше некуда. Раньше нам государство как-то помогало. То продукты давали, то одежду, то что-то еще... Теперь вся помощь остановлена. Ну на что я годен в 83 года! Ничего меня больше не интересует. Я ладно, главное, чтобы дети и внуки были здоровы – об этом я думаю, больше ни о чем...

И душа болит, душа болит, потому что не ожидал я от этого народа, от осетин, такого. И еще оттого, что эта девушка, что пришла проверять, как я живу, отняла у меня кусок хлеба и бросила вот так, на произвол судьбы.

Беззаконие меня убивает... Разве мало мне, что жена моя умерла? А они – мол, жена у тебя умерла, и площади у тебя теперь больше. Разве мало того, что ничего у меня нет! А они мне – у тебя холодильник есть. Да если в него, проклятого, ничего не положить – и вынимать нечего будет... Телевизор, говорят, у тебя есть. Оказывается, телевизор с холодильником меня и кормят, и одевают. Эх, да что об этом говорить...

Роза

65 лет. Роза¹ жила в **Гали**. Вместе с пятью детьми ей пришлось в период **конфликта в Абхазии** покинуть город. Мужа убили там. Сейчас Роза вместе с детьми и внуками проживает в **коллективном центре** в Цхнети. Время от времени она ездит в зону конфликта (Гали), в свой дом, частично сгоревший. В истории Розы описаны детали перемещения во время конфликта, а также послевоенная жизнь в коллективном центре.

История была записана на грузинском языке.

„Его съели собаки со свиньями“

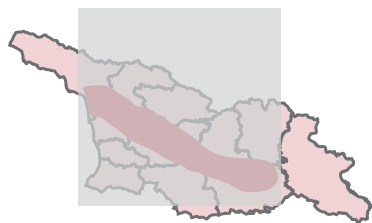
Моего мужа убили там, в Гали... Он проводил нас, а сам остался... На второе утро его убили... Он сказал мне: «Уходи, позаботься о детях, а я останусь. Видишь, все тут. Я же не чучело какое, чтобы убежать?!» Он был еще молодым мужчиной, 52 года. Я тоже еще не в летах, но постарела от того, что пришлось пережить и повидать.

Во время войны наказывали всех без разбора, независимо от того, воевал человек или нет... Я всегда вспоминаю слова мужа: «Я танцы абхазские люблю, мы ведь в неплохих отношениях с абхазцами, чего им меня убивать? Останусь здесь, когда абхазцы придут, я включу магнитофон с абхазскими песнями, и они меня не тронут»... Он не успел включить магнитофон... Они сожгли все у него на глазах, и его расстреляли там же... Никто не поинтересовался, был ли он виновен, воевал или нет.

Вот как это случилось в тот страшный день... В подвале нашего дома у мужа был цех. Во время войны он снес туда стол. Там собирались соседи, муж угощал всех, кто в гости заходил. Вот и в тот день собрались у нас за столом четверо соседей. Муж мой вынес водку, вино... Уже утро было... Вдруг кто-то ударил прикладом по окнам

подвала. Потом непрошенные гости разбили окна, огляделись, видят, четверо мужчин сидят и кушают... Непрошенных гостей было четверо, они были вооружены, на вид им было по семнадцать-восемнадцать лет, совсем еще дети... Зашли они вовнутрь и обратились к моему мужу: пойдём, мол, помоги из соседнего дома кое-что вынести и загрузить в машину... Муж был мужчина в теле, они и подумали, что сил у него много. Но муж ответил: «Не тот я человек, чтобы в чужом доме хозяйничать. Вот мой дом, забирайте, что хотите, а в чужой дом я не пойду». Его все-таки схватили и силой потащили в тот дом.

Пока они в том доме что-то искали, он убежал. Убежал, несчастный, да только недалеко, вернулся снова в свой дом. У каждого, видать, своя судьба. Те вооруженные люди нашли его и расстреляли в поле. Но прежде чем убить моего мужа, они, оказывается, подожгли наш дом... Дом горит, а они интересуются: как, мол, тебе это? У нас ведь хороший дом был! Муж смотрит, как дом горит, и отвечает: «Хорошо...» Тогда один из тех вооруженных дал ему пинка и снова спрашивает: «А это как тебе нравится?» Муж снова ответил: «Очень хорошо». Муж знал, чувствовал, что его убьют. В конце он собрался с силами и бросил взрывное устройство, которое

у него было в кармане. Бросил он взрывное устройство, только оно не взорвалось. После этого его расстреляли...

Позже сосед пришел и похоронил моего мужа. Хоронить убитых было делом опасным, вот сосед и вырыл «могилу» совсем неглубокую, всего сантиметров десять. Ушел, а свиньи с собаками разрыли землю и съели тело моего несчастного мужа... Его съели собаки со свиньями...

Ничего от него не осталось... Соседи собрали только какие-то останки... да еще брюки и ремень... Их мы сложили в гроб и похоронили... Больше в земле ничего нет – ни тела, ни черепа... Такое вот пристанище...

Похоронили мы все это на кладбище. Только на кладбище я плакать не могу, там ведь нечего оплакивать. Мужа убили во дворе моего дома, в Гали. Вот там я по нему и плачу...

В тот день на нашей улице убили десять человек – одну женщину и девять мужчин. В тот день они убили всех, кто встретился им на пути... Просто так, ни за что, вины никакой на них не было. Одну женщину убили просто за то, что она закричала, когда убили ее брата...

Я не получаю никакой помощи от государства. Мне говорят, мол, твой муж не участвовал в боевых действиях. А разве не почетно, что его убили во время геноцида?... Убили его, и тем самым, отняли жизнь у всей его семьи. Мой сын сам уже отец четверых детей, а все еще носит на груди эту тяжесть...

„... боятся назвать имя убийцы“

Еще одна история. Девять лет назад у меня убили в Гали сестру. Несчастливая, она на три месяца перебралась в Зугдидский район. Муж ее в Гали остался, и никак не смог перейти к ней. Тогда она сама к нему пошла, там ее и убили... Ее все

знали... Абхазцы и местное начальство передали мне, что даже из офиса ООН к ним приезжали, и их сопровождал переводчик. Они говорили, если знаете что, хоть намекните, кто убийца, чтобы мы его нашли. Но кто скажет правду? Скажешь, и тебя самого убьют. Они ответили, не знаем, мол, кто убил, абхазцы или грузины. С тем и проводили гостей, потому что ничего сказать нельзя. Если укажешь, например, на кого-то прямо, ночью тебя уничтожат. «Закажут» тебя. Поэтому люди там боятся назвать имя убийцы, молчат, даже если точно знают...

„Мы такое... перенесли, жить не хотелось“

Мы такое тогда перенесли, жить не хотелось. Как сейчас помню утро того дня, когда мы покидали Гали. Мы шли пешком: машину пришлось оставить дома из-за проблем с бензином. По дороге нам встретились танки... С нами были дети, я держала на руках трехмесячного внука... Сверху на танке сидели парни с автоматами, много их было, наверное, человек десять... Я попросила, возьмите нас с собой, видите, осталась на улице, с ребенком на руках... Но для нас не оказалось места... Нигде не было места. Тогда мы оставили все вещи, что несли с собой, и поехали на какой-то машине...

Перебрались мы на другую сторону с большим трудом и страданиями... Одного ребенка я посадила в одну машину, а двух других - в другую. Внук был со мной. Добрались до Ингурского моста. Там танк стоял... Дорогу перекрыли... Мы еле перебрались на ту сторону. Дальше пошли пешком, в сторону Зугдиди, в деревню Рухи... Дети умирали с голоду. От страха и в спешке я забыла взять ему еду трехмесячному внуку. В Зугдиди мы зашли к кому-то в дом и попросили чай для ребенка... На время я оставила внука в одной чужой семье. Я этих людей не знала, но пришлось им оставить ребенка, чтобы он

не умер с голоду и был все это время в тепле... Когда наконец мне привезли еду для ребенка, я отнесла в эту семью... Потом сюда перебрались и моя невестка, и мои дети, и чудом уцелевшие зятья. Временно мы все остановились в этом доме.

Мы и моего мужа ждали, но он не пришел... Он обещал, что догонит нас, но так и не пришел...

„Столько времени ... все живем в одной комнате“

Сейчас мы все живем в коллективном центре. Кое-как обустроились. Нас в семье семеро, и все мы живем в одной комнате. Живем в тесноте, не помещаемся...

Четверо детей, муж с женой. Мужу с женой отдельная комната нужна... Мальчики уже большие, и им отдельная комната нужна... Мой внук, которого я на руках несла, теперь уже в седьмом классе, тоже тут живет. У меня ужасная комната. Страшная сырость... От сырости у меня ноги болят... Хожу в вязаных носках, так мне лучше... Когда что-то болит, стараюсь не показывать детям, чтобы не беспокоить... Вот такая у нас жизнь.

Получаем от государства по одиннадцать лари в месяц. Только кому это хватит? У невестки, вон, невроз, болеет она... Так ей только на лекарства в месяц нужно не меньше двухсот-трехсот лари... Четверым детям нужны уход, образование, одежда... И в школу им нужно ходить... Вот в таком мы теперь положении...

Один внук закончил школу, сидит дома, нигде больше не учится. Второго с трудом удалось устроить в вуз, и как мы в нашем положении платим за его учебу, сама не знаю...

Одна из моих дочек вышла замуж и осталась в Москве, другая в этом же корпусе живет, навер-

ну, в крохотной комнате – кухне. Поставила там одну кровать и живет. Третья дочка мается по съемным квартирам – у нее вообще нет своей квартиры. Она поздно приехала сюда, и места в коллективном центре ей не досталось...

Столько нервов потрачено, столько слез пролито... Нервы у меня не порядке... Похудела я, черт его знает на кого стала похожа. Так ведь не обо мне речь. Мне сына жалко, мучается: сегодня здесь подрабатывает, завтра там, чтобы было что принести домой, детям... Он окна и двери делает, работает у кого-то в цеху, и сын ему помогает... Ему платят 20% от выработки. Если есть заказы. А если нет – сидит месяц-другой без работка...

Однажды один из его детей заупрямился и объявил: зачем, мол, нужно было рожать столько детей, если не можете дать нам все необходимое. Ему было всего четыре года, когда мы перешли на эту сторону. Откуда ему помнить, как мы были устроены там, в Абхазии. Не четверых, а десятерых могли с легкостью поднять на ноги.

„Не знаем, когда нас отсюда выгонят“

В этом коллективном центре ситуация сложная. Приходили к нам в тот день, переписывали, чтобы потом выселить. Мы устроили акции протеста... Никто не знает, что будет завтра... Не знаем, когда нас отсюда выгонят. У нас нет права что-то здесь обустроить, как-то улучшить свои условия, потому как мы все время в находимся в ожидании выселения. Даже поменять обои не можем – это пустая трата денег. Я все время в страхе, боюсь, как бы не остаться без еды. Что сегодня будем есть, что будем есть завтра?...

„Пошла... в ООН, и они дали, что было можно“

Однажды позвали меня из офиса ООН, предло-

жили перекрыть дом в Гали. Состояние моего дома позволяло его перекрыть...

Приехали мы в Гали шесть лет назад, году в... 2000-2001, в июне. Пошла я в ООН, и они дали, что было можно. Мой дом большой, и никак не получалось починить крышу с помощью материала, который мне дали. Они дали 90 штук шифера, а моему дому требовалось 150 ... Недостаточно было материала, я сказала, что еще одна сторона дома осталась непокрытой, и мне нужен еще материал... А мне в ответ: «У тебя не дом, а клуб», И ни за что больше ничего не дали.

„Перекрыли сгоревший дом, так он и стоит...“

Моя дочь в то время жила в Москве. Она там, бедная, скопила деньги и прислала нам... Я, пока меня не убили из-за этих денег, сразу купила недостающий шифер, перекрыла дом... Соседи помогали, мой муж ведь столько им всем хорошего сделал. Перекрыли сгоревший дом, так он и стоит, соседи за ним присматривают...

“Сгорел дом, который строили сорок лет”

Когда я впервые туда приехала, я знала, что сгорел дом, который строили сорок лет... Но я тогда думала не об этом. Я смотрела на то место, где похоронили моего мужа... вначале смотрела, а потом закричала, закричала и заплакала...

Я думала, его похоронили... Мы выкопали гроб, открыли его... Он был полон опилок... Только опилок... А в опилках лежали завернутые в бумагу кости, разодранные куски тела и порванные брюки... Когда я увидела это, мне не нужен был больше дом... Ничего не было нужно...

Я потому и похудела так, что все это вспоминаю, совсем мне плохо... Вот и сегодня ночью все уснут, а я опять не смогу – все думаю о том, что у

меня там осталось, попаду ли я в тот дом, похоронят ли меня там, в Гали...

“Я не успела бы убежать”

Когда я поехала перекрывать дом, осталась в Гали на два месяца.... Не снимая одежды спала в чужом доме. Как слышу лай собаки – к окну подхожу... Чтобы соседей не будить, сама за домом приглядывала... Думала, вдруг кто-то залезет... Я не успела бы убежать... Никто не даст убежать, если кто-то захочет – убьет тебя, и все.. Стольких так вот убили... Людей моего возраста убили спящими, в постели... Ни в чем не повинных людей...

Многие из наших живут в Гали... Говорят, приезжай, вон, на улице Димитрова всего пять семей не хватает, остальные, мол, тут... Чего ты не приезжаешь? А зачем я туда поеду, мне трудно там бывать. Мужа там убили, собаки его тело терзали... Да и не тянет меня туда... Одна я там, наверное, сойду с ума. Если бы мужа не дома убили, я бы, наверное, собралась с духом и поехала туда... Днем была бы дома, а ночевала бы у соседей...

Зачем мне туда ехать, на что там жить? То, что удалось добыть до сих пор, сгорело. Сейчас я за детьми ухаживаю, то обед им приготовлю, то в доме приберусь, и все думаю. Дай-то Бог, чтобы удалось вернуться в Абхазию. Больше ничего мне не надо.

“Хоть бы вернул мне Господь мой дом!”

Если коллективный центр, в котором мы сейчас живем, продадут, нас отсюда погонят и дадут какие-то копейки. Но на них здесь невозможно купить жилье. Мне дороже всего дом, который остался у меня в Гали. Хоть бы вернул мне его Господь! Дети подремонтируют его – если не за год, так за два или три... Как-нибудь... Хоть как-то

проживем на эти копейки там... Если только будем защищены. Вот это меня волнует. Будем ли мы защищены. Ведь там все еще продолжается то, что абхазцы называют «чистой». Во время «чистки» приходят полицейские... Заходят в дома и забирают все, что есть у населения – порсят, индюшек, кур – все отнимают...

В городе, в Гали, они действуют, может, и не так явно, а в деревнях подчас случаются очень плохие вещи... Там заходят в дома... Грабят. Кого хотят - убивают...

Ночью грабители ходят в масках... Наверное, это местные. Наверное, это не абхазцы – те ночью не ходят. Ночью все больше местные ходят, они так обозлены, что убивают своих... Их жизнь ожесточила. Ожесточенные и обозленные, они и сами не знают, что делают. Три года назад ворвались к моей невестке и убили прикладом...

„Не смогу вернуться, если юрисдикция не будет восстановлена“

Молодежи в Гали очень трудно живется, у них нет ни копейки дохода...

Да и мне, если скажут, мол, езжай в Гали сейчас, будет трудно на это решиться. Я не смогу поехать, если юрисдикция не будет восстановлена... Хотя в Гали многие вернулись, говорят, только 3% не достает...

Когда приходится ехать в Абхазию на панихиды или здесь встречаться с родственниками, они мне говорят: все вернулись, и ты возвращайся! Но что мне там делать без моих детей и внуков? Что у меня осталось в том сгоревшем доме? Одни камни... На что мне там смотреть? Здесь хоть на детей смотрю, пока жива... немного мне осталось... Не выдержу я без детей и внуков.

Я говорю своим, давайте продадим тот дом, если не собираетесь ехать в Гали. Вообще, теперь все

ездят в Гали, у кого есть тамошний паспорт, никто им не мешает это делать... И денег совсем не берут за переход... Право на переход есть у всех, у кого есть прописка в Гали...

Мой сын говорит: «Они убили моего отца, собаки съели его тело, как же мне мириться с абхазцами... Те, кто сейчас живут в Гали, мирятся с абхазцами, а я не смогу». Мой зять тоже говорит: «Не могу я туда вернуться». Хотя его брат очень хорошо там живет. Аптеку открыл. Дом купил, и все у него есть. Никто его не притесняет. Знают, что он не воевал... Абхазцы изучили историю его жизни и обращаются с ним очень хорошо.

Раньше соседи жили как братья, и сейчас так живут. Однажды я поехала в Гали повидать сватью. Болела она, и я поехала ее навестить... Вот у нее в доме я увидела, как за одним столом сидели, ели и пили вместе абхазцы и грузины. Как раньше...

“...тамошняя земля дороже здешних дворцов”

Внуки мои предпочитают жить здесь, они ведь тут росли пятнадцать лет. Им нравится находится здесь, им не довелось полюбить то, что дорого мне... Детям сейчас по семнадцать-восемнадцать лет – когда же им было запомнить и полюбить то, что помню и люблю я?

Внуку было четыре года, когда мы перебрались сюда. Однажды я взяла его с собой – когда поехала оплакивать своего несчастного мужа. Внук увидел наш дом и чуть с ума сошел: какой, говорит, оказывается, у меня огромный дом.

Один мой внук (тот, что сейчас закончил школу) говорит: я дом деда не потеряю. Надеется, что когда-нибудь закончится эта ситуация, и мы вернемся обратно...

Что у меня здесь есть? В Абхазии у меня была

другая жизнь... Если пустят меня, я с удовольствием туда поеду... У моего сгоревшего дома есть крыша. Пусть даже крышу заберут – только пустят меня туда... Нам тамошняя земля дороже здешних дворцов... Если я поеду туда, у меня не будет возможности восстановить этот сгоревший дом, но он мне все равно дороже всего... Он ведь мой собственный... А отсюда нас в любой момент могут вышвырнуть...

Элисо

27 лет. Элисо – **внутренне перемещенное лицо** из Абхазии, из деревни Охуреи Очамчирского района. Элисо стала гонимой в 13 лет. Сейчас она живет в **коллективном центре** в Зугдиди. **Конфликт** оказал большое влияние на ее семью. С целью улучшения материального положения семьи мама Элисо уехала на заработки в Россию. Брат решил отправиться на войну в Ирак. Одна из причин принятого решения – финансовые проблемы в семье. Элисо работает музыкальной ведущей на местном радио в Западной Грузии и считает себя успешной, реализовавшейся личностью. В своей истории она рассказывает о процессе, который она прошла на пути к интеграции.

История была записана на **грузинском** языке.

“Приходилось учиться в разных школах...”

Когда все началось, мне было 13 лет, я училась в седьмом классе. Все хорошо помню. Точно помню и ту ночь, когда мы уехали из дому навсегда. Мы и раньше уезжали. Периодически происходили какие-то конфликты, и мы уезжали то в Тбилиси, то в Цхалтубо. Когда объявляли, что ситуация стихла, что все тихо-мирно, мы возвращались обратно. Мне приходилось учиться в разных школах, и это было очень плохо. Представьте, каково это – сменить 5-6 школ всего за один год.

Трудно было привыкать к новой среде. Самое плохое в этом то, что приходилось расставаться со своими друзьями, с которыми провела несколько лет. Мне приходилось менять среду каждые три-четыре месяца, а для ребенка моего возраста это чересчур.

Родители решали, где мы будем жить в зависимости от наших возможностей на тот момент. Определяющим фактором были наши возможности, а не желания. Не имело значения, где мне хотелось быть – в Тбилиси, Кутаиси или в Цхалтубо.

“...живем...в коллективном центре...”

Сейчас мы живем в Зугдиди. Мы живем здесь, в компактном центре, с того дня, как перебрались на эту сторону, в ночь после падения Сухуми. Здесь, в этом поселении, немного людей, поэтому, наверное, на нас никто и не обращает внимание. Если другие гонимые семьи «избалованы» тем, что им помогают, что-то делают, ремонтируют, то нас этой помощью обошли. Несмотря на то, что я действую очень активно, обращаюсь в различные организации, пишу заявления, никто на мои призывы о помощи не отвечает.

“Гонимые дети в школе сидели на последних партах ”

После того, как мы сюда перебрались, я пошла учиться в 10-ую школу города Зугдиди. Мое мнение и желание и тут особенно не принимались в расчет. Решение было принято без меня, спонтанно. Поскольку школа территориально была расположена близко, меня отправили учиться туда. Ситуация в школе была очень хорошей. Я говорю это безо всякого приукрашивания.

Когда друзья рассказывали мне иные истории, я удивлялась. Человек вообще так устроен: то, что сам не испытал, кажется ему странным. Однажды я поехала в Самтредиа к своему дяде. Там я встретилась с девочками, которые вместе с другими гонимыми семьями жили в санатории. Однажды мы собрались за чашечкой кофе и стали вспоминать, кто как уехал из Абхазии, как освоился в новых обстоятельствах, свылся с местной средой. Я очень хорошо охарактеризовала Зугдиди. Они, кстати, удивились, им почему-то казалось, что к этому городу привыкнуть непросто. Оказалось, наоборот: в Самтредиа в

этом смысле ситуация была хуже. Гонимые дети в школах сидели на последних партах. Может сейчас это не имеет существенного значения, но дети воспринимают это очень остро. «Подобным отношением к гонимым они подчеркивали, что мы во всем на последнем месте», – сказали мне девочки.

Девочки рассказали, что друзья высмеивали их, потому что они были гонимыми из Абхазии. Ровесники часто говорили им, мол у вас ни кола, ни двора. Многие гонимые дети из-за подобного отношения перестали ходить в школу.

Когда я рассказываю, что мне было легко проходить период изгнания, я думаю, что это и хорошо, и плохо. Кто-то послушает меня и подумает, что я выражаю самодовольство. А я действительно привыкла, устроилась и чувствую себя хорошо. Я самый важный период провела здесь. В тринадцать лет начинается взрослая жизнь, до тринадцати лет продолжается детство. Свою взрослую жизнь я начала здесь, вдали от Абхазии. Может, кому-то неприятно слышать, но я чувствую себя хорошо без Абхазии.

Я смотрю на эти события и с другой стороны. К примеру, один из моих друзей и сегодня переживает, что живет здесь и не может поехать в Абхазию. По его словам, чувство недовольства подпитывает его способность бороться. Такое видение, отличное от моего собственного, заставило меня задуматься...

Конечно, и у меня в жизни бывали моменты, когда я думала о том, что хорошо было бы мне не быть гонимой. Наверное, жизнь пошла бы совсем по-другому, и наверное, в лучшую сторону. Нам не пришлось бы начинать жизнь заново, с нуля. Жизнь, которую мы стараемся обустроить и по сей день.

“Когда мы уезжали, я взяла с собой фотографии...”

Я помню все о периоде жизни в Абхазии. Особенно хорошо помню своих школьных друзей, даже детсадовских друзей. Однажды, когда я была в Тбилиси, подруга пригласила меня на день рождения. Напротив меня сидел один мальчик. Смотрю на него и думаю, откуда я его знаю, и вдруг вспомнила: это мой детсадовский друг. Когда мы уезжали, я взяла с собой фотографии, и это помогало мне узнавать людей. Я спросила того мальчика, не Дато ли его зовут: я помню все имена и фамилии, глядя на фото, могу

всех перечислить. Он говорит: да, Дато. Он меня не узнал. Я сказала ему, кто я такая, и тогда он меня узнал. Короче, обнялись мы с ним и совсем позабыли, что мы на дне рождения. Какие у нас могли быть воспоминания со времен детского сада? Но мы все-таки нашли, что вспомнить, хотя бы то, как мы вместе пели и танцевали.

“...занимаюсь любимым делом...”

Сегодня я занимаюсь своим любимым делом, работаю на радио «Атинати». Я ведущая музыкальной программы, и мне очень приятно, что меня слушают столько людей. Несмотря на то, что я не коренная жительница Зугдиди, мои имя и фамилию люди все-таки знают и помнят.

Часто, когда мне пишут из Абхазии, в письмах чувствуется особое тепло. Я всегда говорю, что я родом из Абхазии, и чувствую, что на абхазских слушателей это действует очень положительно, они всегда напоминают о себе в письмах и звонках.

Вчера я была в гостях, за столом. Там был гость из Абхазии. Он, оказывается прочитал мое интервью, опубликованное в газете, и узнал меня по фотографии. Он сказал: я горжусь вами и всегда вас слушаю. Мне это было так приятно, я чуть не захлопала.

Я поразились, когда однажды мне позвонили из Гудаута. Этого человека, как сейчас помню, звали Хасик Чачба. По акценту было явно понятно, что он абхазец. Он говорил по-русски. Он сказал: я вас, грузин, люблю по сей день, всегда слушаю ваше радио. Я желаю вам, чтобы вы скоро вернулись. Когда я сказала ему, что я из Абхазии, он ответил: желаю тебе вернуться в твой дом. Я была восхищена и всем это рассказывала – мол, мне абхазец звонил.

“Вернусь с большим удовольствием”

Там где я жила, не осталось никого из наших. Хотя в **Гальском районе** живут мои бабушка, бабушка, дядя. Но я ни разу не решилась туда поехать. Моя сестра, мой брат, отец с матерью там побывали. А я оказалась трусихой. Хотя меня очень интересует, как там.

Если появится возможность, я с удовольствием вернусь. Я думаю, распределю время так, чтобы быть и там, и здесь. Во всяком случае, мне кажется, что смогу так сделать. Но, честно говоря, я не очень верю в возвращение. Если оно произойдет, то снова через войну. То, что было потеряно в ходе войны, должно быть возвращено войной же. Как можно вернуть все мирным путем? Не знаю, не могу себе представить.

Но допустим, начнется возвращение и допустим, мы вернемся. Я заранее знаю, какая там окажется ситуация. Хаос и неразбериха. Мы, фактически, должны будем начать жизнь с нуля. Даже не знаю, как мы будем там жить в самом начале. Наверное, нужно сначала подготовить почву. А потом возвращаться.

“...комплекс гонимого”

Мои ровесники и друзья на самом деле страдают от «комплекса гонимого». Проблема в том, что у нас нет домов, нам стыдно приглашать гостей в те условия, в которых мы живем. Но я вспоминаю замечательный рассказ Реваза Инашвили: девушка и юноша влюблены друг в друга. Девушка нуждается, а юноша - из богатой семьи. Юноша хочет, чтобы девушка пригласила его к себе в гости. Но девушка не может этого сделать, поскольку домашняя ситуация не позволяет. Юноша спрашивает, когда я могу познакомиться с твоими родителями? Но девушка всегда воздерживается от приглашения. Юноша бросил девушку, когда узнал причину такого ее

поведения. Он сказал ей: я не представлял себе, что ты думаешь о таких вещах. Оказывается, ты совсем другой человек...

Я всегда успокаиваю себя такими вот вещами и смотрю на подобные ситуации, так сказать, свысока. Человек, которого я люблю, поймет меня, и у меня, соответственно, не будет «комплекса гонимого». Я, наверное, не смогу полюбить человека, с которым я буду комплексовать по поводу моего положения. Пока что такой ситуации у меня не было. Между прочим, я и друзей смело зову к себе домой. Наверное, потому, что друзья у меня такие.

За то, что я так думаю, я, наверное, должна быть благодарна и своей работе - без нее я была бы совсем другой. Успех в моей жизни - это большой плюс. На меня обращают внимание, а когда обращают внимание, у тебя не появляется унижающих твоё достоинство комплексов.

“Конфликт очень повлиял на нашу семью”

Не могу сказать, что дома у нас идеальная ситуация. Конфликт очень повлиял на нашу семью. Моя мама в Москве, на заработках. Отец физически не может содержать семью. Брат в армии, в спецназе, сестра учится в Тбилиси, а я здесь.

Мама не приезжала из России 3 года. Она нас к себе забирает по очереди. Недавно была моя очередь, но тут закрыли дорогу. Если откроют дорогу, поеду. Но у визы уже срок прошел. Мой брат сейчас в армии, потом он едет в Германию, на подготовку, а оттуда - в Ирак. Он, кстати, принял это решение, не спросив у семьи. Пришел однажды и объявил, что едет в Ирак, что уже подписал контракт. Мой двоюродный брат пытался его отговорить, но брат твердо стоит на своем. Причина принятия такого решения - финансовые трудности, которые испытывает наша семья. В Ираке брат будет служить в составе ми-

ротворческих войск. Зарплата приблизительно 700 или 1 000 долларов в месяц. Здесь он нигде не смог найти работу, поэтому он и выбрал этот путь. Когда государство не обращает на тебя внимание, ты вынужден рисковать, чтобы выжить.

Сейчас идет процесс выселения гонимых из компактных центров. Подчас это происходит с применением силы, что отвратительно и немногим отличается от поведения абхазцев и русских. Наше правительство делает с нами сегодня то же самое, что в свое время сделали русские. Нашей семье выселение пока не угрожает, но мы этого постоянно ждем. Постоянно находимся в напряжении и неизвестности...

Зураб

16 лет. Зураб¹ живет в одной из деревень **Гальского района**. Он ученик десятого класса. Зураб вспоминает, как во время второй эскалации **конфликта** он вместе с со своей семьей временно перебрался в Зугдиди и как вернулся назад в свой родной уголок, где был только сожженный дом да уцелевший гараж. В своей истории он рассказывает, как помогает отцу, как они трудятся физически, поскольку работа на земле дает единственное средство к существованию. Зураб с болью в сердце говорит о том, что из-за тяжелого физического труда у него не хватает времени на учебу.

История была записана на **грузинском** языке.

«...я готовился к школе, ...когда началась война»

Первое изгнание я совсем не помню, потому что в 1993 году мне было 2 года.

Во время **«майских событий»**, второй эскалации конфликта я жил здесь, в Абхазии и помню все смутно. Война началась в 1998 году. Помню тот день... Я готовился к школе, собирался пойти в первый класс. На мне была сорочка, галстук и куртка на плечи накинута. Брюк я одеть не успел. Началась стрельба. Моя мама выгоняла скот со двора. Вдруг соседка закричала: людей гонят, людей гонят. Я все слышал. Прибежала мама, и пошло все вверх дном... Мы кидали в сумки одежду, документы, деньги, все, что у нас было. Запихали все это и стали будить мою сестру, она спала. Пришли соседи. Мы за это время разбудили сестру. Я думал, что мы пойдем все вместе – я, сестра и родители. Но получилось так, что я ушел с соседями.

Я все оглядывался – родителей нигде не было видно. Родители вышли и стали искать меня, звать меня, они думали, что со мной что-то слу-

чилось. Я ответил, мол, я тут. И соседи сказали, что я тут. Мы перебирались через соседский забор, и партизаны сказали родителям, чтобы они вели себя тихо и не произносили ни звука, потому что нельзя. Спустя какое-то время родители пришли за мной. По кустам, ползком мы добрались до центра деревни, где стояли русские миротворцы. Русские миротворцы приняли нас, кто-то принес нам стулья, кто-то – воду.

Поскольку убегая, мы не смогли взять с собой много вещей, отец решил отправиться за оставшимися вещами домой. Сосед повез его на своем автобусе. Только они уехали, как до нас дошли слухи, что автобус взорвался. Мама стала кричать. Мы с сестрой ее успокаивали: тише, тише, не кричи, стыдно. Потом оказалось, что взорвался какой-то другой автобус. Отец вернулся. На свитере у него была большая дырка. На нем было пять свитеров, или четыре. Оказывается, в него попал осколок, удар перевернул его в воздухе три раза, и отец упал в канаву... Но выжил...

“Мы спаслись...”

Мы спаслись... Потом сосед на автобусе отвез нас в Зугдиди. Отец остался в Абхазии. А мы с мамой и сестрой оказались в Зугдиди. Там мы пошли к нашему бывшему соседу - он парикмахером работал на зугдидском вокзале. Он жил в Читацкари², у него там была комната в здании бывшего детского сада, предоставленного гонимым в качестве жилья. На нас была рваная, распоротая одежда – мы ведь пробирались по местам, заросшим деревьями и колючими кустарниками. В здании бывшего детского сада мы прожили месяца два. Потом за нами приехала тетья с мужем и забрала нас с собой. У нее был двухэтажный дом, и она уступила нам одну комнату.

На грузовую машину мы сели сами, погрузили свои вещи, а также солому, сено и скотину, которую отец перегнал.

Стали жить у тети, четверо в одной комнате. Я пошел в первый класс.

В Гали у отца был шифер – офис ООН раздавал его на ремонт крыш пострадавших домов. Отец продал шифер, купил машину, «Москвич», и стал работать на такси в Зугдиди. Но все его мысли были об Абхазии – он очень переживал за свое хозяйство, которое осталось там.

В зугдидской школе учителя относились к нам с большим теплом. Особенно моя учительница. Я помню ее хорошо, потому что очень ее любил. У меня были хорошие друзья.

Когда я закончил первый класс, семья решила вернуться в Абхазию. Мы соскучились по нашей деревне. У нас там были орехи посажены - мы думали, будет урожай. Думали, будем выращивать кукурузу. Ну вот, потому и вернулись. Надоело нам жить там, в Зугдиди. Наша деревня все равно лучше...

Когда мы вернулись, оказалось, из всех бывших соседей осталось только два. Один ребенок, остальные пожилые. Этот ребенок сразу прибежал, обрадовался, что появился новый сосед. А я был не новый, я был «старый» сосед, просто он меня не помнил.

У меня были проблемы с языком. Я забыл **мегрельский** и вспоминал его постепенно. Когда я приехал в Зугдиди, я, наоборот, не знал грузинского, и за год выучил его. Теперь пришлось заново учить мегрельский. Теперь я знаю оба языка.

“...живем в гараже”

Наш дом сгорел. Остался только гараж, который построил мой дедушка. Мы и сейчас

живем в гараже. Что делать, построить дом у нас нет возможности. Отец работает, я ему помогаю, деньги посылаем моей сестре. Она учится в Тбилиси, в университете.

Когда мы вернулись, в Абхазии стояли русские миротворцы. О них много всякого говорят. Но среди них есть и порядочные, и хорошие люди. Отец дружил с одним из них, да и у меня есть несколько хороших друзей из их числа. Они нам помогали, когда нам было нечего есть. Когда мы вернулись, у нас не было еды, и они дали нам кильку, тушенку, хлеб, дали банки для варенья и джема...

Такси, на котором отец работал в Зугдиди, мы продали. Гараж разделили пополам, сделали две комнаты. Одну комнату уступили мне, а во второй живут родители.

Жить в гараже трудно. Зимой холодно и очень сыро, грязно – из-за этого обои сгнили. Летом жарко. До стен невозможно дотронуться, так они раскалены. Мне стыдно так говорить о своем доме, но что делать, такова жизнь.

“... постоянно жить в таком стрессе...”

Теперь мы хотя бы открываем двери в жару. Раньше мы боялись это делать. Грабежи были. Один раз нас хотели ограбить. Мы открыли дверь. Стали кричать. Все вместе кричали. В один голос. Тогда они стали стрелять. Одна пуля попала в дверь гаража и прошла насквозь, вышла с другой стороны. Хорошо, что это был АКС³. Если бы это был АКМ⁴, кто-то из нашей семьи бы погиб. Мы выжили. Потом прибежали соседи. Потом меня и сестричку отправили к тете. Отец с матерью подумали, что мы, дети, можем испугаться, если грабители придут снова.

Это непросто – постоянно жить в таком стрессе

и по ночам бояться грабителей.

“ Пешком приходилось проходить ... восемь-девять километров ”

В нашей деревне школы не было. Школа была в другой деревне, и мы ходили туда. Пешком приходилось проходить где-то восемь-девять километров. Я, моя сестра и еще несколько детей, всего около восьми человек, шли вместе. Идти по отдельности мы боялись, но если мы шли в школу все вместе, тогда было не так страшно. Я был самым маленьким, второклассником. Были четвероклассники, шестиклассники и старшекласники. Где-то до восьмого класса мы так и ходили. Второго класса в той школе не было, у нас были объединенные уроки с первым классом. У второго и первого класса была одна учительница.

Потом школа открылась и у нас. Сначала она располагалась в доме одного из жителей, и до этого дома нужно было идти километра три. Позже школу перенесли ближе к центру, в здание сельсовета. Там я проучился четвертый-пятый класс. А во втором семестре пятого класса школа перешла в здание, в котором она находилась раньше.

Сейчас я хожу в школу, очень доволен, но с учебой не все гладко. Мне нужно много работать, ведь у моего отца, кроме меня, помощника нет. Сестре некогда, она учится в университете. А я помогаю отцу. Если не очень устаю, берусь за книги. Но, бывает, я очень устаю, хочу спать или у меня что-нибудь болит – что тогда поделаешь, тогда не до уроков... Моя жизнь, условия, в которых я живу, не способствуют учебе.

“Трудиться не стыдно”

Хочу признаться: я помогаю отцу работать на земле. Крестьянину делать это не стыдно.

3 автоматическое огнестрельное оружие
4 автоматическое огнестрельное оружие

Трудиться не стыдно, и мотыгу в руках держать не стыдно. Мотыга, топор, лопата, коса – что попадет в руки, тем и работаю. Это богатому или тому, кто в городе живет, стыдно ковыряться в земле. Люди такого типа скажут про меня: этот ребенок крестьянин... Но мы за счет этого живем...

В школе недавно сделали стадион. Не знаю, ООН или неправительственная организация дали директору школы 2000 лари. Директор на эти деньги купил цемент, трубы, сетку, дал деньги трактору за доставку щебня. Мы установили сетку высотой четыре-пять метров, чтобы мяч не выскакивал за пределы поля. Директор заплатил рабочим. Мы, дети, с удовольствием им помогли, и сделали стадион. Сейчас у нас есть стадион. Летом проводятся соревнования: по волейболу, баскетболу, футболу и настольному теннису. Мы соревнуемся с соседними деревнями. Наша команда была даже в Сухуми, но я не поехал.

В деревне нас всего трое мальчиков [моего возраста], девочек моего возраста двое. В классе восемь мальчиков и семь девочек. Некоторые приходят из других деревень. В свободное время играем на стадионе. Иногда девочки тоже выходят, так и развлекаемся.

Половина гонимых не вернулась, но соседей достаточно. Сейчас летом многие приезжают, мы знакомимся друг с другом. Так и живет наша молодежь.

“Ярму... предпочитаю учебу”

По окончании школы у меня есть планы. В первую очередь, хочу поступить в вуз, если удастся. Если не попаду в университет, постараюсь поступить хотя бы в колледж. Я выбрал юридический, но отец настаивал на стоматологическом, и я тоже так решил. Моя сестра учится на стомато-

логическом. Отец говорит: вместе будете зарабатывать, немного и в семью внесете.

Я мечтаю о путешествии. Например, хочу поехать в Америку, чтобы увидеть любимых актеров. Мой любимый актер – Джеки Чан. Я обожаю его, потому что он снимает смешные фильмы. Когда показывают, я все время смеюсь. Еще люблю ставить спектакли, у меня это хорошо получается. В школе у нас бывают мероприятия. Я во многих мероприятиях принимал участие.

В нижней зоне у нас нет компьютеров. Для нас компьютер – это игровые приставки Денди и Сони, но они не для учебы.

В школе нам раздают часть учебников, а остальные мы должны покупать. У нас также есть библиотека, но там книги можно выносить на определенное время. Не знаю как другим, но мне не хватает недели на одну книгу. Это довольно толстые книги, и мне не хватает времени, потому что у меня много работы. Тут работа, а там школьные занятия, и на чтение книг у меня не остается времени.

В музыкальной школе обучают только игре на пианино. Еще учат танцам, педагог – из местных... Я не особенно люблю грузинский и аджарский танец. Мне больше нравится реп. Мы с ребятами танцуем реп во время школьных мероприятий.

«Здания... разрушены»

Кроме спортивной площадки, у нас нет никаких других развлечений. Не знаю, чем можно заниматься в деревне. Здания все разрушены. Чтобы все восстановить, нужны большие деньги. Такие деньги в нашу деревню не поступают. Населению помогает какая-то неправительственная организация. Например, сейчас фрукты и орехи уничтожает гусеница (так называемая «амери-

канская бабочка»), так они раздали лекарство. Ранее они раздали мотыги, лопаты, целлофан, аппараты для опрыскивания. Но сейчас помощь прекратилась.

Абхазцы приходят в нашу деревню. Порядочных людей абхазцы не трогают. Вот грабителей и воров ловят, половину уже переловили.

Сейчас мне надо делать документы, но я скрываю возраст. Потому что если ты взрослый, тебя могут забрать в армию. Вон из соседней деревни 17-18 летних детей забрали в армию, и они служат. Не хочу, чтобы и со мной тоже самое произошло. Я пока не хочу в армию, потому что никто не знает, что тут, в Абхазии, будет. Я еще не уверен в себе. Не умею обращаться с оружием. Я никогда не держал оружия в руках. Да оно мне и не понадобится, если я не пойду служить в армию. В армию пойду после того, как мне исполнится 19-20 лет. А до того времени постараюсь скрываться от абхазцев и воздержаться от службы в армии.

Тамара

88-летняя Тамара¹ сейчас живет одна в зоне конфликта, в деревне Ху-мушкури **Гальского района**. Ее дочь и внук находятся в Москве, и с ними она почти не видится. По словам Тамары, в результате **конфликта в Абхазии** вся деревня опустела, и у нее нет даже соседей. Жить в таких условиях одинокой пожилой женщине непросто, тем более, что ее физическое состояние довольно тяжелое. До начала конфликта Тамара жила в той же деревне, только в другом месте, откуда, в силу сложившихся обстоятельств, была вынуждена уйти. Во время конфликта ее дом сожгли несколько раз. И каждый раз она строила дом заново. В истории Тамары содержатся воспоминания о войне, о семье, а также о сегодняшней жизни в Абхазии.

История была записана на **мегрельском** языке. На **грузинский** язык история была переведена во время расшифровки записи.

“Моя жизнь, моя трудная жизнь”

Ох, трудная у меня жизнь, с самого детства трудная. Отца выслали как троцкиста, когда мы были маленькими. Мы его потеряли. Пятеро нас осталось у мамы. Так или иначе, закончили мы школу. После школы мама устроила меня в институт в Тбилиси. Институт я закончила с отличием, потом вернулась в Абхазию. Когда я приехала, здесь немного было людей с образованием, поэтому я с легкостью устроилась на работу и работала сразу в пяти местах. Жизнь шла своим чередом. Была я хозяйкой своей судьбы. В свое время в ней появился человек, за которого я вышла замуж.

“Я настояла на разводе”

Родила я одного ребенка, потом второго... Однако муж мой оказался плохим семьянином, пьяницей... Он очень хорошо зарабатывал, но

о семье не заботился... Терпела я это – терпела, а потом пошла я в суд, подала иск, потребовала развод и взяла воспитание своих детей на себя.... Остались мы с детьми. Я работала в нескольких местах, деньги у меня были – и обеспечивала свою семью...

А сегодня вот в каком положении я оказалась. Вырастила сына, воспитала, он стал работать... Но наступило это беспокойное время, началась война – и сын погиб. Сын мой, кормилец мой, в земле лежит, а я жива, хожу по земле и по сыну своему убиваюсь...

Что же эта война проклятая натворила! Какая на нас вина? Бог свидетель, я ни в чем не виновата – а пострадала больше всех в деревне. И сына потеряла, и все свое имущество. Восемь комнат у меня было, все восемь – полны добра. Я всю жизнь мучалась, работала, дом строила. А на старости лет ничего у меня не осталось, ниче-

го... Что-то люди унесли, ограбили меня. Что-то огонь сожрал, когда мой дом подожгли... Я думала: вот умру и положить меня будет негде. У детей моего деверя дома не было, у меня дома не было, так где меня положат? И поэтому стала я строить второй дом.

“Врагу не пожелаешь пережить то, что здесь было”

Врагу не пожелаешь пережить то, что здесь было во время войны. Со мной в доме тогда жили мои племянники и зять из Очамчире. Абхазцы добрались до Репа. Вся деревня полыхала, она вся

сгорела, все вокруг было разрушено... Огонь бушевал повсюду, шифер на крышах лопался, стоял страшный шум... Это был ужас, ужас...

Когда абхазцы сожгли деревню, мы прятались в лесу, где-то там, в Боквети: я, моя дочь со своим мужем и ребенком... Мой зять подхватил дочку и побежал... Мы побежали за ним. Вдруг ребенок откинул голову. Я думала, ее убили. Я стала кричать, моя дочка тоже это увидела. Кричим мы обе и бежим. Потом оказалось, что ребенок жив. Но пока мы это выяснили, сами чуть не умерли...

Мы бежали по воде и по колючим кустарникам. Наконец, остановились в лесу, насквозь мокрые. Кто знает, сколько мы там просидели? Пока не стемнело, пока не прекратилась стрельба, пока эти люди не ушли, мы сидели в лесу. Кто не был здесь тогда, кто не видел всего это сам, тот никогда не поймет, что здесь происходило...

“Хоть бы... выстрелили и убили”

Когда мы прятались, абхазцы поймали двух братьев - десятиклассников из Квемо Баргеби и повели в лес... Хоть бы сразу выстрелили и убили этих несчастных! Так нет, они сначала пытали их. Кастрировали одного брата. Ребенок вопил и просил брата о помощи... А тот ему: как мне тебе помочь, я в худшем положении. И его кастрировали. Потом обоих убили. Зачем они это сделали? Это же садизм. Конечно, садизм...

На двух других братьев, словно на быков, надели ярмо, заставили тащить груз несколько километров, потом обоих убили и выбросили в воду. Кто опишет все, что тут творилось? Кто знает, сколько таких историй тут происходило...

“Слышала, как клочотала моя кровь”

Когда абхазцы пришли в мой дом первый раз, то бросились наверх... Там все уничтожили, забрали разложенную на втором этаже одежду покойного, забрали еду и спустились вниз: «Накорми нас!» «Давайте, заходите», - говорю им. Они зашли, я вынесла им еду и питье... Они наелись, напились... Я принесла им копченый сыр. Слышу, один другому говорит по-абхазски: «Ты видел, откуда она это вынесла?» Второй отвечает: «Не знаю, не заметил». А первый ему: «Какой ты дурак, почему не обратил внимание!» Я всю жизнь прожила в Абхазии и понимаю этот язык: «Давайте пойдем, я покажу, нечего ругаться». Повела я их туда, где у меня был спрятан сыр и

сказала: «Вот, забирайте». Оказывается, чтобы забрать сыр, им был нужен рюкзак. Я говорю: «У меня ничего такого нет, пожалуйста, возьмите мешок». Они взбесились: как это я им отказала. Я сказала: «У меня нету в семье боевиков, зачем же мне вещмешок?» За то, что я стала с ними пререкаться, они и решили меня проучить. Один из тех молодых абхазцев выстрелил в меня. Да видно, плохой он был стрелок. С такого близкого расстояния он только ранил меня.

Моя дочка, ее муж и дети в это время прятались в лесу... А я валялась тут, раненая, между домом и летней кухней... Сверху доносился шум: они выносили из дому вещи... Сил у меня не было. Когда упала, ноги у меня отнялись... Я слышала, как клочотала моя кровь, слышала, но сил не было, я и валялась там. Эти спустились, и один позвал другого, мол, иди сюда. Тот пришел. Они меня взяли за руки с двух сторон и втащили в дом.

“Все пылало в огне”

Какой у них был план, я не знаю. В комнате стояла маленькая тахта, они бросили меня на нее... Я ничего не могла сделать, я обессилела от потери крови, теряла сознание. Не знаю, как скоро они ушли... Оказывается, они подожгли дом... Я увидела какой-то всполох, и это привело меня в чувство. Смотрю, огонь полыхает, всюду: и наверху, и внизу... Я подумала в душе: меня сжигают заживо, но шевельнуться не могла. С большим трудом опустила одну ногу, потом... приподняла голову... Я думала выбраться наружу... Но не могла собраться с силами!

Сидела на одном месте и плакала. В это время что-то свалилось на стол со страшным шумом... Я еле легла на пол и поползла, поползла как змея... Ползу, ползу, а в это время все рушится, и дом целиком оказывается в пламени. С трудом добралась до балкона... Потом оказалась во

дворе. Во дворе стояло большое грушевое дерево, я доползла до него... Силы меня оставили, мне стало плохо. Подумала, буду здесь валяться, но огонь пошел в мою сторону... Я сумела встать на колени... Обняла дерево, чтобы немного передохнуть... немного отдохнула, перевела дух.

“Выбраться оттуда было каким-то адом”

В это время все вокруг раскалилось... Я видела, как огонь подбирается ко мне... Я сделала усилие... Встала на ноги и прислонилась к дереву. Подумала, немногу прииду в себя и как-нибудь доберусь до хлева... Отдохнула я достаточно и пошла. Пошла по инерции и стукнулась об дверь, снесла ее и вошла в хлев... В кормушке у меня была приготовлена еда для скота, и я туда легла. Лежу и думаю: зайдут сюда и сожгут меня здесь... Выбраться оттуда было сущим адом...

Через какое-то время смотрю – столб стоит неподалеку. Но как до этого столба добраться! С трудом выбралась я из кормушки и доползла до столба... Обняла его руками... Отдохнула немного и пошла в сторону дома моего деверя, прислонилась к воротам... Он увидел меня и закричал. Пришел ко мне, несчастный, втащил меня и положил на балконе. Так я выбралась...

В это время мои дочка, зять и внуки прятались в лесу, нашли там какую-то трубу и залезли в нее. Моя дочка думала, что все кончено, что всех их поубивают, всех четверых, но милостью Божьей они спаслись. Когда солдаты бежали в том направлении, где они находились, они не увидели моих, перебежали мост и скрылись. Вернулись моя дочка, ее муж и дети домой, а дома нет, все сгорело, а я умираю...

“Восемь дней я истекала кровью”

Я была серьезно ранена, нужна была помощь, но до Зугдиди добраться было невозможно. Никто

не мог нам помочь: все боялись.. Восемь дней я истекала кровью, без лекарств, живот раздулся... Я умирала, но помощи ниоткуда не было. К **Ингури** и близко было не подойти.

Единственной надеждой была машина зятя. Я спрятала машину в чайных кустах, сверху покидала чайные листья, и машины видно не было... Парни выбросили листья и вывели машину, но завести не смогли. Потом они привязали ее к буйволам, но буйволы не смогли даже тронуться с места... Был, кажется, девятый день... Меня положили на телегу, сверху посадили детей, зять вообще не садился, дочь то садилась, то шла пешком. С нами отправились еще несколько женщин из деревни. Повезли меня ночью в сторону Зугдиди. Потихоньку добрались мы до Ингури и перешли на ту сторону...

Там меня отвезли в больницу Читацкари и на следующий же день сделали операцию... Так разве ж операция могла помочь... Тот врач воткнул мне помеж ребер что-то вроде отвертки и шприцем доставал оттуда сгустившуюся кровь.

В мае дочка повезла меня в Москву. Там я три месяца пролежала в больнице, была подсоединена к аппаратам. Врач все удивлялся, как человек в таком состоянии мог выжить. Выписалась я из больницы и договорилась с врачом, что буду приходить на регулярный осмотр. Но я рвалась домой! Я видела, что там все превратилось в уголь. Но надеялась почему-то, что увижу свой дом. Такова человеческая природа.

“Все было уничтожено”

Я вернулась домой одна... По дороге, на ингурском мосту, повстречался мне журналист и спрашивает: зачем вы возвращаетесь, на что надеетесь? «На что надеюсь? Знаю, что и второй мой дом сожжен, но все равно иду... На этой стороне я жить не смогу». «А что», - говорит, - с вами там

плохо обращались?» «Да нет, кому я мешаю?» «А примут вас?» «Почему нет? Все, что со мной произошло, произошло не по моей вине. Так что не принять меня у них нет права». Абхазцы пропустили меня легко. Я попросила их, объяснила, что мне плохо, что я не могу долго стоять на ногах. Меня пропустили, и я добралась сюда.

Врагу не пожелаю увидеть то, что я увидела. Куда все исчезло? Осталось только место, где стоял дом, и все!

“Второй погром”

До **майских событий** я построила двухэтажный дом ... Красивый и аккуратный. Построила с помощью внуков, они из Москвы приехали, чтобы помочь... Но и там нас разгромили. В тот день дети убирали двор и выбрасывали мусор. Вдруг смотрю: за детьми следом идут вооруженные люди. Я чуть не упала. А мать детей – та вообще страшная трусиха – увидела и обмерла...

Зашли они к нам, мол, есть хотим. Попробуй не сделать того, что они требуют. Зарезали мы курицу, гоми поставили. Но на моей дочке лица не было от страха... Понял один из этих негодяев и говорит: «Чего боишься? Мы люди».

“Были среди них и хорошие”

Правда, были среди них и хорошие... Нельзя всех подряд ругать. Потому что и хорошие люди были. Приготовили мы им еду, посадили за стол. Они стали есть и позвали внука: «Ты здесь хозяин, сядь» и посадили с собой. Поели они, выпили. Как наелись, собрались уходить и тут увидели во дворе лошадь. Поймали лошадь и вознамерились ее увести. Эту лошадь вырастила моя внучка. Она как увидела, что лошадь уводят, стала плакать навзрыд. Я сказала им, мол, дети на этой лошади и телеге в школу ездят в Гали, раз в неделю, это их транспорт, и попросила не

отнимать лошадь. Один из них, который был за старшего, позвал остальных и сказал: «Отпусти-те!».

“ Все строю, никак не закончу строительство...”

Не смогла я больше оставаться в деревне, где я жила: днем абхазцы приходили, ночью - какие-то разбойники в масках. Ничего нам не оставляли, уносили все вещи до последней. Я подумала, они детей запугают до смерти, и мы ушли отсюда. Здесь, в Хумушкури, мы вначале некоторое время жили в доме наших близких. Для детей это место было лучше, школа была недалеко, и мы остались.

Потом я подумала: я, может, скоро умру, и эти дети останутся в чистом поле. И решила я построить дом. Бедный мой деверь нашел мне место. Привезли мы трактор из соседней деревни, расчистили место и огородили его. Построили мы дом. Такой хороший дом получился, я бы никогда другого себе не пожелала... И этот дом мне сжег абхазец...

После этого я сама сделала маленький дом из досок. Соседские парни сделали крышу, что-то я сама прибила. Все строю, никак не закончу строительство... Думала: «Это последний дом, который я строю в своей жизни, так сделаю-ка я его красивым». А получился совсем ужас. Не могу на него смотреть, сердце болит...

“После майских событий никто не вернулся”

После майских событий никто не вернулся... А что тут хорошего, зачем сюда возвращаться? Здесь к людям врываются в дома, бьют, убивают. Испугались люди и ушли. На той стороне они называются гонимыми. Так там они хоть кушают спокойно, никого не боясь. Там их не убьют.

Совсем недавно у меня украли пятилетнего быка, он тут стоял, у ворот. Еще лошади мои потерялись, две лошади сразу... Получается, я на кого-то работаю. Если не иметь корову, свиней, поросят, то как же жить? Что это за жизнь?

”Для наших людей здесь ничего нет”

Для наших людей здесь нет ничего хорошего. Но идти нам больше некуда, поэтому и живем здесь.

Приходится платить очень много налогов. Ежегодно каждая семья должна сдавать абхазцам сто килограмм орехов. Мы должны собрать орехи, очистить их – и отдать... Если урожая нет, тогда орехи нужно купить и отдать. Мы также должны сдавать кукурузу... Правда, у меня два года налоги не забирали, никто не приходил, потому что я не могу больше работать на земле...

Сейчас вооруженные абхазцы нечасто тут бывают. Абхазцы... абхазцы... – нельзя все сваливать на абхазцев, наши иногда делают вещи и похуже.

Я все время сижу дома и никуда не хожу... Поэтому знаю все понаслышке... Говорят, в соседней деревне люди платят налоги поменьше, потому что у них хороший гамгебели. А наш гамгебели сам руки на нас нагревает, себе присваивает... И ничего ему сказать не можешь. Шкуру спустит...

“...испорченные люди”

В деревне, где я раньше жила, я собирала пятьсот килограмм орех. Внук собирал, я уже ни на что не способна. Если хороший урожай – то и тысячу килограмм собирали. В прошлом году мне оттуда пятьдесят кило принесли. Другие люди собрали мои орехи, часть отдали абхазцам, другую же часть себе забрали... А пятьдесят кило

мне принесли и высыпали тут, стыдно им стало, а то и эти пятьдесят кило бы не принесли.

Больше не могу... Все у нас забирают... На что жить? На что, например, дрова покупать? В этом году я вообще не топила, не сожгла ни одного полена. Некому мне было заготовить дрова, и платить нечем...

Где деревня? Никого нет, как я вижу. Где народ? Где люди? Вообще нет людей. Наши себя тоже плохо ведут. Никто никого не жалеет... Эх, раньше здесь такие парни жили – каждый похож на Тариэла из «Витязя в тигровой шкуре», их боялись и уважали. Сейчас их нет, вот без них все и пошло наперекосяк. Все уничтожают! Нельзя, как можно! Даже школы нет... Школу тоже разрушили, собрали то, что можно было сжечь, унесли по домам и сожгли.

“...не должна эта страна просто так исчезнуть”

Не знаю, что будет... Но не должна эта страна просто так исчезнуть. Неужели так и не найдется кого-то, кто о ней позаботится? Вот, вижу, что творится в Тбилиси, какие противники у Саакашвили. В его руках Тбилиси похорошел, сейчас этот город стал похож на столицу. Не может же он сделать все сразу. Народ должен ему помогать. А то один в одну сторону тянет, другой – в другую, так ничего не получится...

„Так и живу, как потерянная“

Вот так и живу, как потерянная, живу и мучаюсь. Проблемы со здоровьем все чаще дают о себе знать. Иногда мне становится плохо, вон в тот день упала во дворе. Шел дождь, все вокруг бушевало, а я встать не могла... Так до вечера и пролежала, насквозь промокшая, продрогшая, пока сосед не проехал мимо на лошади. На мой крик он прибежал, поднял меня, втащил в дом

и положил там... Сколько мне еще так мучиться?
Я много чего пробовала, но ничего у меня не
вышло. Если только руки на себя наложить... Но
не могу я этого сделать! Как подумаю, как буду
висеть у всех на виду... С потолка все осыпется,
одежда спадет... Стыдно!

Екатерина

Екатерине Губиевой 27 лет. К моменту начала **конфликта в Южной Осетии** она была ребенком. Поэтому ее воспоминания о событиях тех лет изобилуют эмоциями, которые могут быть только у «детей войны» - яркие и очень печальные... Екатерина рассказывает трагическую историю своей матери, которой пришлось выбираться из зоны конфликта одной, с тремя детьми на руках, и своего отца, которому за несколько дней перехода по горам из Южной Осетии довелось прожить целую жизнь и выжить, несмотря ни на что. В этот период ему, осетину, довелось встретиться с человеком (грузином по национальности), который стал ему почти братом, протянув руку помощи в самый страшный момент.

История была записана на русском языке.

«Жили мы дружно, весело, большой семьей»

Меня зовут Екатерина Губиева. Мама у меня русская, поэтому имя у меня тоже русское, в честь бабушки. Отца звали Захар. С мамой он познакомился в России. Он когда-то ездил туда на заработки. Привез ее оттуда в наше село, в Арцеви¹. У меня есть еще брат и сестра. Старшая сестра родилась в России, а мы с братом в Арцеви. Жили мы дружно, весело, большой семьей. У отца было еще пятеро братьев и сестер. Дом у нас был тоже большой. Мы держали скотину и птицу. Детство провели хорошее, счастливое... Самым любимым занятием у нас было ходить в лес, за земляникой. Еще я очень любила помогать собирать сено.

Мама, когда приехала в Южную Осетию, освоилась быстро. Потому что жизнь тогда была тихая, спокойная. Она устроилась на работу по специальности, работала в сельской амбулатории. А еще она отлично вела домашнее хозяйство. Поскольку в России мама жила тоже в селе, особой разницы она не ощутила, приехав сюда. Тем более, что народ у нас доброжелательный.

Арцеви подразделялось на осетинскую и грузинскую части, на две половины.

Дети дружили между собой, в принципе, и взрослые,

конечно, дружили...

«Наши планы рухнули в одночасье»

Мы росли. Нашим родителям надо было думать о будущем, о нашем образовании. Так как отец работал в городе, на строительстве, он решил встать в очередь на получение квартиры в Цхинвали. Вся семья с нетерпением ждала, когда мы получим квартиру и переедем жить в город. Особенно мы, дети. Мы хотели, как все дети, ходить в кинотеатры, в парки, кататься на каруселях. Но наши планы в одночасье рухнули. Началась самая настоящая война. Война, а не как это сейчас принято называть, осетино-грузинский конфликт. На наших глазах сожгли нашу деревню. Мы спрятались в лесу, видели, как горел наш дом и дом родителей моего отца. Мы были с мамой. Отец в тот момент был на работе, в городе. Мама приняла решение, как и все остальные, идти в Цхинвали через горы.

Брат мой был тогда совсем маленький. Мама несла его на руках, а мы держались сзади за ее подол, чтобы не потеряться. Шли через лес, была зима. Было очень жутко и страшно. Мы не понимали, что нас ждет впереди: куда идем, зачем идем, почему нету нашего дома? Когда мама устала нести нашего брата, она сняла платок, обмотала его вокруг груди, по-

ложила туда брата и пошла дальше... Потом, кажется, мы пришли к родственникам моего отца. Я не помню, я все-таки маленькая была. Отца нигде не могли найти. Я помню, мама бегала, искала, но его с нами не было. Как рассказывает мама, мы ничего не знали об отце около трех месяцев...

Потом мама выяснила, что его арестовала грузинская полиция, которая в первый день войны заняла город - отец оказался в тюрьме в Тбилиси. Мама пыталась как-то связаться с ним, выволить его из тюрьмы, но безрезультатно. Но, наверное, Бог помог нам. В Цхинвали мама познакомилась с грузинкой, у которой тоже муж был осетин, а отец работал в Тбилиси. Очень высокообразованный, интеллигентный человек. Мама через свою новую подругу обратилась к нему, тот в свою очередь обратился с прошением в Министерство внутренних дел Грузии. Там приняли решение освободить моего отца. Как говорится - мир не без добрых людей.

«...мир не без добрых людей!»

Отца-то освободили, но знали бы вы, как он добирался до нас! Когда его выпустили, он был без документов, весь избитый, с переломанными ребрами, раздетый. Естественно, ехать в Цхинвал напрямую, через грузинские города и села, он побоялся и решил добираться, так же как и мы, через горы. Как впоследствии рассказывал отец, он задался целью добраться до Казбеги по Военно-Грузинской дороге. Оттуда, через горы пролегал узкая тропа, которая спускалась, к селу Кевселт, кажется. Это уже Южная Осетия.

Как рассказывал отец, он добрался до окраины Тбилиси. По-моему, до Натахтари. Там развилка: одна дорога ведет в сторону Юга Осетии, а другая - в сторону Северной Осетии, в сторону Владикавказа, через Пасанаури, Коби, Казбеги. На этой развилке отец пытался остановить попутные машины, но без толку. Только под вечер ему повезло, машину остановил мужчина и согласился подвезти. Водитель оказался словоохотливым. Они с отцом разговорились. Отец рассказал ему, в какую ситуацию он попал. Водитель грузин был, а вот мать у него оказалась осетинкой. Еще раз повторюсь - мир не без добрых людей! Он вошел в положение моего отца, и развернув машину, поехал в сторону своего дома.

Этого доброго человека звали Сандро. Он привез отца к себе домой. Накормил. Обогрел. Дал помыться. Потом туго перевязал ему грудь - у отца ведь ребра были сломаны. Уложил спать. Отец проснулся только через двое суток. Все это время Сандро ухаживал за ним. Иногда будил его, чтобы покормить. Видимо, на отце сказались трехмесячная усталость, и он никак не мог отоспаться. Когда отец набрался сил, Сандро на своей машине довез его до последнего грузинского поселка, который находится по дороге в Северную Осетию. Оттуда отцу пришлось уже идти пешком.

«Человек ... применит все возможное, чтобы выжить»

Медленно, но полный надежды, отец отправился в путь. Зима была снежной, суровой. Шел он очень долго. Как говорит: боялся замерзнуть, упасть, но желание увидеть своих детей, семью, было превыше всего. Кроме того, куда денешься от желания жить?! И наконец, он добрался до Зарской дороги, до той дороги, которую сегодня осетины называют «Дорогой Жизни». Тогда это была всего лишь маленькая тропинка и пролегалла она по Зарскому лесу. Отец решил чуть-чуть передохнуть и идти дальше, так как смеркалось. В лесу темнеет быстро. А до ближайшего села Зар оставалось всего ничего, километров двенадцать. И вдруг к своему ужасу он обнаружил, что его окружают волки. Кроме палки-посоха у него ничего не было.

Но, наверное, человек создание такое, что от безысходности он применит все возможное, чтобы выжить. Вот и мой отец не придумал ничего лучшего, как всю ночь орать во весь голос. Вы понимаете, он всю ночь кричал!.. Я не знаю, как это действовало на волков. Они не разбежались, но и не нападали. Только на рассвете, на дороге появилась группа людей, которые этой самой «Дорогой Жизни» выводили своих детей из города. У них при себе имелось оружие, они открыли огонь, спугнувший волков, и спасли отцу жизнь. За одну ту ночь мой отец поседел. А домой он добирался почти месяц...

Отец очень хотел встретиться с Сандро, отблагодарить его. Но дело в том, что после пережитых потрясений отец даже и думать не мог о том, чтобы поехать в сторону Грузии. По-моему, где-то в 2000 году отец пригласил Сандро в гости к нам, в Цхинвал. Вы знаете, Сандро тоже не решился приехать в Южную Осетию, и тогда они решили встретиться на нейтральной территории, в городе Владикавказе. Мама тоже захотела поехать с отцом, познакомиться с Сандро и лично поблагодарить его за доброту за заботу, которую он проявил к моему отцу. Отец с матерью приехали очень довольные, видимо встреча прошла в очень дружественной и теплой обстановке.

Итак, семья наша воссоединилась. Являясь вынужденными переселенцами, мы, как и многие другие, заселились в грузинский дом. Хозяева дома покинули Цхинвали. По окончании войны мама начала работать по специальности в городе Цхинвал. Отец к тому времени пришел в себя от пережитого и чтобы прокормить свою семью, устроился грузчиком на рынке. Но стрессы, которые он пережил, оставили свой отпечаток на его здоровье. Он заболел туберкулезом. Вот уже два года, как его нету ...

«Жизнь продолжается»

Но жизнь продолжается. Я вышла замуж. У меня двое детей. Сестра моя тоже замужем. А брат живет с мамой в том самом доме, который мы заняли. У брата есть невеста, но жениться он пока не может. Жилищные и финансовые условия не позволяют... Мама продолжает работать. Вот они вдвоем с братом хоть и зарабатывают, но этого не хватает на то, чтобы расширяться. Денег хватает только на питание. Все братья и сестры отца живы-здоровы. Двое являются вынужденными переселенцами, живут в Северной Осетии. Мы, естественно, общаемся, поддерживаем друг друга в наше нелегкое время...

«Талисман на всю жизнь»

Да, вы знаете, у меня есть свой маленький талисманчик. Когда я была маленькая, я помню, отец, вернувшийся с очередных заработков, привез нам всем подарки. Мне тогда досталась кукла и еще маленький сувенирчик – дельфинчик. Вы знаете, для того времени эта была очень редкостная игрушка, и потому я ее очень любила. Так вот - когда мы бежали из горящей деревни, я успела сунуть ее себе за пазуху. А вот куклу не успела – она, наверное, сгорела вместе с домом. Дельфинчик пропутешествовал со мной вместе по всем дорогам, и с тех пор это мой амулет. Я с ним не расстаюсь...

Зурико

47 лет. Зурико¹ - осетин, сейчас живет в Южной Осетии, женат на грузинке. А родился, вырос и получил образование в Тбилиси – городе, который считает своей колыбелью, который очень любит и по которому все еще скучает. Вместе со своими родителями, бабушкой и бабушкой ему пришлось покинуть родной город и девять лет маяться по чужим углам. Выполняя предсмертную волю бабушки, Зурико дал себе слово сделать все, чтобы его семья вновь обрела собственный кров. Как настоящий мужчина, он построил дом, воспитал детей и посадил сад.

История была записана на русском языке.

«... Тбилиси... был моей колыбелью»

Я не буду упоминать ни имен, ни географических названий. Ситуация здесь напряженная. Нам еще жить и жить здесь дальше. Не хотелось бы проблем в будущем...

По национальности я осетин, но и дед с бабушкой, и мать с отцом родились и жили в Грузии, в Тбилиси. Я тоже родился там, в Тбилиси. Там вырос. Детский сад, школа, музыкальная школа, национальные танцы, спорт – это мое детство и юность, которые прошли в городе Тбилиси. По окончании средней школы я поступил в Грузинский политехнический институт на факультет промышленное и гражданское строительство, получил диплом инженера-строителя. Свою трудовую деятельность я начал тоже в Тбилиси. Очень увлечен был своей работой, любил ее. В период сдачи объекта впадал в азарт. Сроки сдачи поджимали меня, авральные работы душили, накладные, квитанции, наряды - все сваливалось на мои плечи тяжелым грузом! Но какое счастье обуревало меня, когда все работы оставались позади, приходила комиссия, и мы

сдавали отстроенный объект!

Тбилиси был моей колыбелью. Город, который я безумно любил и люблю до сих пор. Я с удовольствием ездил бы туда часто. Просто погулять по его улицам, посидеть в тех местах, где мы с друзьями любили сидеть, вдохнуть пропитанный смогом воздух... Город, по которому я очень скучаю. Город, который я часто вижу во сне. Ведь город ни в чем не виноват. Виноваты политики и политика последних двух десятилетий.

Наша семья жила недалеко от железнодорожного вокзала. У нас был большой двор и старый дом. Такие дома называли и сейчас, наверное, называют итальянскими домами... Не знаю почему - наверное, их в свое время итальянцы строили. Как правило, это трехэтажные жилые дома, с длинными, для общего пользования, балконами на каждом этаже. С общими санузлами и общими кухнями. Во дворе была прачечная-баня, тоже для общего пользования, но уже одна для всех трех этажей. Сколько себя помню, каждое утро я просыпался под крики: «Мо-ло-ко!!Мацо-оо-ни!!» - это заходила к нам во двор

первая партия продавцов молочных продуктов, а следом за ними заходили продавцы зелени и кричали: «Зелень! Зе-е-е-лень!». Как правило, мои соседи вниз во двор не спускались, а выходили на балкон и оттуда так же громко спрашивали: «Сколько стоит?» Начинаясь настоящий ор и это длилось с половины седьмого до семи утра.

Я потягивался в постели, и как только из старенького радиоприемника начинали звучать приветственные слова диктора: «დილა მშვიდობისა, ძვირფასო რადიომსმენელებო!» («Доброе утро, уважаемые радиослушатели!»), вскакивал с постели и начинал делать утреннюю зарядку под звуки музыки и четкие указания диктора, доносящиеся из того же радиоприемника.

«Прошло почти семнадцать лет...»

Так начиналось утро в Тбилиси. Вот сейчас рассказываю, а у самого перед глазами наш дом, наша квартира в этом доме, окно с короткими белоснежными накрахмаленными льняными занавесками и радио на широком подоконнике. Прошло почти семнадцать лет, а я даже голос этого самого диктора помню. Даже сейчас, вспоминая, я его слышу, как тогда. У нашей семьи было три комнаты. Причем одна комната была в начале балкона, под номером два, а две другие – в конце балкона, под номером восемь. В восьмом номере одна из комнат была большая, девять метров в длину, шесть метров в ширину, и четыре метра восемьдесят сантиметров в высоту. Вторая комната была очень маленькая - три метра на три метра, но с такими же высокими потолками. Маленькая комната

была родительской спальней. А в большой комнате прямо на двух противоположных стенах, от пола до потолка, были нарисованы две картины. На первой был изображен святой Георгий, а на другой - кавказские горы, чистая горная речка, молодая девушка на камне у этой самой речки играет на чонгури, а рядом, на большом валуне молодой джигит танцует под ее музыку.

Я часами мог смотреть на эти картины, знал каждый мазок художника. Жили мы с родителями, бабушкой и дедушкой все вместе в этой комнате. Но ночевал я с бабушкой и дедушкой, в комнате под номером два. Эх, эта комната тоже была просторной и подразделялась на две части, на столовую и мою со стариками спальню. О..., в этой комнате стоял старинный шкаф-буфет, и когда я открывал его, приятный запах ванили и гвоздики ударял мне в нос. Там, у окна, стоял инкрустированный письменный стол с двумя маленькими выдвижными шкафчиками. Стол сверху был покрыт зеленым сукном, а чтобы мне удобно было заниматься, писать, дедушка сверху на сукно положил стекло. Там же, в углу, стояла бабушкина швейная машина «Zinger», покрытая очень красивой скатертью, которую вышивала бабушка своими руками. Каждое воскресенье бабушка с дедушкой водили меня гулять в зоопарк или детский парк. Назывался он «Муштаиди». Дедушка покупал мне печенье, фрукты, конфеты...

Когда я стал студентом, вместе со своими однокурсниками мы, уже самостоятельно, начали узнавать и познавать наш Тбилиси. За пять лет учебы в институте мы здорово изучили город и знали его как свои пять пальцев.

А он, наш город, был величав, строг и красив. «Старый Тбилиси», Кура, памятник Горгасали! Тбилиси был очень гостеприимным городом, и люди в нем жили отзывчивые, добрые... Я буду

жить с этими воспоминаниями до скончания моих лет...

«Я стал испытывать негативное отношение к себе, как к осетину»

Что потом произошло? Как все случилось? Я вдруг начал испытывать определенный дискомфорт. Негативное отношение к себе, как к осетину, стал ощущать на работе. Мои непосредственные начальники начали обращаться ко мне не по имени-отчеству, а так, например: «მენ, ოსო, დაამთავრე პირველი სართულის გაშენება?»² Куда-то вмиг исчезли культура, такт, дружелюбность, коллегиальность. Появилась горечь, недосказанность, обида, притеснения. А потом, спустя почти год, началась война, грузино-осетинский конфликт, как его сейчас называют. Соседи нас не трогали, наоборот, плакали, когда нас, мою семью, выгнали из квартиры невесть откуда взявшиеся блюстители чистоты грузинской нации, бандиты и головорезы.

«... сделаю все, чтобы у нас был свой собственный кров»

Так мы оказались в Южной Осетии, в Цхинвали. Стали вынужденными переселенцами. В первое время нас приютили совершенно незнакомые нам люди. Приняли тепло. Успокаивали нас всех, особенно стариков. Делили с нами свой кров, хлеб-соль. А потом, спустя пару месяцев, они же и помогли нам заселиться в пустующий неподалеку от них грузинский дом. Там мы прожили почти девять лет.

Девять лет... Старики умерли. Они умерли в один год. Умерла моя бабушка, а в день, когда мы ее похоронили, умер дедушка. Они прожили в любви и согласии вместе всю жизнь, и умерли почти вместе, с разницей в три дня. Выносили их гробы из чужого грузинского дома... Тогда я

2 В переводе с грузинского: «Ты, осетин, закончил строительство первого этажа?»

остро ощутил, что значит не иметь своего угла, своего дома, своего крова. Последними словами деда были: «მთელი ჩვენი ცხოვრება მეცა და მამაჩემიც ჩვენს სახლს თოთო ბავშვივით უვლიდით, და ახლა ვკვდებით, და სხვისი სახლიდან გასატანი გავხვდით», что в переводе значит: «Всю свою жизнь и я, и мой отец заботились о нашем доме, как о маленьком ребенке, а сейчас умираю, и меня вынесут из чужого дома...».

Я дал себе слово, что сделаю все для того, чтобы у нас был свой собственный кров, пусть угол, пусть комната, но свой угол и своя комнатка. Я начал работать, как заговоренный. Вначале хватался за любую работу. А затем сколотил строительную бригаду: каменщик, сварщик, электрик, штукатур-маляр, столяр, сантехник и кафельщик. Мои работники были высококвалифицированными специалистами. К тому времени война вошла в фазу затишья, люди начали строить дома, покупать дома, ремонтировать их, и работы у меня и моей бригады было хоть отбавляй. От заказчиков не было отбоя. Люди со средствами стали покупать земельные участки за городом и строить дачи. Мы брались и за эти заказы.

«Я купил дом»

Предсмертные слова деда были постоянным напоминанием мне о собственном жилье. И я купил дом, частный дом в центре города. Правда, он требовал капитального ремонта, но это были уже мелочи жизни. Я держал родителей в неведении. Они ничего не знали ни о покупке дома, ни о его ремонте. Я отремонтировал дом, обставил его, приобрел все, вплоть до посуды. Заказал портреты дедушки и бабушки и повесил их на стену в зале. В день очередной годовщины смерти дедушки и бабушки я накрыл стол в новом доме.

Поехал за родителями, посадил папу с мамой в машину и привез их в наш, наш собственный дом. Я не произнес ни одного слова, просто молча открыл дверь, завел родителей внутрь и дал им возможность самим осознать, что это уже наш дом. Вначале они начали озираться вокруг и спрашивать: «ვისი სახლია, შვილო? ეს სად მოგვიყვანე?»³ Но войдя в зал, оба замерли, увидев на стене портреты дедушки и бабушки и накрытый тут же поминальный стол. Мама прослезилась, потом засутилась, несколько раз обошла весь дом, все щупала, трогала, восторгалась. А папа - стоял посреди залы перед портретами своих родителей и... плакал. Плакал, не стесняясь... Потом, утерев слезы, он сказал, что плачет от счастья, что осуществилась его мечта, и мечта его отца... И еще он сказал, что ночевать останется в новом, своем доме и больше никуда отсюда не уйдет... Мы обзвонили близких людей, пригласили их, вместе сели за поминальный стол и подняли бокалы за упокой душ дедушки и бабушки...

«Мы поженились с моей первой любовью, грузинкой...»

В Тбилиси у меня осталась моя первая любовь, моя однокурсница, грузинка по национальности. Связь с ней у меня не прекращалась даже после того, как я со своей семьей переехал в Осетию. Вначале мы с ней созванивались. Когда война поутихла, простой народ нашел общий язык, на границе Осетии и Грузии заработал Эргнетский рынок. Мой будущий свекор занялся торговлей. Он приезжал из Тбилиси на этот самый рынок, отоваривался, уезжал обратно и там, в Тбилиси, реализовывал свой товар. Тогда товары первой необходимости на этом самом рынке по оптовым ценам были намного дешевле, чем в Тбилиси. Таким образом он зарабатывал и содержал свою семью. А его дочь, моя любовь, приезжа-

ла с ним. Я поднимался к ней на рынок, и пока ее отец занимался своими делами, у нас с ней бывало два-три часа общения и наслаждения обществом друг друга. Ясное дело, перспектива замужества дочери в Цхинвали, да еще после войны, родителей моей будущей жены никак не прельщала. С другой стороны, они знали, что мы еще со студенческих лет любим друг друга. Моя супруга - красивая женщина, и ухажеров у нее было достаточно, но она отклоняла все другие предложения замужества. В конце концов, родители поддержали наше решение, и мы поженились. Родители моей супруги живут в Тбилиси и часто навещают нас. Они и сейчас вместе с моей супругой и нашими детьми поехали отдыхать на море, в Батуми. У нас первенец -сын и две дочки-двойняшки.

Говорят, мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына.

Дом я купил в очень плачевном состоянии: ни окон, ни дверей, ни крыши. Только фундамент и стены, так что считайте, что я его построил. Детей у меня трое. И деревья я тоже посадил. Много деревьев. Целый сад...

ГЛОССАРИЙ

А

Абхазский язык

Принадлежит к северокавказской языковой группе. Вместе с русским является одним из официальных языков непризнанной республики Абхазия, а также вторым официальным языком Грузии. Для написания используется русский алфавит (кириллица). На абхазском говорят около 100, 000 человек, в основном, в Абхазии и Турции.

Адамон Нихас

Народный Фронт, осетинская националистическая организация. Добивается более полной автономии для Южной Осетии с конечной целью – объединением ее с Северной Осетией.

Б

Беженец

Согласно конвенции 1951 года, касающейся статуса беженца, беженец – это человек, который «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедования, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений”.

В повседневной жизни ВПЛ, перемещенные с сепаратистских территорий в другие регионы Грузии, часто называют себя беженцами. Частично это происходит из-за незнания точных правовых терминов и того, в чем состоит разница между беженцами и ВПЛ. Однако некоторые ВПЛ используют этот термин, чтобы выразить, как они чувствуют себя в изгнании, как

оценивают свою нынешнюю жизнь, полную невзгод, лишений и порой никому не нужную.

В

Внутренне перемещенные (вынужденно перемещенные) лица (ВПЛ)

В соответствии с Руководящими принципами ООН по вопросу о внутреннем перемещении, «перемещенными внутри страны лицами (ВПЛ) считаются лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушения прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ”

Около 45,000 внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) вернулись в Гальский район (данное число не уточнялось, но используется как предположительное грузинским правительством и международными организациями, работающими в Грузии). Это число включает также ВПЛ, которые живут в других регионах Грузии, но возвращаются и живут в Гали в течение нескольких месяцев в году.

Г

Гали / Гальский район

Один из основных городов в самопровозглашенной Республике Абхазия, центр Гальского района. Этнические грузины составляли основное население района до конфликта в Абхазии в 1992-1993 гг., когда из-за этнических столкновений большинству грузинского населения пришлось покинуть Абхазию. Многие из тех, кто спустя время вернулся в Гальский район, вынуждены были покинуть его снова в результате возобновившихся столкновений.

Около 45,000 внутренне перемещенных лиц (ВПЛ)

вернулись в Гальский район (данное число не уточнялось, но используется как предположительное грузинским правительством и международными организациями, работающими в Грузии). Это число включает также ВПЛ, которые живут в других регионах Грузии, но возвращаются и живут в Гали в течение нескольких месяцев в году. Возвращение этнических грузин в другие части Абхазии до сих пор невозможно.

Грузинский язык

Относится к южно-кавказской языковой группе, которая также включает мегрельский, сванский и лазский языки. На грузинском языке говорит около четырех миллионов человек в мире.

И

Ингурский мост

Де-факто административная граница между Абхазией и остальной Грузией, которая проходит по реке Ингури. Она соединяет Гальский район и Зугдидский район. Официально является пропускным пунктом, однако во многих историях рассказчики упоминают ее как границу.

К

Коллективный центр

Здание, принадлежащее государству или находящееся в частном владении, в которое были расселены (или вселились сами) внутренне перемещенные лица, гонимые из Абхазии и Южной Осетии. Приблизительно половина всего гонимого населения по-прежнему живет в коллективных центрах.

Конфликт в Абхазии

Конфликт между грузинами и абхазами в 1992-1993 на территории Абхазской автономной республики. Одной из основных причин конфликта было несогласие сторон относительно статуса Абхазии после падения советского режима и обретения Грузией независимости. Война между грузинами и вооруженными формированиями сепаратистов продолжалась в течение 13 месяцев. Абхазская сторона получала военную помощь из Российской Федерации, хотя это не было официально подтверждено русскими. Около 10,000 человек погибло во время конфликта.

300,000 этнических грузин были вынуждены покинуть регион. Договор о прекращении огня был подписан в мае 1994 года под покровительством ООН, и позднее русские миротворческие войска заняли свои позиции. Договор был также подписан Абхазским де-факто руководством, руководством Грузии и России, а также Верховным комиссариатом по делам беженцев (УВКБ ООН) о способствовании добровольного возвращения в Абхазию внутренне-перемещенных лиц и беженцев, но до сих пор (начало 2008г.) условия договора выполнены не были.

Конфликт в Южной Осетии

Конфликт на территории бывшей Юго-Осетинской автономной республики, входившей в состав Грузии. Начался в 1989 и перерос в гражданскую войну в 1991-1992 годах. Около 3,000 погибли во время войны, около 62,000 как этнических грузин, так и этнических осетин были вынуждены переселиться в другие регионы Грузии и за границу. Около 11,000 стали ВПЛ в Грузии, а 50,000 стали беженцами и проживают, в основном, в России. В результате конфликта 10,000 этнических осетин нашли пристанище в коллективных центрах в Цхинвали, главном городе Южной Осетии.

М

Майские события / Гальские события

В апреле-мае 1998 года вспыхнул конфликт между грузинами и абхазами, когда абхазские полицейские войска вошли в Гальский район, чтобы поддержать сепаратистские выборы. В результате погибли сотни людей, прежде чем 20 мая было достигнуто соглашение о прекращении огня.

Мегрельский язык

Один из картвельских языков. Согласно непроверенным данным, на мегрельском языке говорят от 100,000 до 400,000 человек, в основном, в Западной Грузии. Функционирует в основном как устное средство общения. В качестве основного литературного и письменного языка используется грузинский, который владеет подавляющее большинство носителей.

Н

Нижняя зона Гали

Территория Гальского района, прилегающая к Ингурскому пропускному пункту и мосту. С 1992 по 2000гг. была убежищем партизанского движения.

Ноябрьские события (23 ноября)

В 1989 году Верховный Совет Южной Осетии принял решение о присоединении к Северной Осетии. Верховный Совет Грузинской Советской Социалистической республики отменил это решение. 23 ноября тысячи грузинских националистов, возглавляемых будущим президентом Грузии Гамсахурдиа и другими оппозиционными лидерами, попытались провести митинг в Цхинвали, главном городе Южной Осетии. Однако они не смогли войти в город, поскольку осетины перекрыли дороги. Во избежание столкновений между двумя сторонами вмешались части Советской армии. В последующих столкновениях несколько человек было ранено.

О

Осетинский язык

Принадлежит к восточной подгруппе иранской группы индоевропейских языков. На этом языке говорят около 700,000 людей, из них 60 процентов в Северной Осетии и 20 процентов в Южной Осетии. Письменность на основе русского алфавита (кириллица).

П

Приватизация коллективных центров – мест компактного проживания ВПЛ

Продажа зданий, в которых располагались коллективные центры, частным инвесторам началась в 2004 году. Многие гонимые были переселены на новые места в отсутствие согласованной политики расселения. В результате некоторые ВПЛ были выселены из коллективных центров насильно (к примеру, из гостиницы «Иверия» в Тбилиси и из центров в Аджарии).

Инвесторы покупают здания на тендерной основе. Процесс контролируется Министерством экономического развития. Выселенные ВПЛ получают от инвестора денежную компенсацию. В 2004 году она составляла примерно \$7,000 за комнату. Даже после того, как эта сумма несколько возросла, ее недостаточно, чтобы приобрести достойное жилье.

Трагедия 9 апреля

Трагедия произошла 9 апреля 1989 года, когда в Тбилиси проходила мирная антисоветская демонстрация. Во время ее разгона Советские войска открыли огонь по участникам демонстрации и пустили химические отравляющие вещества. 20 участников демонстрации погибли, сотни людей были ранены и отравлены. Сейчас 9 апреля отмечается как государственный праздник Грузии - День национального единства.

Ш

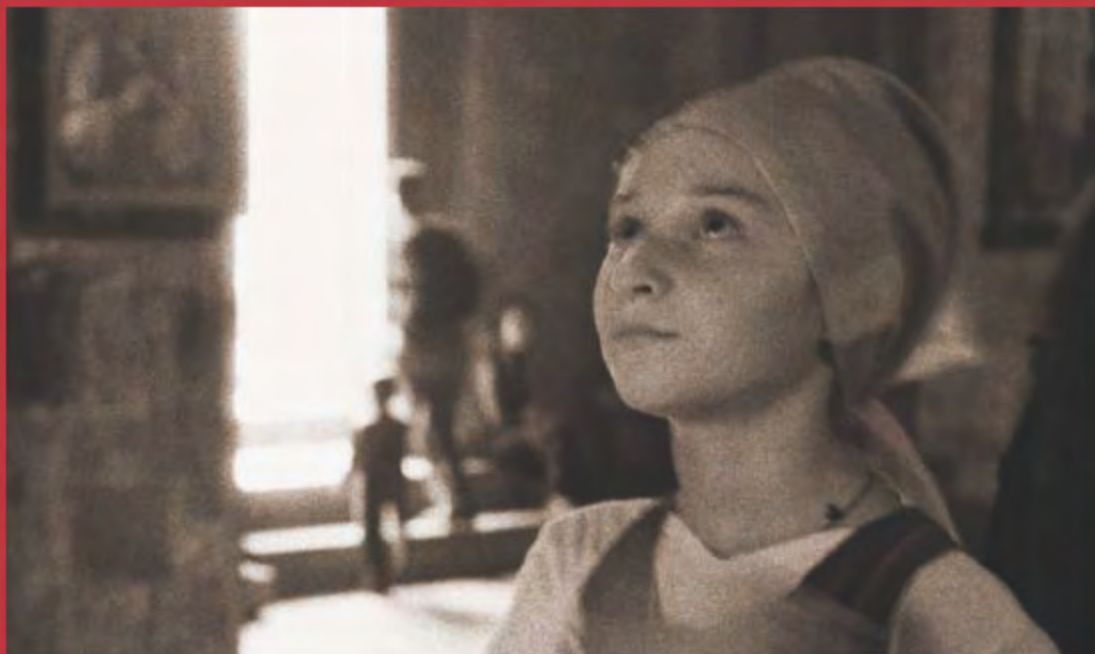
Школы для ВПЛ (официальное название - Абхазские публичные школы)

Публичные школы в ведении Министерства образования и культуры Абхазии в изгнании. Школы были открыты в 1994-1998 гг., в большинстве случаев – вблизи коллективных центров, где проживали ВПЛ. Эта мера была предпринята из-за отсутствия образовательных структур для ВПЛ и загруженности местных школ. Большинство педагогов и учеников в этих школах являются вынужденными переселенцами. Расположенные в отдельных зданиях, эти школы, тем не менее, осуществляют образовательный процесс по программе, используемой во всех общеобразовательных школах Грузии.

Э

Эргнетский пропускной пункт

Административная граница между Южной Осетией и остальной Грузией, контролируемая: с грузинской стороны - специальным соединением Министерства безопасности Грузии; на самой границе - русскими миротворцами; с осетинской стороны – осетинским соединением.

IDMC

Центр мониторинга за внутренним перемещением (IDMC), основанный Норвежским Советом по беженцам в 1998, является основным международным институтом, осуществляющим мониторинг внутреннего перемещения людей в результате конфликтов или нарушения прав человека во всем мире. Обладая мандатом Постоянного Комитета по координации деятельности агентств ООН, Центр мониторинга за внутренним перемещением публикует информацию и помещает ее в базу данных, содержащую сведения по 50 странам мира.

Основываясь на этой информации, Центр работает над обеспечением лучшей защиты вынужденных переселенцев, оказанием помощи миллионам этих наиболее обездоленных людей во всем мире, привлечением внимания общественности и к необходимости уважать их права, содействуя решениям, которые рассчитаны на безопасное возвращение гонимых домой или интеграцию в местное общество.

Информация и анализ, подготовленные Центром мониторинга за внутренним перемещением, предлагается всем заинтересованным лицам и организациям – политикам, работникам гуманитарной сферы, законодателям, представителям общественности – чтобы обеспечить своевременное принятие обоснованных решений на местном и международном уровнях в соответствии с международными стандартами, такими как Руководящие принципы ООН касательно внутреннего перемещения. Центр мониторинга за внутренним перемещением проводит тренинги по защите прав внутренне перемещенных лиц и добивается, чтобы голоса этих людей были услышаны всем миром. Центр стал инициатором и руководителем проекта “Жизненные истории”.

Норвежский Совет по беженцам (НСБ) – единственная из пяти самых крупных неправительственных организаций в Норвегии, мандатом которой является оказание помощи гонимым во всем мире. НСБ оказывает помощь и вносит вклад в защиту миллионов беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) в 20 странах Африки, Азии, Европы и Латинской Америки. В Грузии Норвежский совет по беженцам работает с 1994 года. В настоящее время грузинский офис НСБ осуществляет три основных проекта, целевой группой которых являются ВПЛ: Информацию, консультирование и оказание юридической помощи (Юридический проект); Строительство/Мобилизация общин; Образование. Проекты финансируются Министерством иностранных дел Норвегии, УВКБ ООН, Государственной нефтегазовой компанией Норвегии Statoil/Гидро и Шведским международным агентством по развитию.

Организация Панос Лондон была основана в 1986 году. Она является частью глобальной неприбыльной сети, которая с помощью медиа-коммуникационных проектов пропагандирует участие неимущих и обездоленных людей в обсуждении проблем международного развития. Устные свидетельства – это метод записи историй жизни отдельных людей, характеристиками которого являются инклюзивность и усиление потенциала. Он позволяет людям говорить без страха быть прерванными. В рамках программы “Устные свидетельства” многие страны мира получают поддержку в осуществлении собственных проектов “Устные свидетельства” и “Жизненные истории”.